

Герои моего времени

Михаил Зарубин

Михаил Константинович Зарубин

Герои моего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70614739

SelfPub; 2024

Аннотация

Книга современного петербургского прозаика и публициста, лауреата российских и международных премий Михаила Зарубина «Герои моего времени» является произведением историко-биографического жанра. В ней автор вспоминает о своих друзьях, знаменитых деятелях Ленинграда – Санкт Петербурга. Вспоминая встречи с поэтом Б. Орловым, директором Кировского завода П. Семененко, руководителем Ленинграда В. Ходыревым, дружбу с артистами К. Лавровым, А.Толубеевым, с тренером В. Платоновым, писатель показывает, что при скоротечности бытия в нём есть незыблемые, не разрушающиеся в волнах реки времени духовно-нравственные опоры.

Содержание

Пролог	5
Кирилл Лавров. Времени тонкая нить, или Метамарфозы четвертой стены	7
Вступительное слово	7
Глава первая. Встреча и прощание	12
Глава вторая. Ваш Лавров	24
Глава третья. Театр и жизнь	40
Глава четвертая. Профессия актер. Профессия строитель	82
Послесловие. Времени тонкая нить	108
Прогулки с Андреем Толубеевыми	118
Глава первая. Поклон театру	118
Глава вторая. Толубеев, сын Толубеева	138
Глава третья. В защиту города и человека	152
Глава четвертая. Спасти центр Петербурга от «Охта-центра»	181
Глава пятая. Пешком по Гороховой	190
Глава шестая. О Боге, о жизни, о сцене	202
Эпилог. Теплый свет окон	214
Звездная судьба. Великий тренер Вячеслав Алексеевич Платонов	224
Государственный человек. Владимир Яковлевич Ходырев – последний из плеяды советских	278

руководителей Ленинграда	
1	281
2	294
3	303
Добрые слова на память. О директоре Кировского завода Петре Георгиевиче Семененко	314
1	315
2	322
3	335
4	345
5	353
«Жизнь не всегда права». Встречи с поэтом Борисом Орловым	358
Начало	358
Встреча первая. «Научимся святость беречь»	363
Встреча вторая. «Люблю из прошлого мотивы»	383
Встреча третья. «И бесконечной кажется прогулка»	403

Михаил Зарубин

Герои моего времени

Пролог

Во все исторические времена служение человеку Отечеству считалось делом почетным и достойным наград. В Царской России, в правление Екатерины Великой, было введено звание «Особо почетный гражданин России», которое во все последующие века, вплоть до сокрушения Российской империи, присваивалось гражданам за личные заслуги, совершенные на любом профессиональном поприще, удостаивались им люди всех сословий. Это звание сопровождалось Императорской грамотой и подписывалось правящим Монархом, в особых случаях оно было наследственным. Так государство благодарно отмечало своих подданных, так узнавало о своих героях. В наше время, обладающее мощными средствами коммуникации, мы, к сожалению, мало знаем о выдающихся современниках, совершающих каждодневные, негромкие подвиги, о людях, с радостью несущих бремя служения Родине, созидающих ее историю. Таковыми являются герои, о которых я рассказываю в настоящей книге. То, что они герои, — заявляю с уверенностью, так как знал и знаю каждого лично, так как многому у них учился и сейчас вспоми-

наю и ныне здравствующих, и уже ушедших своих друзей с огромной благодарностью. Не только за доброе ко мне отношение, но и за то, что, находясь с ними в незримой связи в своем земном бытии, могу объективно оценить и осмыслить это «мое» время, предопределившее и мою судьбу. Не претендуя на объемлющие биографии и творческие исследования, я постарался представить свих героев через литературно-исторические портреты в контексте того времени, в которое выпало нам сосуществовать не только на одной земле, но и в одном городе, быть участниками одних государственных, социальных, культурных событий.

«Герой нашего времени» – основополагающий и извечный сюжет русской литературы, стремящейся остановить время, осмыслить его, запечатлеть. Мои герои, которым случилось жить в конце XX – нач. XXI вв., в нелегкий период смены социальной формации, на рубеже тысячелетий, своими деяниями рассказывают о своем времени. А я не пожалел труда и сердца рассказать о них.

Кирилл Лавров. Времени тонкая нить, или Метамарфозы четвертой стены

Вступительное слово

История театра насчитывает не одно тысячелетие. Но каждый человек, у кого вспыхивает любовь к театру, как это случилось со мной, уверен, что такое происходит только с ним и только в данный счастливый момент. И, действительно, механизм такого чувства влечения имеет личностные особенности. Человеку присущ «инстинкт преображения», который удовлетворяется в большей степени в театре. Но, кроме того, в театре происходит претворение желаемого в действительное, мечты в реальность, происходит углубление времени и расширение пространства. То есть жизнь может выходить за свои реальные границы.

Когда поднимается занавес, кажется, падает какая-то зловещая стена, намеренно отделяющая человека от настоящего прекрасного мира, где трудные вопросы облакаются в понятные слова и в результате сценического действия решаются самые сложные проблемы. В театре, укрупняющем явления, проявляются бытийные взаимоотношения мира и чело-

века, удовлетворяются эстетические потребности личности.

Я помню, с каким замиранием сердца всегда ждал, когда же вознесется занавес – эта четвертая стена сцены, и артисты, казалось только для меня, станут играть спектакль. «Четвертая стена» – термин сугубо театральный, это воображаемая стена между зрителем и актерами в традиционном трехстенном театре. Его ввел Д. Дидро, но более глубокую интерпретацию термин получил с появлением «театрального реализма», когда слом «четвертой стены», то есть воображаемой границы между зрителем и актером, ставился в задачу творческого коллектива, так как позволял зрителю погрузиться в происходящее на сцене, поверить в реальность постановки.

И основным тружеником на этом поприще «слома» всегда был актер. Мне посчастливилось видеть в работе и общаться в жизни с такими корифеями сцены, которые с невероятным трудом разрушали эту стену тем, что не подделывались под персонажей, но подчиняли их своему творческому воображению, своему времени. Оставаясь независимыми от литературного образа, они убеждали зрителя в творческой первичности актерского искусства. У актера и зрителя складывались честные, доверительные отношения. И ни о какой «стене» между ними речи быть не могло.

По мере овладения профессиональными, техническими, историческими знаниями, просто жизненным опытом я понял, насколько справедливо высказывание театроведа нача-

ла XX века Н. Евреинова: «До сих пор думали, что Театр там, где его здание. Прошли тысячелетия, прежде чем люди узнали... что театр везде и всюду».

Действительно, в своей жизни и профессии я немало видел ситуаций, достойных театральных аналогий, а термин «четвертая стена» может быть оправданно применен во многих других сферах жизни. Например, в деятельности властей города, отгораживающихся непроницаемой стеной от жителей, которые настаивают, чтобы этой стеной, как «четвертой» в театре, не было. Или в моей строительной специальности. Так и хочется сравнить с обманом в плохом театре действия строителей-разрушителей города, которые, наоборот, оставляют не разрушенной «четвертую стену» фасада здания и за ней воровски уничтожают остальные три. Или, наоборот, они заменяют «четвертую стену» фасада новоделом и заставляют нас верить, что это по-прежнему историческое здание.

В общем, увлекательны и непредсказуемы метаморфозы современной «четвертой стеной». Используя этот метафорический образ, я пытаюсь отразить любовь к театру, познание которого происходило благодаря дружбе с коллективом великого БДТ. Исследовать свое время через общение с выдающимися петербуржцами Кириллом Лавровым и Андреем Толубеевым, чьи образы надолго хочется сохранить в памяти людей. Я решил приоткрыть завесу над происходящим в строительном мире, где, как и на сцене, бывают и поражения, и победы. Такой личной победой я считаю длительное

удачное строительное сотрудничество возглавляемого мной 47-го Треста с Большим драматическим театром им. Г. А. Товстоногова. У нас оказалось несколько лет совместной истории, когда трест проводил работы по созданию нового студийного корпуса театра и жилого дома для артистов БДТ. Понятно, за эти годы накопилось много того, о чем хочется и нужно рассказать.

Помнится, накануне дня рождения Кирилла Лаврова я находился в театре и вместе с актерами обсуждал сценарий предстоящего торжества. Как всегда в таких случаях бывает, пошли воспоминания о юбиляре. Мне тоже было о чем рассказать. А в ответ услышал: —

Почему же Вы не напишете об этом? Это очень интересно, даже нам, работникам театра, хоть мы и видим Лаврова каждый день. А вот о его роли «строителя» в подробностях знаете только Вы, Михаил Константинович.

И я начал писать книгу. Сначала одну, потом вторую. В этом мне очень помогли специалисты театра В. Каплан, Е. Егоров, Л. Хабарова – от них я почерпнул сведения об истории русского театрального искусства, о выдающихся актерах, меценатах, режиссерах, театральных художниках, получал книги по теории и философии театра. Не осталась в стороне и моя семья. Жена Нина Андреевна зорко следила за тем, чтобы в своих воспоминаниях я не впадал в излишнюю патетику. Дочери Анна и Наталья помогли с поиском нужной литературы по истории Санкт-Петербурга. Не остались в

стороне внуки Коля, Андрей, Миша, Паша. Очень хочу, чтобы внука Сонечка, когда подрастет, с интересом прочитала эту книгу. Это о них в первую очередь я думаю, когда с душевной болью рассказываю в своих воспоминаниях о разрушениях старого города, который так хочется оставить потомкам и всем будущим поколениям в неприкосновенной величественной красоте. Это для них я хотел сохранить портреты великих, к сожалению, уже ушедших моих друзей – Кирилла Лаврова и Андрея Толубеева, – у таких людей есть чему поучиться нам всем. Это во имя них, еще малышкой, я старался весь свой век на строительном и общественном поприщах, надеясь, что никогда не возникнет разобщающая «четвертая стена» между наследниками моей жизни и городом, в котором им посчастливилось родиться. И которому они, как и я, надеюсь, будут служить верой и правдой.

Глава первая. Встреча и прощание

Начало века. Конец апреля. Вновь пришла весна и все преобразила. Зимние тяжеловесные облака, которые неизменно на протяжении почти всех холодных месяцев нависали над городом, словно заботливые материнские ладони, согревали его, защищали от ледяного дыхания космоса, незаметно просветлели и, раскрывшись, исчезли. Наконец-то глубокое питерское небо показалось горожанам во всей своей неизбывной вдохновляющей красоте. На солнце смотреть в упор невозможно: слепит до слез. Как будто в одно мгновение выплеснулась из земли молодая, трепещущая на теплом ветру трава, сады и парки окрасились изумрудными оттенками новой жизни природы. Уже на всех деревьях появились блестящие, не боящиеся разгорающегося солнца листочки. Вишня расцвела первой, словно спешила первой утвердиться в своей красоте. Сирень пока медлит, но вот-вот вспыхнут ароматным разноцветьем и ее тугие гроздья...

Первая гроза отгремела. И ликующая радуга в свои широкие весенние объятия заключила и Васильевский остров, и Пулковские высоты, отстоящие друг от друга на десятки километров. Зримо дышит земля, это особенно хорошо видно на восходе солнца, когда белый пар, витиевато курясь, поднимается белыми струйками к небу и исчезает в вышине. Дышится легко. В такую пору мне всегда вспоминается

родная Сибирь. Хочется поскорее в лес, к подснежникам... Таких подснежников, как у нас в Сибири, я не встречал нигде: они чем-то напоминают тюльпаны – белые, желтые, сиреневые. В последнюю свою сибирскую весну я нарвал маме огромный букет подснежников, принес домой и водрузил на стол – нежный их аромат перебил резкий лекарственный запах, плотно окружавший маму уже не один месяц. Я увидел радость в маминых глазах и запомнил ее такой на всю жизнь.

Но это было давно. А сейчас мой Петербург готовится к таинству белых ночей. К сезону катерных прогулок по рекам и речкам. К длительным променадам вдоль парадного невского фасада, представляющего стройную цепь зданий, поднятых на мощные цоколи. Эта выверенная перспектива иногда искривляется округлыми текучими линиями вросших в нее площадей. В пышной, в основном трехэтажной застройке преобладают дворцы и особняки, монументальные общественные здания. Сладко от сознания, что старинный город весной молодеет, радуется. Многие окна в домах распахнуты, на подоконниках – цветы... И самому страстно хочется жить! И как в детстве кричать – здравствуй, весна! Весна – дарящая не только надежды, но и новые встречи.

* * *

С сыном Кирилла Юрьевича Лаврова, Сергеем и его женой Марией Ивановной я знаком давно. По необходимости

мы общаемся друг с другом. Такая необходимость случилось и той весной: несколько дней подряд мы пытались договориться о встрече, но все как-то не получалось: то я не могу, то Сергею некогда. После безуспешных попыток решили: пусть приедет вместо меня Саша – мой помощник, в любое время, удобное Сергею, и они посмотрят, что надо сделать по нашей общей проблеме.

Мы оба порадовались, что нашли такое простое решение, пожелали друг другу здоровья и обязательной встречи после майских праздников.

Более двадцати лет я возглавляю организацию «47-й строительный Трест». Про таких говорят: «столько не живут, сколько он работает». По давней традиции всякий рабочий день начинаю с «производственной базы». Небольшая диспетчерская, где по утрам собираются снабженцы, механики, руководители строек и те, кто с вечера забыл что-то заказать. Короткий разговор, конкретная информация – и обстановка ясна: я уже знаю, что делать, где нужно вмешаться, кому помочь. В тот день на строительстве жилого дома по Турбинной улице случилась неприятность. При разбирательстве открылись и попутные проблемы, которые от меня скрывали. Пришлось повысить голос, убеждая и стыдя начальника участка, поэтому телефонный звонок услышал не сразу. Сообразив, что сигналил именно мой мобильник, еще не отойдя от трудного разговора, буркнул в трубку:

– Слушаю!

Трубка молчала.

– Слушаю, – уже спокойнее сказал я.

– Михаил Константинович, это Саша.

– Говори, Саша, по быстрее.

– Я позвонил Сергею Кирилловичу.

– Саша, не звонить надо, а ехать к нему!

– Мы договаривались сначала созвониться. Я так и сделал, звоню, а там большая беда.

– Что за беда, Саша? Ты можешь говорить яснее?!

– Умер Лавров... Кирилл Юрьевич.

Я сжал трубку, наверняка изменился в лице, потому что ко мне взволнованно подбежал мой зять Володя:

– Что с тобой? Тебе плохо?

Я, молча, поднялся, пошел к двери, распахнул ее. Мне не хватало воздуха.

Я знаю, люди вечно не живут, но почему смерть выбрала сегодня именно этого, дорогого мне человека? Зачем не подарила ему хотя бы еще одну весну?

Я сжал ладонями голову. Кровь пульсировала в висках, причиняя острую боль. Мысли беспорядочно набегали и тут же уносились, как тучи, подхваченные ветром. Прикрыв глаза, я склонил голову, так, казалось, было легче.

Не стало Кирилла Юрьевича Лаврова?! Не могу осознать до конца. Накатывают разные чувства: отчаяние, одиночество, вина, беспомощность, невозможность помочь, душевная боль, тоска. Все одновременно.

Можно поверить в любое чудо, даже надеяться увидеть подснежники в январском лесу – чего только не бывает в современном мире! Но осознать уход из жизни Лаврова – невозможно.

Двенадцать лет мы знали друг друга. Как же быстро они промчались... С трудом вышел на улицу, порыв ветра с залива сбросил с моей головы кепку и вернул меня в реальность: надо что-то делать! Сейчас в театре еще никого, поеду в офис. В машине вдруг подумал: а если Саша ошибся? Набрал номер Марьи Кирилловны, но она лишь подтвердила страшную весть. Вспомнился с горечью Маяковский: «И нету чудес, и мечтать о них нечего...»

Еще два дня назад разговаривал с Кириллом Юрьевичем по телефону. Голос на том конце провода звучал болезненно, слабо, очень это было не похоже на Лаврова... Я произносил какие-то общие, гладкие, как камешки, слова. Старался не показать свое беспокойство и сострадание. Как же я не почувствовал, что он уходит?!

Вдруг перед глазами возник недавно сыгранный им Понтий Пилат: по облакам, как по снежной дороге, вместе с Иешуа прокуратор уходит от нас туда, где нет ни времени, ни привычного пространства... Подумалось: «Вот и Кирилл Юрьевич ушел этой дорогой. И уже не вернется... Сколько же я впустую потратил времени, когда он был жив, о многом не успел с ним поговорить, не отважился спросить его о чем-то важном и самом главном...»

Он привлекал к себе людей, сила его притяжения была огромной. В далеком 1972 году, в Сибири, увидев Лаврова в роли Башкирцева, я был покорен созданным образом, его волей, упорством, целеустремленностью. А за годы нашей дружбы, наблюдая в обычной, не киношной и не театральной обстановке, замечая и вдохновение, и усталость на его лице, я видел его таким, каким он был в молодости. Он всегда был мудр и несуетлив. Морщины изменили Лаврова, но каждый его узнавал. Фигура всегда была стройна и подтянута, он шагал широко, улыбался молодо и жизнерадостно.

Кирилл Юрьевич уникален во всем: в личной жизни, в работе. О его принципиальности ходили легенды. Лавров мог при всесильном хозяине города Г. В. Романове в одиночку встать и выступить против его директивы, поперек всем голосующим «за мудрое решение партии». И его слушали и соглашались, и поддерживали.

В годы «тотальной демократии» он нес огромную ношу – взвалил на свои плечи Большой Драматический Театр. И эта священная ноша не согнула Лаврова, до старости его отличала офицерская выправка, глубочайшая серьезность и собранность. Он любил свой театр, и чувство ответственности за него было сродни родительскому. Быть художественным руководителем – труднейшая, наверное, в его жизни роль. Мне повезло: несколько лет я находился рядом и наблюдал, как вдохновенно и мудро Лавров исполняет эту роль. Я узнал его таким, каким не знали ни завсегдатаи театра, ни кино-

зрители.

С радостью вспоминаю, что к моей первой книге «Я родом с Илима» он написал вступление «Что значит быть строителем». С подзаголовком «Предисловие друга». Я был растроган, понимая, что быть другом Лаврова – это удел немногих избранных! Значит, я чем-то заслужил его внимание, ведь настоящая дружба всегда избирательна, свободна и основана на взаимной симпатии...

Как я был благодарен ему за теплые слова предисловия! С какой гордостью показывал книжку родным и близким, открывая первую страницу со словами Лаврова: «Я в детстве мечтал стать моряком. Всю жизнь люблю роли, связанные с водной стихией. Но с тех пор, как знаю Зарубина, снимаю шляпу перед строителями».

Нет большей награды для меня, парнишки с Илима, чем такие слова! Правда, когда Лавров говорил их, было уже под шестьдесят. Странная вещь: разница в годах у нас была в двадцать лет, но я не чувствовал этого. Я много раз наблюдал, как его всегдашняя готовность внимательно выслушивать всех, кто бы к нему ни обращался, вдохновляла собеседников, а спокойная, доброжелательная речь, мягкая неторопливость в движениях остужали самых разгоряченных оппонентов. Можно возразить: актер что угодно сыграет! Но я думаю, нет, здесь не было актерства. Игру, даже сверхталантливую, наблюдательный собеседник почувствует моментально. А он всегда искренне хотел со всеми договориться,

понять, и у него это получалось. Он не давал мне почувствовать себя младшим и менее опытным, чем он сам. Видимо, Лавров тоже понимал, что я в своей жизни посмотрелся всякого – как в советские времена, так и в теперешние...

«Кто и когда познакомил меня с Михаилом Константиновичем Зарубиным, сейчас и не вспомню, – написал тогда Кирилл Юрьевич. – Скорее всего, это было время, когда Большой драматический театр имени Г. А. Товстоногова, в котором я служу много лет, формировал благотворительный фонд. Мы распахнули двери перед руководителями различных организаций, любящих искусство сцены, и круг лиц, посвященных в закулисную, невидимую обычному зрителю часть нашей жизни, заметно расширился. Кто-то, как обычно бывает, довольно скоро исчез с нашего горизонта. Другие остались, вошли в число инициативных помощников. И даже больше – стали настоящими друзьями. Михаил Зарубин – строитель, руководитель известного в городе предприятия ЗАО “47 Трест” – среди них».

Да, знакомство с Лавровым были на удивление естественным, и казалось закономерным. Это случилось в начале 90-х... О том времени сейчас говорят сострадательно, с критическими интонациями, но мы и тогда жили, растили детей, учились, ходили в театры, строили дома, верили в будущее. Самое главное – мы работали и любили. И это помогало нам преодолеть все трудности...

..Огромная приемная заместителя председателя Плановой комиссии Ленсовета. Большое количество людей, даже при открытой форточке – духота. От голосов присутствующих – гул. Уйти нельзя: необходимо решить очень важный вопрос. Я со своим заместителем сижу у входной двери. Вдруг говор смолкает, все поворачиваются в нашу сторону, я оглядываюсь: в дверях – Лавров. Негромко со всеми поздоровался. Я пригласил знаменитого артиста сесть рядом со мной на свободный стул. Мы не были лично знакомы, но я все же спросил:

– А Вас-то что привело сюда, Кирилл Юрьевич?

– Что привело? – повторил он вопрос, как бы раздумывая над ответом, и смиренно ответил, улыбнувшись: – Нужда.

– Кирилл Юрьевич, меня зовут Михаил Константинович Зарубин, я управляющий Трестом № 47 «Кировстрой», – поспешил я представиться.

– Так это Ваш трест строит Кировский завод? – поинтересовался он, удивив меня своими знаниями.

– Уже не строит, – ответил я в тон своему собеседнику, и добавил: – Нужда.

То ли это объединяющее слово, то ли что-то еще заставило нас разговориться, и мы, словно два попутчика, затеяли беседу о делах строительных, театральных, пока меня не пригласили в кабинет руководителя. Видел ли я до этого Кирилла Юрьевича? Иногда. Встречал на разных партийно-хозяйственных активах, редко, как зритель, наблюдал на теат-

ральных подмостках, чаще – в кино. Всегда помню его Синцова в «Живых и мертвых», а еще раньше Лапина в картине «Верьте мне, люди», в свое время был восхищен Башкирцевым-Королевым в «Укрощении огня», потрясен Иваном Карамазовым – вспоминать можно многие роли. Этого актера знали и любили, по-моему, все в стране. Но наша тогдашняя встреча была вовсе не встречей артиста и поклонника, а разговором двух руководителей.

* * *

И опять возвращаюсь в тот страшный час.

...Весь день звонки: одни выражают соболезнование, другие любопытно расспрашивают о подробностях... В конце дня я решил ехать в театр. Сидим, молчим, убитые горем... Нам сообщают, что прощание с Кириллом Юрьевичем будет проходить в Леушинском подворье: гроб там будет находиться всю ночь... Завтрашние государственные похороны – дело сугубо официальное, но я все же хотел попрощаться с другом в уединенной обстановке... С женой и дочкой Наташей поздним вечером едем на улицу Некрасова, где находится подворье.

Будущий великий артист родился 15 сентября 1925 года в доме на Озерном переулке, как раз напротив храма Леушинского подворья. В этом храме венчались его родители, здесь же он был крещен последним настоятелем, протоиереем Федором Окуневым, впоследствии принявшим мученическую кончину. Многие детские воспоминания Кирилла Юрьевича сохранились в его сердце и памяти, об истории подворья он рассказывал подробно, заинтересованно, я не раз бывал его слушателем. Вспоминая о Лаврове, нельзя не рассказать о его любимой, родовой церкви.

Подворье Леушинского женского монастыря было основано в Санкт-Петербурге по благословлению Иоанна Кронштадтского. Архитектурный проект по образцу древних ярославских церквей выполнил зодчий Никонов, известный мастер русско-византийского стиля, а 21 ноября 1894 года уже состоялось освящение. Первым настоятелем храма был протоирей Иоанн Орнаутский, племянник Иоанна Кронштадтского.

Храм Леушинского подворья был возвращен Церкви в июле 2000-го, и в том же году, 9 октября, на престольный праздник свершилась первая литургия в историческом алтаре Леушинского подворья, где столько раз служил отец Иоанн Кронштадтский. В храм вернулись великие святые,

уцелевшие в страшные годы гонений: выносной крест с мощами святого Иоанна Предтечи, намоленный образ игуменьи Таисии, икона Святой Троицы, написанная по преданию на части древа Мамврийского дуба, Свято-Крестовская икона Божией Матери, «Спас Плачущий»...

Последние годы Кирилла Юрьевича были тесно связаны с любимым храмом. С помощью Лаврова в стенах БДТ проходили традиционные Таисиевские концерты, открывавшие публике уникальный пласт русской духовной культуры. Ежегодно эти концерты собирали лучших мастеров культуры, объединяя их вокруг церкви, а для зрителей они становились событием не только культурно эстетическим, но глубоко духовным. В честь 110-летия основания подворья Кирилл Юрьевич подарил храму икону преподобного Сергия Радонежского, написанную в иконописной мастерской Троице-Сергиевой Лавры.

...Я стоял перед гробом и смотрел на родное исхудавшее лицо. Сколько дум передумал, сколько вспомнил... Боже, как странно, как нелепо звучит: «Умер Кирилл Лавров»... И не потому даже, что, как принято говорить о таких людях в официальных документах, – это «целая эпоха в отечественном кино и театре». Дело в другом: когда нас покидают такие личности, невозможно избавиться от ощущения, что место, которое они занимали в истории и жизни, так и останется навсегда пустым. Потому что заменить их просто некем...

Но в моей памяти Кирилл Юрьевич жив.

Глава вторая. Ваш Лавров

Сегодня я в гостях у Лавровых. Они пригласили меня по-советоваться, как поступить с окнами квартиры: менять их или не менять? Мы с Кириллом Юрьевичем в его кабинете. Валентина Александровна на кухне, готовит ужин.

Кабинет небольшой, но высокий, потолки, наверное, метра четыре. В углу – книжный стеллаж, кроме книг в нем иконы, различные фарфоровые статуэтки лошадок, собачек, обезьян и другой живности, всё, видимо, дорого сердцу артиста. Рядом старинный секретер из ценных пород дерева, на нем массивные старинные часы. На стене портрет хозяина, написанный маслом. Здесь он еще молодой, в темном костюме, в белой рубашке и строгом галстуке. Неизменно пронзителен добрый взгляд его лучистых глаз.

Интерьер кабинета прост. У окна круглый журнальный столик, на нем высокая настольная лампа. Кресло с цветочной обивкой, просторное и удобное. Много меня здесь заинтересовало и восхитило. Смотрю во все глаза, запоминаю, так как уверен, что дома меня будут пристрастно расспрашивать об этой встрече.

Из окна живописный вид на Петровскую набережную, на замерзшую Неву, на ограду Летнего Сада...

– Можно картины писать! – вдохновенно произнес я.

– Можно, – улыбнулся Кирилл Юрьевич, – только я делать

этого не умею...

Увидев, что по невскому льду идут люди, опять удивляюсь:

– Как им не страшно?

– Страшно, – это уже присоединяется к нам Валентина Александровна. – Кира, помнишь, как я по Неве возила Сережу на санках?

– Помню, Валя.

Он обнял ее за плечи, и мне подумалось: жаль, что рядом нет фотографа...

Любуясь ими, интересуюсь:

– Кирилл Юрьевич, не вижу Ваших книг на полках, ведь Вы могли бы столько рассказать людям. У Вас должно быть столько воспоминаний.

Он вздохнул:

– Книги нужно было писать раньше, хотя бы лет двадцать назад. После смерти Георгия Александровича мы оказались в трудной ситуации. Знаю немало примеров: театр терял лидера и сам разваливался. До книг ли? И сейчас: чем худрук ни занимается – только не основным ремеслом. Хотя наш театр федерального подчинения, большую часть средств получаем из госбюджета, но всё равно не хватает. Что-то приходится добывать и самим. В общем, опять на книгу нет времени... А гастроли? Они необходимы, и не только из-за дополнительного заработка: нужно российской глубинке часть души отдать. Но Вы правы, моя жизнь – длинная история,

в ней много интересных событий, фактов, встреч – так что книжка, наверное, получилась бы. Но увы...

Радостно мне было слушать Лаврова не со сцены, беседовать не в рабочем кабинете в театре, а вот здесь, в его доме, за этим столом, когда знаменитого артиста можно о чем-то переспросить, что-то уточнить. Здесь он откровенен и свободен от забот.

– Кирилл Юрьевич, у меня две дочери и четверо внуков, все, что я делаю в жизни, я делаю для них. А Вы?

– Я соврал бы, сказав, что не хочу успеха своему ребенку! Очень хочу! Но не за счет других. Ни сына, ни дочку я никуда не пропихивал, пользуясь своим именем. Не умею, не научился, так что упрекать мне себя не в чем. Дети сами выбирали профессию. Но я радуюсь их успехам, горжусь ими...

Мы выпили водки, закусили, потом появился чай. Окна я посоветовал Лаврову заменить обязательно: современные окна стильные и удобнее – для глаза радость, и для хозяйки облегчение. Несколько раз вставал, начинал прощаться, но уйти почему-то не мог. Мы говорили о театре, об актерах, о родителях, о детях. По мере осмысления своих судеб пытались ответить на извечный вопрос – что же такое жизнь? Для чего мы живем?

Осмысление бытия, стремление к красоте, жажда гармонии присущи в большей степени переломным периодам истории, эпохам смут и войн. Жесточайшая война выпала на долю Лаврова, но нам обоим пришлось пережить переломав-

шие Россию новые смутные времена, которые тоже страшны. Если во время войны известны и враг, и способы борьбы с ним, то во время революционных преобразований человек оказывается перед личным выбором, остается ему надеяться лишь на помощь собственной души, которая на основе извечных законов человеческого существования и собственного опыта может подсказать правильный путь. Вспоминая попеременно с Кириллом Юрьевичем события наших судеб, мы пришли к выводу, что все-таки правильно поняли душевные подсказки, определив свой образ жизни стремлением к деланию добрых дел, к служению Родине, как бы она к нам ни относилась.

Лиричность в наш философский разговор вносила своим присутствием и мудрыми репликами Валентина Александровна. Казалось, сердечный магнит притягивал меня к этим двум людям, с ними мне было хорошо...

Кирилл Юрьевич, однако, разговорился, и я уже молча и вдохновенно ему внимал. Ни до, ни после не слышал я от Лаврова такого откровенного рассказа о себе.

– Мы с мамой жили в Ленинграде, а отец – в Киеве, там он работал в театре имени Леси Украинки. Я был обычным дворовым мальчишкой, и дрался, и хулиганил. Иногда мои «приключения» принимали опасный характер, и мама жаловалась в письмах отцу: «У Кирки не все в порядке! Попал в плохую компанию В том районе Ленинграда, где мы жили, сколотилась компания «серьезных» парней, дело у них

доходило до воровства, даже до убийств... А мы, подростки, на них засматривались, перенимали повадки, наблюдали «взрослую жизнь». Что и говорить, блатная романтика в этом возрасте привлекает. Неизвестно, чем бы все это закончилось, но тут пришла общая беда – война. Мне исполнилось пятнадцать лет. Мама была директором интерната, и вместе с ее воспитанниками мы уехали в эвакуацию, в Кировскую область. Конечно, прежние проблемы тут же забылись! Пришлось работать, кормить семью. У меня ведь еще младшая сестра была, совсем маленькая, два годика. И бабушка. Потому-то я и остался недоучкой: возможности учиться в школе не было. Работал грузчиком в «Заготзерне», на реке Вятке. Работа тяжелая, но я был мальчишкой жилистым, выдержал.

– Неужели Вас удовлетворяла такая обычная, простая жизнь? – с любопытством прервал я его рассказ.

– Нет, конечно. Когда потом работал на военном заводе – страстно мечтал уйти на фронт. Я был уверен, что совершу героические подвиги, во всяком случае, выполню свой долг... Ходил в военкомат, как на работу, и, в конце концов, меня все-таки взяли! Но отправили не на фронт, а в специальную школу, где очень быстро, за один-два месяца готовили младших командиров. А дальше – военное училище, я выпускался из него как раз в день окончания войны! Получил звание старшего сержанта. И отправили меня служить на Дальний Восток, где я «оттрубил» пять лет...

– А потом? Как потом складывалась Ваша судьба? – подбодрил я его рассказ логичным вопросом. Очень мне хотелось, чтобы Лавров по быстрее подошел к повествованию о начале своей актерской карьеры.

– Дальше старшего сержанта я не пошел, хотя занимал офицерскую должность: был техником звена, обслуживал три самолета. Но главное – я самозабвенно увлекся самодеятельностью, очевидно, сработали гены. Самолеты отошли на второе место, на первое выдвинулся клуб, наши спектакли. Мое амплуа, разумеется, герой любовник.

Руководителем театра был некто Монахов – очень серьезный театральный человек. До войны он работал в Москве, в Камерном театре у Таирова: и артистом в массовках, и плотником, и монтировщиком был. Владел множеством профессий, но, кроме того, был необыкновенно талантливым человеком и очень много знал о театре. Вы бы видели, какие прекрасные мы делали декорации, при том, что каждый гвоздь и доска привозились к нам с Большой земли. Тамошние деревья невозможно использовать как строительный материал: они все изогнутые, корявые. Добывали какие-то коробки, ящики, красили их зеленкой, йодом, мягкие детали шили из марли. И в результате получалось красиво и эффектно. У меня даже фотографии сохранились тех лет.

– А когда же началась Ваша настоящая театральная жизнь? – нетерпеливо поинтересовался я.

– Аттестата зрелости у меня так и не было, хотя я окон-

чил военное училище. Но все-таки отважно явился в Ленинградский театральный институт, на консультацию к профессору Леониду Федоровичу Макарьеву. Читал стихи Симонова. Был на подъеме, читал эмоционально. И профессор рекомендовал мне поступать. Но, узнав, что десятилетку я не окончил, посоветовал в первую очередь заняться средним образованием, а уж потом думать о специальном. Видимо, у меня стало такое кислое лицо, что профессор смягчился и сказал: есть еще один путь – просто пойти работать в театр.

Поначалу я попытался окончить школу. Накупил учебников, обложился ими, но через два дня понял: бессмысленное занятие, один не осилю.

В это время в Ленинград на гастроли приехал театр имени Леси Украинки, где работал мой отец. Зная все сложности и подводные течения актерской профессии, он был категорически против моего выбора. Надеялся, что я стану офицером, окончу академию, сделаю карьеру военного инженера. Займусь настоящим мужским делом, вместо того, чтобы каждый вечер «морду красить». Поэтому втайне от него я сразу пошел к главному режиссеру театра Константину Павловичу Хохлову, которого знал. Он прослушал меня и взял во вспомогательный состав труппы.

Так я попал в Киев.

Отец в то время разошелся с очередной женой и оставил ей квартиру. На двоих нам выделили в театре в качестве жилья гримёрку на втором этаже. А через год приехали выпуск-

ники школы-студии МХАТ, среди которых была и моя будущая жена Валя Николаева.

– Кирилл Юрьевич, расскажите поподробнее о своей жизни в Киеве. В этом благодатном городе и Ваша театральная судьба, думаю, должна была сложиться удачно.

– Любовь к Киеву осталась у меня в душе навсегда, хотя прожил я там всего пять лет. А как же была разнохарактерна и талантлива труппа театра! Всех семьдесят человек помню по именам. У нас сложилась замечательная компания: актеры Киянский и Франько, заведующий музыкальной частью Соковнин и я увлеклись рыбалкой. Ездили куда-то на пароходиках. Потом Франько купил машину, и мы на его «Победу» отправлялись километров за сорок-пятьдесят на днепровские лиманы, удили там рыбу. А музыкант Воячек, чех по национальности, смешной, бородатый, пожилой человек, был яхтсменом: соорудил парус на своей ветхой лодчонке, и мы на Трухановом острове занимались парусным спортом.

Помощник режиссера Николай Владимирович Питоев, разносторонний, незабываемый человек, заразил меня любовью к автомобилям. Он купил трофейный «Опель» и целыми днями чинил его. Я неплохо разбирался в технике и частенько помогал ему. С тех пор и стал бредить автомобилями. Я получал пятьсот двадцать пять рублей в месяц. Жена больше – шестьсот девяносто, поскольку у нее было высшее образование. Мы с ней года три сэкономили на всем, ели одни макароны – и купили, наконец, «Москвич-401», ко-

торый тогда стоил девять тысяч («Волга» – шестнадцать, а «ЗИЛ» – сорок три тысячи, помню как сейчас). Переехав в Ленинград, в Большом драматическом театре им. Горького я оказался единственным обладателем автомобиля. Даже у Товстоногова и Копеляна еще не было машин...

Коллектив БДТ того времени был очень непрост. Там уже работали несколько больших артистов, и каждого окружала своя команда. Они воевали друг с другом, но, когда случалось событие глобальное (как, например, приглашение из Киева нового худрука Хохлова), мгновенно объединялись в общем неприятии его. Конечно, Константину Павловичу было нелегко справляться с этим «террариумом единомышленников», человек-то он был пожилой. Хорошо помню собрание, на котором одна артистка образно сказала Хохлову, что он уподобляется скверной хозяйке, у которой полный холодильник продуктов, а она еще выписывает какие-то «киевские котлеты». Одна «котлета», естественно, я, вторая – Валя Николаева. Вот такие были в ту пору отношения, трудные и непредсказуемые. Они продолжались до тех пор, пока в театр не пришел Георгий Александрович Товстоногов. Это, уверен, промыслительное и счастливое событие для БДТ. Он разгромил все группировки, многих работников вообще повыгонял из театра. И то, что я попал в обойму его актеров и находился в ней с первого до последнего дня, тридцать три года, – мое великое счастье и жизненный выигрыш.

– А как Вы оказались его преемником? – спросил я.

– Когда в 1989 году Товстоногова не стало, всеобщим тайным голосованием на должность художественного руководителя театра выбрали меня. Против был только один голос, мой собственный. При повторном голосовании против проголосовали уже двое: я и моя жена. Пришлось согласиться. Никогда в жизни не думал, что буду кем-то руководить, а тем более театром, который всегда вызывал у меня священный трепет! И неспроста, потому что здесь были великий актерский коллектив и великий режиссер, на порядок образованнее и талантливее нас всех. Я очень благодарен труппе за то, что после смерти Товстоногова она не разбежалась и ко мне отнеслась благосклонно, понимая все мои трудности и проблемы.

– А как Вы считаете, Кирилл Юрьевич, Вам удалось сохранить товстоноговский дух и творческий его почерк?

– У поколения, которое воспитывалось на спектаклях Товстоногова, есть сегодня ностальгические чувства. Что тут поделаешь! Нет Товстоногова – нет и его театра. Это надо понимать очень четко. Нет человека, олицетворявшего БДТ, с его эстетикой, манерой, отношением к жизни. В искусстве не бывает, что вместо одного творца приходит равнозначный ему другой и ставит точно такие же спектакли... Конечно, сегодняшний театр стал другим, но вот что для меня важно: мы наследуем от Товстоногова самое главное, не опускаемся до пошлости, не идем в хороводе коммерческих интересов. Мы по-прежнему играем только драматургию высокого

класса, по-прежнему для нас главное – артист на сцене. Мы стремимся сохранить достоинство, несмотря на то, что сейчас это непросто. Все вокруг пустились в зарабатывание денег. А мы стараемся не повышать цены на билеты... Конечно, происходит инфляция, и мы вынуждены идти на компромиссы и жертвы, иначе просто не смогли бы свести концы с концами.

Считаю главной своей заслугой то, что после смерти Товстоногова сохранилась труппа. А ведь актеры могли разочароваться, уйти в другие театры: нет Товстоногова, нет и прежнего интереса. Годы без Георгия Александровича мы прожили достойно – не потеряв уважения к профессии и зрителям... В этом большую роль сыграл Тему́р Чхеидзе, поставивший на сцене БДТ «Коварство и любовь» Шиллера – знаковый спектакль, пользовавшийся у зрителей огромной популярностью.

– А что было общего у Товстоногова и Чхеидзе? Или это совсем разные художники?

– Они схожи в главном: обоим свойственна опора на актеров. Георгий Александрович был далек от амбициозной демонстрации каких-либо своих режиссерских приемов, хотя, когда смотришь его спектакли, понимаешь, что это сделано большим мастером. Стремление выразить свой замысел через актеров, напряженная работа с ними – вот это сближает творческий метод Чхеидзе с режиссерским стилем Товстоногова. Конечно, и разница существует. У каждого под-

линного художника свой почерк. Чхеидзе дисциплинирован, мыслит логично, можно сказать, математически. Он всегда готов к репетиции, приходит в театр с уже подготовленной разработкой, знает, чего ему нужно добиться от актеров, четко видит цель.

На репетиции у Товстоногова иногда казалось, что он даже не прочитал пьесу. Это, конечно, было не так, это был его прием. Он любил на этом поиграть: мол, что вы мне подсунули, что это за пьеса? И начинал пояснять, работать... Очень ценил актерскую импровизацию: то, что мы приносили с собой на репетицию. Терпеть не мог, когда актер приходил, не продумав роль, ничего не мог предложить собственного.

– Должность Вас изменила? – спросил я.

– Я такой же, каким был в двадцать лет... Стал руководителем театра – ну и что? Отношения с коллегами остались прежними. В этом нет моей особой заслуги, просто так уж я воспитан. Никогда, даже в самые «звездные» часы, я старался не важничать, не заноситься. Хотя вижу, как некоторые артисты в таких ситуациях воспаряют прямо на глазах...

Стрелки на красивых старинных часах уже показывали начало нового дня. Сообразив, что задержался, я быстро оделся, и мы долго прощались, пока, наконец, за мной не захлопнулась гулкая железная дверь лифта.

Возбужденный, вдохновленный, помолодевший душой, я смело и бодро шагал по ночному городу. В насыщенном речной свежестью воздухе огни фонарей струили, казалось, гу-

стой, волна подобный свет, в его ряби дома становились похожими на театральные декорации. Троицкая площадь в этот час словно сама излучала свет, он поднимался ввысь и просветлял низкие ночные облака. А Нева, выплескивая свои волны на гранитные ступени, спускавшиеся к самой воде, как будто аплодировала этому световому волшебству.

После знаменательного для меня вечера наши встречи с Кириллом Юрьевичем и Валентиной Александровной стали довольно частыми. И сейчас слышу ее властный, предупреждающий голос – «Кира!» – если мы переступали определенную черту, сидя за рюмочкой «кофе». Когда она говорила, я весь подтягивался, как перед строгой учительницей. А Кирилл Юрьевич добродушно отшучивался: «Ну, Валя, мы по чуть-чуть»... Мне нравилось находиться рядом с ними: от них исходило тепло семьи. Наша дружба была продуктивной и обогащающей. Я много слушал и старался осмыслить услышанное, найти подтверждения словам Лаврова в литературе. Пытался понять: что же такое актер? И почему он так раним?

Вспомнилась статья Дидро «Парадокс об актере» (1773 г.), где философ размышлял о различии между правдой жизни и правдой искусства и говорил, что в условный художественный мир театра входит безусловное – живая человеческая индивидуальность актера. И актер должен перевоплотиться не в персонажа, а с помощью роли раскрыть самого себя, потаенные свои мысли и возможности. То есть

стать воплощением искренности и правды. Как замечал Бернард Шоу, актеры – единственные на свете люди, которые не притворяются, что играют. А Г. А. Товстоногов вполне серьезно говорил, что «театр – это искусство правды, а его основная роль – достучаться до совести зрителя».

Кирилл Юрьевич объяснял все легче, даже шутливо:

– Человек, который всю жизнь актерствует на сцене, и в жизни от этого отказаться не может... Профессия накладывает отпечаток и на личность. Всё же замешано на «я», на моей душе, на моих нервах. Отсюда и обостренное чувство самолюбия, и комплексы, и обиды... В театре ко мне всегда хорошо относились. Это осталось и по сей день, несмотря на мою должность. Я тоже страдаю болезнью актерства – столько лет пробыл в этом вертепе, не мог не заразиться. Но поскольку моя молодость прошла в более здоровом обществе, не связанном с театром, – болезнь не фатальна. Может, поэтому так единогласно и проголосовали за меня, выбирая худруком...

Валентина Александровна с притворной досадой машет рукой: – театральные сплетни он узнает всегда последним, ни в каких коалициях и группах не участвует...

– Было несколько встреч в жизни, оказавших на меня большое влияние, – продолжал Лавров. – Прежде всего, с Константином Павловичем Хохловым в Киеве и его помощниками Николаем Алексеевичем Соколовым и Владимиром Александровичем Нелле-Влад. Да и весь театр Леси Укра-

инки многому меня научил. Но главным стал, конечно, Товстоногов. Он был для меня и учителем, и образцом, и умным собеседником. И по сей день остается таким. Ну, а помимо нашего театра... Константин Михайлович Симонов, которого я узнал в последние годы его жизни. Юрий Павлович Герман: с ним познакомился, когда снимался в картинах по его сценариям: «Верьте мне, люди» и «Антонина». Незабываемое впечатление произвел на меня Виктор Петрович Астафьев. Мы виделись не часто, но активно переписывались: человек удивительной мудрости, принципиальности. Прошел всю войну солдатом-телефонистом, раненый-перераненный и физически, и духовно, но не потерявший веру в человека.

В начале весны Валентина Александровна заболела... У всех, кто ее знал, теплилась надежда – мол, все образуется, но она сгорела быстро, как свеча...

Казалось, мгновение прошло с того проникновенного вечера, когда мы втроем задушевно беседовали, а сейчас все изменилось, потому что не стало дорогого нам человека...

Похороны проходили в один из тех сырых и еще прохладных дней мая, когда деревья, словно в нерешительности, не спеша, высвобождают из клейких гнездышек почек крохотные зеленые листочки, и все вокруг наполняется долгожданным сладким родным запахом новой жизни. Но Валентина Александровна этого уже не видела...

В те трудные для Лаврова дни я старался быть рядом с

ним, помогал ему в меру своих сил и возможностей. Бережно храню я это его откровенное признание:

«Дорогой Михаил Константинович! Хочу от всей души поблагодарить Вас за участие, которое Вы проявили в трудные для меня дни. Потерять человека, с которым вместе прожил сорок девять лет, – это очень тяжело... И как важно, что рядом есть друзья! Спасибо! Я очень ценю наши с Вами добрые отношения и верю в их продолжение.

Желаю Вам всего самого хорошего!

Спасибо за память о Валентине! Крепко обнимаю, Ваш Лавров».

По сей день повторяю в душе эти дорогие для меня слова: «Крепко обнимаю, Ваш Лавров!»

Глава третья. Театр и жизнь

Как строитель со стажем я знаю – зыбкость, ненадежность петербургских грунтов в центре старого города такова, что можно смело сказать: создатели Северной Венеции совершали подвиг, когда возводили дворцы среди непроходимых топей. И сегодня при всех современных технологиях – дело это остается рискованным. «На этот студень можно, конечно, поставить стакан, но что произойдет, если он станет вибрировать?» – спрашивает в своих лекциях один из главных знатоков этой проблемы профессор Санкт-Петербургского архитектурно-строительного университета Рашид Мантушев.

Несмотря ни на что, неотложная надобность «поставить стакан» в своем дворике назрела и у БДТ. Кирилл Юрьевич Лавров в предисловии к моей книге «Я родом с Илима» так представил это событие: «Возникла проблема – надо было подумать о том, кто придет на смену нашим нынешним мастерам. При этом обучение будущих актеров нам представляется целесообразным только под крышей нашего театра, где сам воздух уже насыщен традициями и легендами, сами стены воспитывают, а это значит – необходима своя при театре студия.

И Зарубин взялся выстроить учебный корпус. Но где его разместить, где взять территорию под этот корпус? Театральным службам и без того не вздохнуть! И тогда был сделан та-

кой изобретательный проект. В тесном пространстве между самим БДТ и общежитием вписалось здание со всем необходимым для учебного процесса, с примерными, которым позавидует любая театральная труппа».

На словах все получается просто: Зарубин придумал, построил, большое ему спасибо. А как было на самом деле? Строить мы начинали вовсе не учебную студию. Театру надо было улучшать «жилищные условия», если можно так сказать, расширяться на пяточке своей же земли. В прежних стенах ему было тесно. От этой тесноты страдали артисты, театральные службы, зрители, проще сказать все. Я это сам видел. Так и понял свою задачу: надо найти возможность создать всем работникам театра надлежащие условия. Для этого требуется возвести новый корпус, подумать, как эффективнее распорядиться дополнительной площадью. А поскольку места мало, грунт плохой – думать и думать. Не сплеховать бы.

Я предполагал, что на этой стройке, как ни на какой другой, нас ждет множество проблем. Заказ был особый, заказчик – тем более. Правда, в моем любимом Петербурге для меня все особое. Может быть, потому, что из сибирских далей, где я родился и вырос, слово «Ленинград» звучало как название таинственной планеты. Сложность задачи не пугала, для ее решения у меня был никогда не подводящий метод, которому нас когда-то учили сибирские наставники: делать все на совесть, поскольку лишь такое строение стоит на-

дежно, не разваливается. А начиная работу, необходимо собрать побольше информации о строительной истории места, назначенного под реализацию очередного проекта.

Спасибо литературным и музейным работникам театра, перед началом проектирования мне были предоставлены книги из театральной библиотеки и музея. История оказалась настолько интересной, что я увлекся: стал читать даже то, что, казалось, прямо к делу вроде бы не относится. Потом оказалось: очень даже относится! Нельзя браться за дело без любви к нему, без вдохновения. Многое из того, что мне, сибиряку, казалось неизвестным, петербуржцы-ленинградцы знают с детства. Но моя любовь к Ленинграду – Петербургу настолько велика, что я не оставляю надежды поделиться ею, если не со всем миром, то хотя бы с моими далекими сибирскими земляками. А они, конечно, истории БДТ не знают. Поэтому расскажу...

– Участок, на котором в 1876 году появился предшественник БДТ, принадлежал графу Антону Степановичу Апраксину, богатейшему человеку Санкт-Петербурга, владельцу знаменитого рынка, меценату, изобретателю, большому поклоннику искусств. Еще во времена императрицы Елизаветы Петровны эти земли были пожалованы за усердную службу одному из многочисленных представителей рода Апраксиных и переходили по наследству. Постепенно здесь строились и сдавались внаем торговые лавки. Рядом отводились площадки для «толкучего» торга. Так сложился на этих зем-

лях «Апраксин двор». Наиболее основательное развитие он получил при графе Степане Апраксине, который владел им больше полувека. После его смерти в хозяйстве случился страшный пожар, уничтоживший не только все строения двора, но и десятки окрестных сооружений.

Сыну, Антону Степановичу, досталось в наследство пепелище. Он был богат и сумел быстро восстановить потери. Человеком он слыл разносторонним, проектов у него было великое множество. В том числе и театральных.

Частный театр Апраксин разместил в специально отведенных для него помещениях торгового здания. Проект, выполненный Людвигом Францевичем Фонтана, утвержден Городской управой 15 января 1877 года. Автор сооружения был человек известный в Петербурге: с его именем связано строительство жилых домов на Дворной набережной, Малой Конюшенной и в других местах, а также гостиницы «Европейская».

На этот раз Фонтана выступил и как предприниматель: арендовав у графа Апраксина землю, он выстроил театр на собственные средства. Хотя, по некоторым данным, Апраксин тоже внес часть денег. Фонтана специально совместил его с торговыми заведениями: чтобы представить театр «домашним», частные в столице тогда строить запрещалось.

Министерство внутренних дел защищало государственную монополию на публичные театральные зрелища. Попытка Фонтана и Апраксина представить новое заведение как

концертный зал успеха тоже не имела. После длительной волокиты владельцы вынуждены были сдать свое строение в аренду дирекции Императорских театров.

Так детище архитектора стало пятым по счету государственным, или, как его называли, «Императорским малым театром». Предполагалось, что он будет иметь собственную труппу, однако в течение трех сезонов на его сцене выступали только актеры Александринки, располагавшейся неподалеку. Так уж «повезло» театру, в отличие от других, он менял своих владельцев, свои официальные и неофициальные названия.

17 сентября 1895 года в театре на Фонтанке состоялся первый спектакль Литературно-артистического кружка. Организатором и основным пайщиком кружка, а потом и владельцем частного театрального предприятия стал еще один знаменитый российский гражданин – Алексей Сергеевич Суворин. Издатель крупнейшей Петербургской газеты «Новое время», журналист, драматург и общественный деятель. Его называли «королем прессы», «Ломоносовым книжного дела», он был признанным талантливым публицистом и литератором, удачливым коммерсантом и крупным издателем.

Как драматург Суворин известен благодаря пользовавшейся в свое время большим успехом драме «Татьяна Репина». Удачной оказалась и еще одна драма – «Медея», написанная в соавторстве с Бурениным.

В 1900–1901 годах здание театра на Фонтанке было пере-

оборудовано на средства Суворина по проекту архитектора Александра Карловича Гаммерштедта. Появились роскошные лестницы, деревянные стропила над зрительным залом заменили металлическими фермами, «амосовское отопление» – на паровое. Но в ночь на 20 августа 1901 года по окончании строительных работ вспыхнул пожар, уничтоживший зрительный зал и сцену.

Как ни тяжел был удар, сразу приступили к восстановлению и капитальной перестройке театра. Да такой, что он стал лучше прежнего. Были сооружены новые боковые лестницы, а на центральном лестничном марше появились оригинальные в стиле модерн светильни киторшеры. В зрительном зале были ликвидированы отделявшие ложи от аванлож капитальные стены, придававшие залу подковообразную форму. Над партером устроено монолитное железобетонное перекрытие, подвешенное к металлическим фермам. Перестроена сценическая коробка. Артистические уборные, что за сценой, перенесены в другое место, а сама сценическая площадка увеличена вдвое. Убранство интерьеров восстановлено в стиле первоначального архитектурно-художественного решения. Росписи были выполнены по эскизам Гуджиери. Над входом – металлический козырек. В центре потолка – хрустальная люстра в виде трехъярусной корзины с бронзовым золоченым верхним поясом с акантами и пальметтами. Роспись плафона имитирует увитую зеленью ротонду с балюстрадой, населенную путти; «потолок» ротонды, к кото-

рому подвешена люстра, «несут» восемь богато орнаментированных рокайльной лепкой пилонов.

Я пишу об этом столь подробно не только для того, чтобы отдать дань таланту архитекторов и художников, мастерству и трудолюбию исполнителей – они достойны самых высоких похвал, – но еще и потому, что с этого времени театр приобрел вид, который сохраняется и сегодня.

Функциональная схема здания отличается ясностью и рациональностью. Основные помещения, расположенные строго симметрично относительно продольной оси, удобно связаны между собой, зрительская и сценическая группы пространственно разделены. До сих пор в театре сохранилась отделка 1901–1902 годов, которая, благодаря реставрационным работам, находится в хорошем состоянии.

Время суворинского театра закончилось в 1917, в канун революции, но не последняя была тому причиной. Дочь хозяина в результате конфликта оставила труппу, но так называемый «Театр союза драматических артистов» продолжал ставить спектакли до 1919 года, затем актерский коллектив распался окончательно. Однако Алексей Сергеевич Суворин передал потомкам главное – прекрасный дом на набережной Фонтанки. Не бросил в трудную годину, восстановил, улучшил. Надеюсь, придет время, и в память о Суворине на стене театра будет открыта мемориальная доска.

Новая история БДТ начинается 15 февраля 1919-го спектаклем «Дон Карлос» Шиллера. Первый театр советского

драматического искусства замышлялся для революционно-го по накалу сценических страстей репертуара, масштабных образов, «великих слез и великого смеха». Рожденный в переломную эпоху, он должен был передать ее особое звучание, стать театром, как тогда писали, «героической трагедии, романтической драмы и высокой комедии». Главным его идейным вдохновителем стал Максим Горький, а председателем Директории – Александр Блок.

Театр всегда занимал особое место в сердцах россиян. Он был предметом гордости, отдушиной, утешителем. Именно игра русских, а затем советских актеров отличалась неподдельной душевностью, проникновенностью и достоверностью. Исторически так сложилось в России, что человек, отдающий себя сцене и носящий гордое звание артист, – это не просто носитель определенной профессии, это – просветитель, выразитель духовно нравственного замысла пьесы, для зрителей фигура почти мистическая.

Почему? Ответить на этот вопрос поможет высказывание Питера Брука: «Театр – это особая форма жизнедеятельности, в процессе которой человек постигает жизнь. Причем делает он это не на теоретическом уровне. Не на уровне идеологии, а конкретно и непосредственно. Поэтому театр – мир, в котором философия перестает быть абстрактной идеей и становится живым, непосредственным опытом». Именно за таким опытом зритель идет в театр, предполагая, что между ним и актером сложатся доверительные, честные от-

ношения и не возникнет злополучная разделяющая зрительный зал и сцену «четвертая стена». И основной труд по выполнению этого условия ложится на плечи актера.

Театр, не раз повторял Лавров, – это, прежде всего, актеры. Именно на них приходит зритель, именно они должны донести до зрительного зала мысли драматурга, именно в них вкладывают труд мастера многочисленных театральных профессий: режиссеры, художники, композиторы, балетмейстеры, гримеры, парикмахеры, костюмеры, билетеры...

Как бы ни велик был вклад режиссера в создание спектакля, конечный успех постановки зависит, в первую очередь, от актера. Высокий уровень актерского мастерства способен глубоко раскрыть творческий замысел спектакля. Недаром ни один самый популярный драматург не может сравниться по степени популярности с актером, именно актеры становятся властителями дум общества, воплощая и символизируя театр.

Театр был всегда и в значительной степени остается сегодня искусством трагедии, восходящей к традиции древних религиозных мистерий. Такое действие обязательно подразумевало соучастие зрителя. Большие артисты умели мощью своего таланта, проникновенностью и искренностью исполнения роли преодолеть разрыв между сценой и зрительным залом, подчиняли зрителя своим переживаниям. Но, как писал Вяч. Иванов в статье «Эстетическая норма театра»: «Соборность осуществляется в театре не тогда, когда зри-

тель срастается в своем сочувствии с героем и как бы начинает жить под его личиной, но когда он затеривается в единомышленном множестве, и все множество единым целостным сознанием переживает подвиг героя, как имманентный акт в его трансцендентном выявлении». В БДТ были актеры, которые могли создавать такое «целостное ‘сознание единомышленного множества».

Когда я писал этот рассказ, ушел из жизни мой приятель, замечательный человек, артист высочайшего класса Андрей Юрьевич Толубеев. Мы были на «ты» друг с другом. Нас многое объединяло. Прежде всего, конечно, театр. Я любил Толубеева-актера. В нем, казалось, умножилась, обогатившись мастерством, мощная актерская энергетика, полученная от отца, непревзойденного мастера сцены и киноэкрана, народного артиста СССР Юрия Владимировича Толубеева.

Нас с Андреем связывал не только театр. Мы были членами Общественного совета города, вернее, он был, а я продолжаю работать. Смерть часто несправедлива и нелепа, а по отношению к таким людям, как Андрей, она несправедлива вдвойне. Больно даже писать в отношении него «был».

Помню расширенные заседания Общественного Совета, обсуждение регламента охранных зон в историческом центре города. Андрей прибегал к самому началу, запыхавшийся, с репетиций. При этом он никогда не уклонялся от обсуждений, не искал благовидных предлогов для отсутствия и не щадил себя, хотя было видно: устал! Мы сидели рядом, и

в вялотекущий процесс то и дело врывается его эмоциональный голос. Он говорил, что нельзя отдавать центр города на разрушение, под строительство офисных зданий и магазинов, нельзя терять неповторимый облик Санкт-Петербурга – города Святого Петра. Святость города определяется и его названием, и его военным подвигом, и его великой духовной культурой. Облик города – это не только здания, но и его люди. Те, кто из поколения в поколение живут в центре города, кто создавал, защищал, восстанавливал его неповторимую атмосферу. Без людей центр города умрет. И я мысленно с ним соглашался. Действительно, без исторического центра в его традиционном понимании город превратится в безликую канализационно-отопительно-водопроводно мусоропроводную систему.

Наши дома рядом, у Исаакиевской площади, и иногда мы вместе шли пешком, то с заседаний Общественного совета, то из театра. Это были счастливые для меня минуты. Я превращался в слушателя.

Андрей говорил о своей книге, которую он тогда писал, о трудностях работы с компьютером, о нашем городе, да, в общем, обо всем, что его тревожило и волновало. Его многие узнавали, он отвечал на приветствия так, словно хорошо знал каждого из этих людей. Когда-нибудь придет пора, я напишу об Андрее. Было бы только время! Было бы только время...

Но сейчас рассказ о Кирилле Лаврове. Подхожу к главной части моего повествования. Пусть не упрекает меня читатель, что порою я отклоняюсь от заявленной темы, но эти отступления помогают мне найти путь дальнейшего рассказа, который отражает не только судьбу одного актера Кирилла Лаврова и театра, которым он руководил, но и образ времени, которым во многом определяется и наша жизнь. Память наша несовершенна, и мне хочется рассказать обо всем важном, что было в моей жизни. Мне повезло: я встретил прекрасных людей, общение с которыми, безусловно, обогатило меня, украсило мою жизнь, просветлило душу...

Об учебной студии, как я говорил, речь сначала не шла. Начиная предпроектную подготовку, я сразу обратил внимание на то, в каких условиях работают здесь люди. Когда аншлаг, в зале 1262 зрителя. Очереди в буфеты и туалеты, скученность, духота. Моя идея была проста: служебные помещения перенести в новостройку, а освободившуюся площадь использовать для улучшения комфорта зрителей. Мне хотелось, чтобы в антрактах люди могли за чашкой чая или кофе, не торопясь, обсудить увиденное на сцене или свободно, не в толпе, погулять по фойе.

Сейчас я понимаю – предложение не учитывало всей жизни театра, самых жгучих ее надобностей. Да и откуда мне

было знать про всю жизнь? Я строил промышленные, жилые, социальные объекты. Но не театры. Да и сам я впервые попал в театр, когда учился в техникуме. Это был Иркутский драматический. Он мне показался настоящим храмом искусства. Поразил интерьер, какая-то особая театральная атмосфера. А само здание покорило незабываемой, сказочной, как мне показалось, архитектурой. Такими, уверен, и должны быть театры: притягательными внешне, уютными внутри. Потом мне посчастливилось побывать в качестве зрителя во многих других российских театрах, и от всех этих знакомств остались похожие впечатления: таинственности происходящего на сцене, праздничной приподнятости настроения, ощущения неизбывной красоты, которая проявлялась буквально во всем – в выразительности архитектурного решения здания театра, в технических и интерьерных особенностях зрительного зала, даже в помещении гардероба. С которого, как известно, и начинается театр...

В молодости я колесил в командировках по городам Сибири и Дальнего Востока. И почти в каждом городе обязательно бывал в театре. Новосибирский театр оперы и балета порастил огромными размерами. Машина! По замыслу проектировщиков, праздничные колонны трудящихся, проходя по площади со знаменами в руках, должны были вливаться в один из многочисленных подъездов театра и подниматься прямо на сцену, на которой могла разместиться вместе с демонстрантами и техника – машины, тракторы. Авторы пред-

полагали построить самое грандиозное и самое современное театральное здание своего времени, и в значительной степени им это удалось.

А в Барнауле, на центральной площади города, торжествен и наряден Алтайский краевой театр драмы. Сейчас ему присвоено имя выдающегося писателя, кинорежиссера и актера Василия Макаровича Шукшина. В те же годы в моем родном Иркутске появился новый театр – музыкальной комедии. Архитектура легкая, ритмичная, под стать жанру...

Радуется, что сибирские театры, как и петербургские, сохраняют свой внешний облик, обновляя лишь внутренние интерьеры. Хотя есть и востребованные временем изменения. Так, например, сегодня было бы удивительно видеть в БДТ, в левой части вестибюля, магазин «Шорные изделия Д. Андреева» (сбруя и упряжь для лошадей), а в правой – галантерейный магазин. В те давние годы многие художественные учреждения ради приработка сдавали помещения в аренду. Это было в порядке вещей. Но жизнь идет, порядки меняются. Раньше в театрах не было столько персонала, различных служб, мастерских, оборудования, без чего нельзя создавать современные спектакли. Да что говорить о мастерских, театр ХПХ века еще не знал режиссуры, объединяющей актерский ансамбль. Функции режиссера выполняли сами ведущие драматические актеры. Весь инструментарий Мельпомены – драматургия, режиссура, художественное оформление, освещение – зародившись по отдельности, сформиро-

вался как единое целое позже, вместе с совершенствованием актерского мастерства, в результате стремления актеров как можно полнее реализовать себя в постановке.

Я рассказал Лаврову о своем проекте. Он похвалил мою идею, вызвал директора театра Бориса Глебовича Контребинского и сказал:

– Пойдем, прикинем, что и как, на месте. На маленьком клочке земли, принадлежащем БДТ, расположены гараж, общежитие, сарай для декораций, мастерские и сам театр. Говорят, что когда-то в центре дворика имелся небольшой фонтан. Я же увидел рядом с мастерскими лишь художничей тополь, а на месте фонтана – бак для мусора.

Шагами мы «разметили» новый будущий корпус. До сих пор помню лицо Лаврова, он был безмерно счастлив. Он дал указания, не осознавая того, что, по существу, это технические условия. Когда я начал говорить о расположении первого этажа, спросил меня с нескрываемым удивлением: «Как первый этаж? Он же закроет все входы и выходы из декорационных сараев на сцену. А работа мастерских? Нет, не годится. Надо думать». Мы долго еще о чем-то говорили, перебивая и дополняя друг друга. Лавров, казалось, был в кураже, и в конце разговора он, обняв меня, с надеждой сказал лишь одно слово:

– Спасибо!

Поньше бережно вспоминаю эту трогательную минуту. Но тогда я понимал, что мое предложение – это только идея, ко-

тору ю еще предстоит реализовать. Догадывался, сколько будет у этой идеи противников и злопыхателей, сколько убийственных стрел выпустят в нас в случае неудачи.

Наша организация совместно с дирекцией БДТ стала заниматься изыскательскими работами для нового корпуса пока на общественных началах, а Лавров – «выбиванием» денег под строительство.

Вспомним, это были 2000–2001 годы. Страна выходила из экономического разорения. Да, деньги в бюджете были – но только на самое необходимое. Да, новое строительство вели, но причем здесь театры? Театры, особенно провинциальные, находились практически на грани вымирания. Неумолимо падал престиж актерской профессии. Труппы оставались неукомплектованными, из театров массово уходили актеры-мужчины, мизерная зарплата не позволяла им содержать семьи. Притока молодых артистов не было. Зато возникало много-много других проблем... Такой была реальная жизнь.

На ремонт, на поддержание зданий, чтобы элементарно не развалились, денег не хватало, а здесь – новое строительство административно-хозяйственного корпуса! Ишь, размахнулись!

Верил ли я, что у Лаврова получится? Честно сказать, верил, но сомневался. В городе таких денег не было, а в федеральном центре... Не пойдет же он к Президенту, рассуждал я. А так хотелось, чтоб получилось!

А у нас первые скважины показали такое, чего ожидать я никак не мог. Насыпные грунты здесь состояли из песка, супеси с включением гальки, гравия, кирпича. Следующий слой толщиной четыре метра – уже супеси с торфом, они обладают способностью значительно и неравномерно сжиматься под действием внешних нагрузок. Дальше идут пылеватые пески, стоит только нарушить естественный слой – и под действием динамических нагрузок они переходят в плавунное состояние. И лишь на глубине пятнадцати-шестнадцати метров от поверхности находятся суглинки, только здесь есть на что опереться фундаменту. Кроме того, близко грунтовые воды. А плюс к тому река Фонтанка активно принимает участие в названной проблеме. Ее уровень подвержен колебаниям, особенно заметным, когда сильный ветер гонит в реку воду из Финского залива.

То есть, отчет изысканий получился – хоть плачь.

После долгих споров, раздумий, привлечения специалистов остановились на варианте: фундаменты нужно выполнить с учетом геологических и гидрологических условий площадки, и, как сразу решили, на свайном основании. Сваи буронабивные, шестнадцать метров. И применять непременно щадящую технологию по отношению к существующим зданиям БДТ. Это стало тогда главной проблемой. Кому нужен новый корпус, если трещинами пойдут здания мастерских, декорационных сараев и, не приведи Господи, самого театра, стены которого и без того покрыты трещинами?

Печальных примеров тому, как при непродуманных действиях строителей возникают подвижки грунта, предостаточно. Город уже лишился исторических зданий, расположенных на Невском проспекте, 55 и 59. Трещины появились на фасадах дома номер 53. При строительстве гостиницы «Амбассадор» на проспекте Римского-Корсакова пришлось расселить и стоявший рядом дом номер 5, а дом под номером 3 перевести на режим постоянного наблюдения. В Капелле появились трещины при строительстве апартамент отеля в смежном корпусе. Театр музыкальной комедии дал трещины при строительстве галереи бутиков «Гранд Палас».

Очень много зданий старого города находятся в состоянии неустойчивого равновесия, как весы. Поэтому ни в каком случае нельзя, не проверив грунт, ломать здание: наш «студень» из-под рядом стоящего здания тут же перетечет в ослабленное место. Не нужно забывать, что это на самом деле плывун, жидкообразная масса, а не грунт в обычном понимании этого слова.

Многие дома в городе стоят на деревянных лежнях, которые за двести-триста лет окаменели в грунтовых водах. Когда рядом начинают рыть котлован, уровень воды опускается, дерево, соприкасаясь с воздухом, начинает гнить, и фундамент соседнего дома «плывет». Здания исторической застройки стоят стена к стене, поддерживая друг друга так, что нельзя снести один дом, не повредив стоящий рядом. Поэтому я уверен (да и любой, знающий грунтовую обста-

новку в городе строитель меня поддержит): в центре можно заниматься только реставрацией и реконструкцией старых зданий, а новые следует строить лишь за чертой исторического центра, на надежных грунтах. Те же грунты, что находятся в центре, при незначительном воздействии переходят из твердого состояния в сметанообразную или вязкую жидкость. Относительное благополучие старой застройки было обусловлено требованиями ограничения нагрузки, передаваемой от зданий грунтам: высота их по обязательным для всех строителей условиям не должна была превышать уровня карниза Зимнего дворца. И правило это неукоснительно исполнялось, но и при соблюдении этого условия печальной закономерностью для центра города стала деформация старой малоэтажной застройки.

Все это не давало мне покоя. Скоро я понял, что даже с использованием технологии буронабивных свай все может случиться. Не исключен наплыв грунта в скважину из-под рядом стоящего здания. Случилось же такое при строительстве гостиницы «Невский Палас», например, когда просели соседние здания. Я подобной ситуации боялся больше всего. Нынешние шустрые строители, работающие в центре старого города, часто на эту опасность попросту не обращают внимания, надеясь на авось. А то и вовсе не знают о ней, или знать не хотят. В результате мы можем вообще потерять историческую часть города – уникальную, между прочим, такой больше нет нигде в мире. Старых городов с памятника-

ми исторической архитектуры много, но среди них нет пяти миллионного.

Кроме того, в Петербурге, относительно молодом, наиболее ценными считаются по международным стандартам именно изначальная планировка и «генетический код города». То есть соотношение ширины улиц с высотой зданий. В Венеции, с которой Петербург часто сравнивают, застройка тоже не менялась веками, но там живет всего шестьдесят тысяч человек да столько же туристов бывает.

Весь центр Петербурга признан ЮНЕСКО объектом всемирного наследия. Но это не помогает, дома исчезают, разрушаются намеренно или вследствие грубых, дилетантских строительных ошибок. Мы не должны допустить дальнейшего расширения этого варварского процесса, коммерческого отношения к городу и его истории. На эту болезную тему мы часто говорили с Кириллом Юрьевичем во время изыскательских работ.

В защиту старого Петербурга Лавров сказал свое веское слово. Когда кто-то заявил, что в старом центре Петербурга вообще нельзя ничего строить и перестраивать, Кирилл Юрьевич возразил в том смысле, что живой город должен развиваться. Потому строить нужно, строить можно. Но – бережно и с умом. Так, чтобы не потерять его исторические и архитектурные ценности.

Добавлю от себя, что для этого, выражаясь образно, между городом и строителями, как между сценой и зрителями,

не должно быть «четвертой стены», разделяющей мир формы и вселенную души. Но должно быть творческое единение, духовное родство, можно сказать, «любовные» взаимоотношения. Бережное отношение к городу воздастся сторицей, ведь не все в этой жизни исчисляется в твердой валюте. Вечная красота бесценна. И это должны научиться понимать «новые петербуржцы» (и от власти, и от бизнеса), не связанные кровными узами с великим городом, которые с варварским упорством рушат старый город.

Беда, которая в год нашей театральной стройки только еще намечалась, сегодня распространяется с угрожающей быстротой. Не успели, как следует разобраться, с чего это вдруг пошли опасные трещины по вечным, казалось, непоколебимым фасадам Адмиралтейства и Исаакиевского собора, как та же порча в более тяжелой форме перекинулась на Юсуповский дворец, прошла по многим другим, именитым и не очень, представителям старо петербургской архитектуры. Почему?

По этому поводу имеются два основных и прямо противоположных мнения. Первое: срок пришел. Какого бы мирового значения архитектурные памятники ни были, они тоже дряхлеют и разрушаются. Кто-то даже попенял зодчему Захарову, что не на месте поставил Адмиралтейство и тем ускорила процесс старения здания. Не рассчитал, мол, что по происшествии двух веков прибрежные грунтовые воды подточат опору фундамента. Что и зафиксировали нынешние

трещины как первые симптомы этой петербургской болезни.

Второе мнение: Петербург планировался, возводился разом, дальнейшее его расширение строго регламентировалось. И к середине прошлого века возможности пространственного роста в центральной части города с учетом зыбкости почв болотистой приневской равнины были, в основном, исчерпаны. Потому даже в советские времена центр города не трогали. Застраивались исключительно окраины. А вот нынешний коммерческий строительный бум бесцеремонно вторгается в старый город, отсюда все неприятности. Вывод: оставить исторические районы Санкт-Петербурга в неприкосновенности, иначе последствия будут необратимыми.

Есть и третье мнение, близкое к тому, о чем говорил нам тогда Лавров: внимательно, с самого их начала, следить, как отражаются строительные работы на близлежащих зданиях. Немедленно останавливаться, как только будет замечена опасность. Разумеется, надо бурить пробные шурфы, чтобы проверить грунтовые особенности участка, на котором будет сооружаться фундамент. То есть работать аккуратно. Необходимые приемы такой работы давно заложены в правила организации всякого строительства, и настоящий профессионал не может не быть работником аккуратным. Иначе тот самый строительный бум из созидательного превратится в разрушительный.

По одной из версий, Юсуповский дворец пострадал как раз от грандиозной стройки поблизости. Вернее, от поспеш-

ности, от той профессиональной неаккуратности, с которой она велась. А Исаакий, Адмиралтейство – от непродуманного выбора маршрута прокладки ближайших линий метро, как считают некоторые специалисты. И, кроме того, от основательных земельных работ во дворе монферрановского «Дома со львами» – дворца Лобановых-Ростовских.

Задача власти и всех горожан – спасти каждый дом, проводя гуманную реставрацию. Но таких примеров, к сожалению, мало. Архитекторы хвалят Новую Голландию, но ведь и там снесли все, что формально не считалось памятником, в том числе лабораторию Дмитрия Менделеева и опытный бассейн, а в нем испытывались модели первых российских судов. Скоро внутри Новой Голландии по неумолимому проекту появятся грандиозные новые здания, не связанные ни исторически, ни архитектурно с уникальным старинным ансамблем, и на их стеклобетонном фоне померкнет, потеряется изысканная по красоте арка Вален-Деламотта.

А новая сцена Мариинского театра?! Ради посредственного невыразительного новодела безжалостно были снесены крепкое, имеющее историко-культурную ценность здание Дворца культуры Первой пятилетки и часть старинного Литовского рынка. Очень жалко! Неравноценный обмен.

Все это имеет прямое отношение к нашей истории о строительстве маленького корпуса театра. Мы работали на одной из таких площадок в центре города, где строителям, как докторам, прописано в первую очередь чтить заповедь «Не на-

вреде».

Среди множества трудностей, объявившихся при изыскательских работах, главной оказался подбор проектной организации. Два ведущих института – ЛенНИИ проект и Ленгражданпроект – наотрез отказались, ссылаясь на занятость. Причина на самом деле была в другом: денег не густо, а мороки много. Другие, менее «звездные» институты, тоже вежливо ушли в сторону.

Но мир не без добрых людей. Помогли инженеры, с которыми мы в свое время работали на оборонных объектах. Нашим помощником стала компания «Миньков, Герасимов и партнеры». По проекту получилась административная пристройка в виде трехэтажного здания на высоких опорах. На уровне партера запланировали разместить служебный вестибюль. Из него специально спроектированный проход вел в служебную часть театра и в пристройку, о которой беспокоился Лавров. На первом этаже разместили по проекту административные помещения. Благодаря этому попасть на этаж можно и по внутренней лестнице пристройки, и по проходу со стороны театра, и по реконструированной лестнице склада декораций. Удобно всем.

На втором этаже – кабинет руководителя театра, конференц-зал, театральное кафе. Все это вместе со старыми помещениями должно было стать единым пространством. Мастерскую главного художника и большую комнату отдыха разместили на третьем этаже. Ее предполагалось использо-

вать и под бильярдную, о чем мечтали многие актеры. Тут же предполагалось сделать отдельные выходы на прогулочную террасу, с которой можно любоваться Фонтанкой. В основном здании театра благодаря такому решению освободились бы дополнительные площади, а значит, появлялись и новые удобства для зрителей.

Учли вроде бы все запросы и требования. Но вот тут-то и выяснилось, что они могут в корне измениться. В конце 2001 года Кирилл Юрьевич добился выделения средств на строительство корпуса. Сработал авторитет знаменитого артиста и приближающийся праздник 300-летия города. Скоро был объявлен открытый конкурс на проектирование и строительство административно хозяйственного блока для БДТ. Так что нас вполне мог обойти какой-нибудь удачливый соперник, чьи идеи вдруг бы да и понравились жюри конкурса больше, чем наши. Это вовсе не исключалось.

Главное условие конкурсов, торгов, аукционов – одно: победит тот, кто назначит меньшую цену и меньший срок исполнения заказа. И никаким законом не предусмотрено наказание для тех авантюристов, которые могут победить в конкурсе, но качественно работы не выполнить. В этом-то и ущербность этой процедуры. Она не учитывает реальные возможности, уникальность, профессиональную одаренность или, наоборот, заведомую бездарность претендентов. Во многом благодаря такому примитивно-рыночному механизму и бандитствуют на городских стройках деловые

ребята, готовые любой исторический шедевр переделать в доходный дом или, хуже того, полностью разрушить его и на освободившемся месте соорудить примитивный новодел, повредив при этом соседние творения великих зодчих.

Страшно представить, что ждет Петербург в ближайшие годы, если этот процесс будет продолжаться! Совершенно очевидно, что количественные изменения в архитектурном пространстве города неизбежно перейдут в качественные. Исчезновение старых построек стремительно размывает ту целостную архитектурно-пространственную среду, благодаря которой исторический центр Петербурга получил всемирное признание в качестве грандиозного градостроительного ансамбля, сохранившего внутри современного мегаполиса подлинный город XVIII-XX веков, блистательную столицу Российской империи. В этом его уникальность и, кроме прочего, привлекательность для туристов.

В некоторых случаях хотя бы скопированные с разрушенных зданий фасады новых построек напоминают об утраченных оригиналах. Ретивые строители, зная свое разбойничье ремесло, словно откупаются от горожан: вот вам ваша четвертая стена, любуйтесь фасадом, а дальше не заглядывайте, за тремя оставшимися стенами – наша территория, там мы делаем, что хотим. Еще хуже, когда на месте старинных особняков, часто связанных с именами известных исторических личностей, возникают примитивные современные конструкции из стекла и бетона, хамски выделяющиеся из ря-

да пока еще не тронутых соседних архитектурных шедевров. Некоторые из новаторских конструкций, возможно, прижились бы в новых районах. Но в Петербурге Пушкина и Достоевского им явно не место! Петербург интересен не только отдельными архитектурными памятниками или даже ансамблями. Они есть в большинстве крупных старых городов Европы и мира. А вот целостность исторического центра, сохранившего, несмотря на утраты военного времени, единую архитектурно-пространственную среду, фронтальную историческую застройку большинства кварталов, – это даже не редкость, это уникальность.

* * *

Труппа, созданная Товстоноговым, достойна этого города. Подобной ей, уверен, не было, нет и никогда уже не будет. Не в обиду другим петербургским театрам будет сказано. Я их тоже люблю, но товстоноговцы – лидеры отечественного сценического искусства. Это общеизвестно. Только мало кто знает, что не одни актеры-звезды делают театр, но и техники, помощники, администраторы, руководители различных служб, рабочие сцены, осветители, художники ит. д. Они тоже звезды, каждый в своем деле. Производственные мастерские и постановочную часть тогда возглавлял Владимир Павлович Куварин – его фамилия произносилась всеми с необыкновенным почтением. Главный художник – он же вы-

дающийся профессионал по общему признанию в театраль-ных кругах – Эдуард Степанович Кочергин. Или взять звуко-цех, светоцех костюмерный, гримерный – да везде, что назы-вается, «штучные» люди, таланты. Они во многом и создают этот необыкновенный театр-ансамбль, по сей день именуе-мый «товстоноговским».

По местоположению Большой драматический считается «неудобным» театром, от Невского и от ближайшей станции метро пятнадцать-двадцать минут ходу, рядом ни троллей-буса, ни автобуса. А зал всегда полон. У этого театрального дома на Фонтанке – фантастическая слава. И сейчас в Боль-шой драматический ходят как в «товстоноговский». У него все та же, прежняя слава, как я бы сказал, «думающего, оду-хотворяющего театра». Он не стал другим, не поддался но-вой моде и не включился в псевдорыночные игры. Немалая заслуга в том Кирилла Лаврова. Великий артист согласил-ся стать руководителем не только во имя сохранения леген-ды, но и для сбережения традиции. Он приглашал в БДТ режиссеров, актеров, которые казались ему мировоззренче-ские родными, и чаще всего угадывал «братьев по духу». Ноша, которую взвалил на себя Кирилл Юрьевич, была ох как тяжела. Он же личность творческая, а не администратор, не строитель, не хозяйственник, не воспитатель. Однако ему пришлось играть все эти роли, не считая роли художествен-ного руководителя. И он, мастер во всем, справился и сделал главное – сохранил дух и традицию товстоноговского театра.

И строительные его преобразования тоже были ради этого.

Весной 2002 года по результатам конкурса на эти работы наш 47-й Трест вышел победителем. При заключении контракта заказчик поставил цель: окончание строительства – май 2003 года. Успеть к 300-летию со дня основания города. Теоретически вполне нормальный срок. Смог же наш давний коллега Фонтана за два года построить этот театр. Но сколько воды утекло за сто с лишним лет, сколько появилось чиновников, сколько изобретено инструкций, правил, гипотетически необходимых нам. Сегодня для реализации любого строительного проекта надо прежде решить две большие проблемы. Это – согласование и экспертиза.

Знающие люди подтвердят: на то и на другое требуется больше усилий, времени и средств, чем на само проектирование и строительство. Дело, конечно, нужное, но оно превращено в бесконечную, чудовищную волокиту. Согласования и экспертизы, с учетом проектирования, порой в два раза превышают сроки самого строительства. Как здесь не вспомнить существовавший в СССР порядок, который предусматривал не больше трех месяцев на все формальности?!

Зная все про порядки сегодняшние, мы надеялись на удачу, на авторитет театра, на определенные связи. Только все равно, поскольку деньги шли из федерального бюджета и многие вопросы решались в Москве, дело затягивалось. И вопрос «почему?» обсуждался строителями на еже-

недельных совещаниях. Участвовал в них и Кирилл Юрьевич. Очень часто ему вместе со мной приходилось ходить по инстанциям, звонить, просить об одном: будьте любезны, рассмотрите побыстрее, не придирайтесь, пожалуйста.

Со всеми этими проблемами мы и вкатились плавно в ноябрь 2002 года, приступили к устройству фундаментов, контролируя каждый метр бурения, помня об особенностях «кисельного» грунта.

И вот тогда-то, когда работа, можно сказать, уже кипела, раздался тот самый звонок...

– Михаил Константинович, здравствуйте, это Лавров.

Сам, без посредников, секретаря или референта, Лавров позвонил мне впервые.

– Здравствуйте, Кирилл Юрьевич.

– Нам надо встретиться.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Случилось. Когда Вы сможете быть у меня?

– Через полчаса, – ответил я.

Что же произошло? По незначительному поводу Лавров звонить не будет. Неужели опять проблемы с контрактом, как в самом начале строительства? Когда подписывали документы, никто не обратил внимания на пункт, который говорил, что производство работ нужно вести в «условиях действующего предприятия», вернее, мы, строители, не обратили внимания на это. Театр и «действующее предприятие» – понятия несовместимые, подумал тогда я. Никого не рас-

спрашивал, ничего не уточнял. И ах как наказала меня самонадеянность!

Дворик театра, окруженный со всех сторон производственными помещениями, продукция которых идет в одну точку – на сцену, является сложным технологическим узлом. Закрытие его (дворика) полностью невозможно. Работы, связанные с шумом, а иногда и грохотом машин, исключены: днем два-три часа идут репетиции, а вечером спектакли. Что в остатке? Несколько часов. В ночное время действует закон о прекращении всех видов строительных работ с двадцати трех до восьми утра. Наверстать упущенное в выходные дни невозможно, есть утренние и вечерние спектакли.

В такое положение я попал впервые. Но всю ситуацию понимаю я, руководитель, а попробуй объяснить это рабочему – он пришел работать, ему нужна зарплата. Многое пришлось переделывать на ходу, Каркас здания мы запроектировали в монолитном железобетоне, но, учитывая сложившиеся обстоятельства, изменили на металлические конструкции, которые можно было изготовить на заводе, а здесь, на площадке, за короткое время смонтировать.

Только из-за нехватки времени было придумано много новшеств. Цель была одна – сократить время работы на площадке. И все равно мы его не выигрывали. Законы бытия: из пяти-шести часов не сделать шестнадцать. Сейчас, когда прошло столько лет, многое забылось, но тогда этот малень-

кий дворик бурлил, что вулкан: там, как электрическим током, пробивали нервные взаимоотношения, там реплики и афоризмы звучали такие смачные – режиссеры позавидуют. Во многих схватках были неправы обе стороны. Мы старались решать конфликты, не доводя их до Лаврова, так сказать, в рабочем порядке. Но даже при этом оставались какие-то обиды и недоразумения...

По дороге в театр позвонил коллегам-исполнителям. Вроде бы никаких ЧП за прошедшую неделю не случилось. Что же могло послужить причиной этого звонка?

Увидев меня, Лавров поднялся, тепло поздоровался, усадил на диван, сам сел рядом. Разговор пошел, как всегда, с расспросов о здоровье, семье, делах в театре. Я терялся в догадках. Закурив и немного помолчав, Кирилл Юрьевич начал разговор на тему, о которой мы никогда с ним не говорили:

– Театральная труппа стареет, нужны новые кадры. Обучать молодежь нужно под крышей родного театра, где сам воздух уже насыщен традициями и легендами. Сами стены воспитывают. Моя мечта – создание студии. Сейчас такая возможность, на мой взгляд, появилась, а самое главное – есть руководитель.

Я молчал, ничего не понимая. Студия нужна, это понятно, но какова моя роль? – Михаил Константинович, я прошу Вас перепроектировать новое здание под театральную студию!

Он замолчал. Я, обомлев, тоже не мог вымолвить ни сло-

ва. В голове в надрывной схватке сцепились зловещие мысли: государственный контракт, экспертиза, сроки, нехватка денежных средств, согласится ли на пере проектирование мастерская, неизбежная остановка строительства...

Можно было, конечно, отказаться, можно было стать в позу, но ведь я строю не для себя, а для театра, руководитель которого – Лавров. Зная, уважая его, я не мог отказать. Вероятно, в возникшей проблеме есть и моя ошибка: продавливал свою идею, я не видел другого предназначения новых помещений. Надо исправляться.

– Кирилл Юрьевич, для меня услышанное настолько неожиданно... Но я согласен... Знаю лишь одно: такое кардинальное решение на «пальцах» не объяснить и не понять. Язык инженера – это чертеж...

– Спасибо! – лаконично ответил Лавров.

Сейчас могу признаться честно: начиная работать над новой задачей, я многого не знал. Потому пришлось снова учиться. Да, студия – это творческий коллектив, сочетающий в своей работе учебные, экспериментальные и производственные задачи. Студия – коллектив единомышленников. В прошлые времена студии возникали, главным образом, при крупных театрах. И либо развивали старые добрые традиции, либо занимались поисками новых путей и средств сценической выразительности. Большое распространение «студийность» получила в советское время. В этот период были созданы театр-студия им. Ермоловой, студии под

руководством Ю. Завадского, Р. Симонова, Н. Хмелева, А. Дикого в Москве, С. Радлова в Ленинграде, ряд национальных студий. Студии часто подготавливали рождение новых театров. На такой основе возник, например, «Современник».

Еще раз поблагодарю работников театрального музея и литературной части театра за предоставленные мне уникальные книги, из которых я узнал, что еще в 1930 году перед руководством Большого драматического театра встал вопрос о необходимости подготовки собственных актерских кадров. И уже через год при театре организовали производственно-политехнические курсы, которые возглавил Евгений Иванович Чесноков. На основе опыта их годичной работы, осенью 1932 года при театре был открыт Государственный технологический техникум с четырехгодичным сроком обучения. Здесь учились будущие актеры и режиссеры. На первый курс приняли тридцать человек: шестнадцать юношей и четырнадцать девушек. Двое из них всю жизнь отдали БДТ. Это Людмила Макарова и Ефим Копелян.

Копелян – актер известный. Не только по театру, но и по советскому кинематографу. А вот подробности его актерской судьбы я узнал тогда впервые. В семье Копелянов любили искусство. Отец неплохо рисовал, два брата Ефима стали художниками. В детстве будущий знаменитый актер был уверен, что тоже станет художником. Или, может быть, архитектором. Окончив школу, приехал в Ленинград. Ему было 17 лет. Некоторое время поработав токарем на заводе

«Красный Путиловец», поступил, как и собирался, в Академию художеств на архитектурный факультет. Будущее вроде бы определилось. Но однажды, чтобы немного подзаработать, Копелян пришел в массовку в БДТ... И остался здесь навсегда.

По совету одного из приятелей Копелян поступил в театральную техникум, но потом последовала затяжная полоса неудач: его постоянно хотели отчислить как проф непригодного. Спасла лишь общественная работа – он был председателем ученического комитета. На втором курсе – снова угроза отчисления. Но ему дали последний шанс: на экзамене сыграть в отрывке из пьесы Погодина «Мой друг». По ходу пьесы надо было петь песню. Мотив ее Копелян в нужный момент вдруг забыл. Но не растерялся и стал напевать «Марсельезу». Экзаменационная комиссия умирала от смеха.

Актерское мастерство в студии преподавал Константин Константинович Тверской. В 1933 году он был также главным режиссером и художественным руководителем БДТ. Педагог строгий и требовательный, он любил повторять студентам: «Пять я ставлю господу Богу, четверку – себе, ну а тройку – самому крепкому ученику». Но когда в конце второго курса стали объявлять оценки, Тверской сказал: «На сей раз я изменяю своему правилу и ставлю пять ученику!..» И назвал заслужившего небывалую награду: Ефим Копелян!

В 1935 году артист благополучно окончил техникум. Его сразу же пригласили в труппу БДТ. Первая роль на профес-

сиональной сцене – кинооператор Бурков в спектакле «Не сдадимся». Пьеса рассказывала о знаменитой эпопее парохода «Челюскин».

* * *

Об истории театра я читал ближе к ночи, а днями и вечерами мы искали оптимальное решение поставленной Лавровым задачи. Иной раз он и сам делал пробные эскизы. И вот новый проект готов. Согласно ему первый этаж пристройки заняли репетиционный класс и два помещения раздевалок с душевыми и санузлами, на втором этаже – кабинет руководителя студии, учебный класс и еще одна раздевалка с душевыми. Третий этаж предназначался для административных помещений.

А все, что придумали раньше, – постараться забыть... Прощай, мастерская художника, прости, Эдуард Степанович Кочергин, – не судьба. Так и осталась мечтой бильярдная. И прочий, запланированный в первом проекте актерско-зрительский комфорт. Проблемы возникли тоже новые. Особенно по пожарной части. Но и их, в конечном счете, решили.

Рано или поздно все заканчивается. Прошел год, и в начале сентября мы вдвоем с Кириллом Юрьевичем вошли в новый корпус. Обошли все помещения, осмотрели медленно, наслаждаясь сложным запахом нового дома. Завтра

– открытие студии, а сегодня – тишина, шума жизни пока нет. Наш корпус как будто замер с простертыми объятиями. Радостными молодыми голосами новая молодая жизнь ворвется сюда завтра утром... Мы вышли на открытую галерею третьего этажа. Светило солнце, осеннее, не греющее. Опершись о поручень балкона, молча, смотрели на Фонтанку. Лавров закурил.

Я блаженствовал. Считается, что осень вносит в нашу жизнь меланхолию, даже депрессию. А у меня наоборот, осень – пора осмысления, осознания значимости времени, в которое мне выпало жить, это период подготовки к новому этапу созидания. Если говорить о временах года по моей классификации, то получилось бы так: зима – для работы, весна – для любви, лето – для семьи, а осень – для души.

Ничто меня не волнует в природе так, как вид осенних красок. Невозможно выразить словами красоту сочетаний желтого с зеленым, красным, бурым, синим, оранжевым и далее по всему спектру, какие встречаются только в эти месяцы «природы увяданья». Желтый осенний лист медленно кружится в воздухе, ему доступны все стороны света, он больше не связан тяжестью родственных уз с деревом-родителем. Он свободен. По сути, и мы ведь живем и умираем по тому же физическому закону. Человеческая жизнь, как тихое облако, плывущее, пока ветер и небо позволяют ему плыть. Но и сочное яблоко, и полный жара костер, и далекая звезда, и пышный цветок – все они, умирая, оставляют след.

Тонкую полоску света. Чуткой человеческой душе дано увидеть этот свет, порадоваться ему, запомнить мгновение красоты.

Мы с Лавровым продолжали молча смотреть на окружающий нас прекрасный мир Петербурга, зачарованно наблюдали, как по Фонтанке идут экскурсионные катера и теплоходы, заполняя воздушное пространство своими механическими шумами и тревожащей воображение музыкой, доносящейся из динамиков. Радовала мысль, что завтра подобной радостной музыкой новой жизни наполнятся и новые помещения нашего театрального комплекса. Почему-то не было грустно от мысли, что молодые артисты вряд ли когда-нибудь подумают и захотят узнать, как родился этот корпус, кто его проектировал и строил.

А нужно ли знать? Главное, что он есть.

* * *

Незаметно день преломился, солнце миновало низкий зенит. Улицы затихали, лиловые сумерки, сгущаясь, наполняли город. Я понимал: закончилась пора, когда я мог ежедневно встречаться с Кириллом Юрьевичем, слушать его, советоваться с ним. За внешней сдержанностью этого выдающегося человека скрывался мощный интеллект, страстный темперамент, за красивой внешностью – яркая, разносторонне одаренная личность. Я понял, как нужно мне было об-

щение с этим красивым, умным человеком, оно вдохновляло меня и в моей повседневной трудной работе, и в-минуты осознания собственной личности.

Лавров – герой нашего с ним времени. Он, как актер, обладая редким творческим даром, сумел отразить свою героическую эпоху, воплотить характеры честные, бескомпромиссные. Кирилл Юрьевич и сам был из той же, боевой крови и плоти, он жил жизнью своих героев. Или, наоборот, его герои облеклись в характер великого актера?

Когда я работал с ним по строительству, мне почему то часто и легко, до монологов или реплик, вспоминались его яркие роли руководителей. Казалось, что рядом со мной был не артист, а деятельный управленец, который точно знал, что и как нужно делать.

Я не чувствовал его возраста, потому, наверное, что он знал секрет – как до конца жизни оставаться молодым. Я был очарован Лавровым, авторитет его для меня – непререкаем. Причем это был неизбежный и неизбывный авторитет гениальной личности. Лавров всегда излучал внутреннее спокойствие, уверенность, обладая размеренным темпом речи и логичными суждениями, он располагал к себе любого собеседника и вызывал уважение.

Прощаясь, я сказал ему:

– Спасибо, Кирилл Юрьевич, за нашу совместную работу. Есть у меня добрая примета: если в конце строительства дома заказчик и строитель остаются друзьями, значит, заду-

манное получилось, и жить будет долго...

– Михаил Константинович, вот Вам моя рука, – он крепко обнял меня. – Поверь, ты мне очень нужен и сегодня, и завтра. Я всегда чувствовал твою искренность...

Мне хотелось продлить этот момент, потому что я понимал – это исторический день в моей жизни, такого больше не будет никогда. Душа моя ликовала. Взявшись за руки, мы повернулись к своему творению. По цвету оно сливалось с основным корпусом, задуманным Л. Ф. Фонтана. Я чувствовал, что Лаврову тоже не хочется расставаться. словно родители, мы отправляли в дорогу свое дитя. Это было наше творение, которое мы отпускали в большой и трудный мир, надеясь, что судьба его будет счастливой.

Заканчивая рассказ о нашей совместной стройке с Лавровым, еще раз скажу, что это было время празднования 300-летия города. К. этому истинно историческому событию городским властям удалось в Петербурге сделать многое: возобновилось движение транспорта по прекрасному в своей обширности и величественности Троицкому мосту, завершилось строительство путепровода на проспекте Стачек. В новом, правда, весьма спорном виде предстала Сенная площадь, вернулись на свое место на Аничков мост отреставрированные кони Клодта, над аркой Главного штаба вознеслась помолодевшая богиня Ника, закончились реставрационные работы Александрийского столпа. Появился новый вокзал – Ладожский, открылся крупнейший сборочный цех на «Бал-

тийском заводе».

Возникновение нового корпуса в ансамбле БДТ было замечено сразу в масштабах и города, и страны. Двадцать шестого мая, в канун дня рождения города, Почетным дипломом Законодательного собрания «За лучшее здание, построенное в Санкт-Петербурге» в 2003 году были отмечены участники строительства: театр, наш трест и проектировщики. Статистика – наука точная. Она подсчитала, что прибавление нового театрального здания происходит в нашем городе примерно раз в двадцать лет. И потому наш совместный с театром проект будет вполне закономерно считаться событием как минимум нескольких десятилетий. Все главные СМИ, печатные и электронные, сообщили о том, что в историческом центре Санкт-Петербурга выросло новое здание – административно-студийный корпус Академического Большого драматического театра имени Г. А. Товстоногова. За деловым и сухим наименованием кроется важное городское событие.

Практически следом за открытием студийной сцены прославленного театра (что в обычной ситуации принято называть вводом нового корпуса в эксплуатацию) наша работа была выдвинута номинантом на главную общественную Российскую премию «Строительный Олимп». И в условиях жесткой и достойной конкуренции мы победили.

Чем же знаменательна новостройка на Фонтанке? Есть как минимум два главных ответа, один из них относится к

технической стороне дела, о которой мало кто вспоминает, когда здание построено. Само же назначение здания – есть другая составляющая: это редкое по своей культурологической значимости событие в жизни города. А для меня это еще и памятник выдающемуся человеку, замечательному актеру, моему другу Кириллу Юрьевичу Лаврову.

Глава четвертая. Профессия актер. Профессия строитель

Театр для меня всегда был окутан тайной, просветлен скалочным светом, наполнен героическим смыслом. Советская власть, понимая великое воспитательное значение театра, как могла, обихаживала его: персональные оклады служащим Мельпомены, квартиры в центре города, машины, которые для других были недоступны, звания, награды. Только работай, не иди поперек господствующей идеологии. Служи народу своим искусством, как тогда говорили.

И вдруг, в один момент прежняя размеренная и беспроblemная жизнь рухнула. Зато пришла свобода: к репертуару театра претензий нет, твори, выдумывай, пробуй, никто на тебя сурово не взглянет и не накажет.

Но... для всего этого нужны средства, их надо или заработать, или... Вот в это время и вспомнили, что на свете, в том числе и в нашем Отечестве, всегда находились люди, способные материально помочь искусству, желающие творить благо. Вспомнили о благотворительности, имевшей в дореволюционной России богатую историю и много примеров. Традиции российской благотворительности оказались нарушенными революцией 1917 года. Все средства общественных и частных благотворительных организаций были в короткие сроки национализированы, их имущество передано государ-

ству, а сами они упразднены. Большевики начали кампанию безжалостной критики «буржуазной филантропии», которая, по их мнению, лишь маскировала «эксплуататорскую сущность» российского предпринимательства. Возродиться благотворительность начала было в тяжелые годы Великой Отечественной войны, но ненадолго. Сегодня, к счастью, понятия «меценатство» и «благотворительность» опять на слуху, многое в этой тонкой сфере изменилось к лучшему.

15 февраля 1994 года, накануне 75-летия основания БДТ, при участии тогдашнего директора театра Анатолия Геннадьевича Иксанова по программе Фонда Форда был создан фонд театра. Отцами-учредителями стали:

Владимир Спиваков, руководитель камерного оркестра «Виртуозы Москвы»;

Марис Янсонс – дирижер с мировым именем, страстный поклонник БДТ;

Юрий Темирканов – выдающийся музыкант, руководитель оркестра, начинавший свою музыкальную карьеру в Большом Драматическом и другие достойные люди. У них у всех в момент создания Фонда были грандиозные замыслы и благие цели.

Но сохраняя за собой распределительные функции, денежное наполнение благотворительных фондов власть возложила в первую очередь на коммерческие структуры. Такая добровольно-принудительная благотворительность, а вернее, государственный рэкет – один из существенных факто-

ров, которые обрекают на неудачу многие добрые дела.

В начале 90-х встала проблема: где взять благотворителей, имеющих капиталы. Не давать же объявление в газету! В Фонд театра руководители организаций привлекались по знакомству, использовались связи, были и случайности. Такая случайность произошла со мной.

С Владимиром Петровичем Львовичем – руководителем инвестиционной компании, мы работали вместе на строительстве жилого дома. К тому времени он был членом Фонда БДТ. Он любил и знал театр, а его рассказы об артистах и всевозможные театральные «байки» были всегда интересными и увлекательными. Однажды он уговорил меня посмотреть здание общежития театра, которое располагалось на двух этажах флигеля, находящегося во дворе. История этого общежития достойна исследования: здесь когда-то жили начинающие свой творческий путь К. Лавров, И. Смоктуновский, П. Луспекаев, Т. Доронина, О. Басилашвили и другие театральные «звезды»... Но смотреть было не на что – здание находилось в аварийном состоянии. Деревянные перекрытия рушились, в некоторых местах их подперли брусками.

Решение однозначное: всех выселить и как можно быстрее начинать капремонт.

Правильно говорят, что инициатива наказуема. Меня уговорили выполнить работу без всякого аванса, правда, с обещанием расплатиться чуть позже. Ремонт мы выполнили, ра-

боту приняли, долго благодарили. А с расчетом что-то не задалось, и в порядке компенсации наш трест стал коллективным членом Фонда театра, а я вошел в Попечительский совет.

Хорошо запомнился тот январский вечер, когда меня принимали в Совет. В жизни человека не так и много моментов, которые вне зависимости от личного желания или нежелания меняют жизненный путь, влияют на судьбу. Такие события до мельчайших подробностей остаются в памяти навсегда. В тот вечер было морозно и темно, казалось, ночь со своим приходом поторопилась. Но улицы еще не опустели, люди, подгоняемые ледяным ветром, спешили по своим делам. Набережная Фонтанки освещалась огнями густого потока машин, притормаживающих у Лештукова моста и мгновенно исчезающих в черной, непроницаемой громаде города. Мне было зябко: то ли от слишком влажного морозного воздуха, то ли от ожидания предстоящей встречи.

В такую погоду следует сидеть дома и наслаждаться его уютом и теплом. Но в тот вечер почему-то этого не хотелось. Не ощущая усталости, я радостно и стремительно шел навстречу новому повороту своей судьбы. У театра меня уже ожидали, провели в кабинет Кирилла Юрьевича. Встреча была теплой: лавровская обаятельная улыбка, крепкое рукопожатие. Мы вспомнили наше знакомство в Ленсовете. Я услышал его рассказ о театре, в котором он прослужил больше сорока лет! Лавров сожалел, что театр переживает сей-

час не лучшие времена. Труппа уже не та – прославленная, всемирно известная, какой была когда-то. Молодежь в театре есть, но она проигрывает «старикам» в мастерстве. Однако школа Товстоногова жива. О мэтре – самые добрые, замечательные слова. В труппе много учеников Георгия Александровича. Среди них немало известных актеров и режиссеров. Хотя... самым молодым уже под сорок, а старшим за шестьдесят...

О попечительском совете благотворительного Фонда БДТ Кирилл Юрьевич отозвался как о большой театральной семье:

– Театр не распоряжается средствами Фонда, за всем следит Попечительский совет. Мы только подаем заявки и обосновываем необходимость. У нас нет никакой, даже малейшей, возможности использовать нецелевым образом средства Фонда. Кроме того, в Положении о Совете сказано, что он не имеет права вмешиваться в творческую политику театра.

На сегодня главная задача Фонда – социальная поддержка актеров. Надеюсь, мы доживем до такого времени, когда приоритетной станет поддержка творческой деятельности театра, его новых постановок, гастролей, международных программ и других проектов, которые нам подскажет жизнь. Сегодня членами Совета являются руководители авторитетных компаний, и нам совсем не безразлично, какие деньги помогают театру...

Члены Попечительского совета собрались в назначенное время. Я был им представлен. Лавров сделал заявление по поводу вступительных и членских взносов:

– Отремонтировать общежитие театра пытались в течение десяти лет. Но все упиралось в отсутствие денег. Министерские чиновники, в последнее время даже формально перестали отвечать на наши запросы. Мы понимали, что может случиться непоправимое, уже рассматривали вопрос о выселении жителей, хотя выселять было некуда. И вот сейчас все благополучно разрешилось. При этом денежных средств, затраченных 47-м трестом на ремонт, достаточно для зачета вступительных и членских взносов, установленных Уставом Фонда, на пять лет. Надеюсь, вы согласитесь со мной и примете в наши ряды Михаила Константиновича...

Согласились, приняли.

Совет закончился уже за полночь, домой, на Большую Морскую, я решил пойти пешком. Шел через сквер, обнятый домами с редко где светящимися окнами. Погода, казалось, смилостивилась. Потеплевший ветер играл крупными пушистыми снежинками, то раздувая их, то скручивая в большой белоснежный локон. Мои ботинки символично оставляли на свежем снегу моего неблизкого пути заметные следы. Дышалось легко. Я вдруг понял, что очень редко бываю абсолютно, до доньшка дуги, спокоен. Прежняя тревога таяла, как снег, боязнь неизвестности минула, как недавний ледяной ветер, и только трепетная радость от общения с человеком,

который стал мне ближе и понятнее, новой надеждой наполнила сердце.

По Невскому, словно желая получить «высшее благословение» на новое поприще, дошел до Дворцовой площади с ее имперскими символами и смыслами и указующим в небеса ангелом Александрийского столпа. Повернув, пошел по набережной. Отсюда были хорошо видны очертания Васильевского острова, мосты, зыбкий в снежной круговерти силуэт Петропавловской крепости, шпиль собора которой тоже направлял мой взгляд в небеса. И фабричные трубы Выборгской стороны смотрели туда же...

Я был уверен, что начинался новый, промыслительный этап моей жизни.

* * *

Работа в Фонде, общение с актерами, с дирекцией театра, словом, вся моя дальнейшая «театральная деятельность» сфокусировалась на одном человеке – Лаврове. Лавров сказал, Лавров попросил, Лавров поблагодарил – вот обычные фразы. Я не задумывался над тем, почему так, это было абсолютно естественным, а сейчас, когда Лаврова нет, и нить, притягивающая меня к театру, истончается, мне известен ответ. Или, кажется, что известен?

Любой коллектив, будь то строительная организация, завод, театр, команда проектировщиков или просто дружес-

ская компания, неоднороден, люди могут обладать несхожими мнениями, разнящимися точками зрения на одну проблему. Что же все-таки их объединяет? Много факторов, но главный – уважение друг к другу.

Уважение – это та основа, та среда, которая необходима любому человеку. Потому что каждый из нас осознает себя как личность. Нам нужны единомышленники, в общении с которыми в большей степени и может раскрыться творческий дар. Уважение можно сравнить с камнем или крепким, надежным фундаментом, несущим сложный в своих «архитектурных (психологических) особенностях» коллектив.

Для меня, как и для многих других, Кирилл Юрьевич Лавров был светлой, выдающейся личностью. Когда о нем заходила речь, все в первую очередь восклицали: «Ах, какой это человек», и только потом начинали говорить о Лаврове-артисте, не умаляя при этом его фундаментального таланта руководителя.

Он обладал духовной крепостью, благодатным внутренним светом, который чувствовали и зрители, и коллеги. Кирилл Юрьевич легко устанавливал отношения с людьми: контактность, открытость, доброжелательность помогали ему находить все новых и новых друзей. При этом он не стеснялся открыто высказывать свою точку зрения, даже если она расходилась с мнением большинства. Умел доказательно отстаивать собственные интересы, не боялся власти, если знал, что он прав. Принимал решения и нес за них полную

ответственность.

Лавров был цельным человеком, для которого мысль и действие – неразделимы. Он мог подолгу размышлять, анализировать, сомневаться, но если решение было принято, уже не колебался, отбрасывал все сомнения и активно действовал. В случае неудач, трудноразрешимых проблем или ошибок Лавров умел пользоваться прекрасным методом защиты – юмором. Он применял это оружие не только по отношению к прямому противнику, но и ко всей ситуации, умея посмотреть на нее как бы со стороны и посмеяться над ней. Он был способен тонко, неунизительно иронизировать и над самим собой, и над оппонентами.

Таким для меня был и навсегда остался Кирилл Юрьевич Лавров. Я делаю эти выводы и с расстояния во времени, и с высоты своего жизненного опыта, и очень хочу, чтобы портрет, созданный мной, был узнаваем.

У поэта Сергея Острового есть хорошие стихи о слове:

*...Где б мне слово найти, чтобы свет оно людям несло
И людские недуги оно исцелило мгновенно?*

Не устаю искать то слово, которое бы помогало надолго оставить память о Лаврове.

Повторю, Кирилл Юрьевич – личность не рядовая. Его характер формировала не только жизнь, но и память – личная, родовая, историческая. Бабушка по материнской линии,

Ольга Леонидовна Лыкошина, была последней владелицей имения в селе Григорьевское, Вяземского уезда, Смоленской губернии, в трех километрах от Хмелиты, усадьбы Грибоедовых. Можно предположить, что многое в Лаврове от благородного дворянского века, от дружбы его предков с Александром Сергеевичем Грибоедовым. Аристократизму присущ героизм; чувства чести, совести, справедливости воспитывались в представителях этой среды сызмальства. Счастливой, неосознанной самим Кириллом Юрьевичем наследственностью определяется, вероятно, и красота его личности, и деликатность поведения, и культура речи, и благородство его поступков. Все это оказалось востребованным в должности руководителя великого театра.

Профессиональный опыт позволяет мне оценивать, насколько успех той или иной компании зависит от ее руководителя. Потому говорю уверенно: удержать театр, не дать ему развалиться в годы перехода от тотальной регламентации к полной, мыслимой и немислимой свободе мог только такой могучий, одаренный человек, как Лавров. Играя героев на сцене и в кино, Лавров и в жизни был на них похож. Отвечал за свои решения и поступки, умел держать слово, никогда никого не предал.

Много добрых дел на счету Попечительского совета. Перечисление заняло бы не одну страницу. Расскажу лишь об одной акции, где мне посчастливилось быть рядом с Кириллом Юрьевичем.

В труппе БДТ жилищный вопрос, особенно в годы перестройки, стоял остро перед многими работниками театра, а каково было его решение и от кого оно зависело – не знал никто. Сплошная свобода, демократия и полная ото всего независимость.

Борис Глебович Контребинский долго уговаривал меня помочь в этом нелегком деле. Обдумав все «за» и «против», я решился. Особых «за» в этой ситуации я не видел. Можно было зачесть стоимость квартир за членские взносы участника Фонда, каковым являлся коллектив треста. Хватило бы лет на двадцать вперед. Но в данном случае требовалась реальная помощь театру, а не болтовня.

Посоветовался с Лавровым. Он долго молчал, потом резюмировал:

– Михаил Константинович, я мог бы сказать: как решишь, так и будет, а мы в любом случае будем благодарны. Просить совета не у меня надо! И совет, и разрешение ты получи от своего коллектива. Это ведь не мелочь, а огромные затраты, это средства, заработанные твоими людьми...

Я сделал так, как посоветовал Кирилл Юрьевич. Пришлось убеждать акционеров, приводя, как мне казалось, неотразимые аргументы. Согласие я получил, но заметил и взгляды недовольных этим благотворительным актом. Что и понятно: в нашем коллективе те же самые трудности с получением жилья.

В это время 47-й трест вел изыскательские работы на

трех площадках города. Это – микрорайоны Дачное, поселок Стрельна и территория Нарвской заставы. Обсудив организационные дела, решили вместе с Кириллом Юрьевичем осмотреть все три «пятна» застройки и выбрать место под дом, где будут и театральные квартиры. Первый адрес – Стрельна.

По дороге я рассказал Кириллу Юрьевичу историю старейшего пригорода Санкт-Петербурга, где всего в 19 верстах от Северной столицы Петр I намеревался создать свою парадную летнюю резиденцию – «русскую Версалию». По его повелению ранее пустынное, заболоченное побережье было превращено в цветущий уголок с семейством загородных дворцов и «увеселительных садов» русской знати. Закладка парков и строительство сооружений в Стрельне не прекращались до середины XX века. В работах принимали участие мастера, имена которых составляют гордость не только русского, но и мирового зодчества. Среди них Б. Растрелли, Ж. Леблон, Н. Микетти, М. Земцов, П. Еропкин, А. Воронихин, Л. Руска. История поселка восходит к более отдаленным временам. Земли по южному побережью Финского залива были исконно-русскими и входили в Вотскую пятину Новгорода Великого. Император Павел I пожаловал Стрельну «с принадлежащими к ней деревнями» в собственность сыну, великому князю Константину Павловичу. Вот рядом с Константиновским дворцом и предполагалось строительство нашего дома.

Мы вышли из машины и вдоль железной дороги, мимо станции отправились к участку, где шли изыскания. Высокая трава, ручей, заросший камышами и покрытый болотной зеленью. Через ямы и рытвины кое-как выбрались на Львовскую улицу, к ветшающему, но все еще величественному дворцу князя Львова.

Его хозяина называли «огненным князем» и «первым огнеборцем России». Он владел первой в России частной пожарной командой, которую по последнему слову техники того времени организовал на своей даче в Стрельне. Стрельнинская пожарная команда князя Львова тушила огонь не только в Стрельне – ей приходилось выезжать даже к Нарвским воротам, а также действовать на всем протяжении дачного побережья до Ораниенбаума. Иногда пожарная команда, едва успев потушить один пожар, спешила на другой. Ежегодно в Стрельне устраивались праздники пожарной команды в честь заступления огнеборцев на свою вахту. Позднее Львов стал председателем Российского пожарного общества и почти до самой революции руководил пожарным делом в России. За свою общественную деятельность, в частности, за постройку в Стрельне на свои средства народного училища, ежегодные крупные пожертвования на содержание Общества спасания на водах и помощи пострадавшим на пожарах Александр Дмитриевич был награжден орденами Святой Анны и Святого Станислава.

Мы еще раз оглядели площадку и отправились в город.

– Сколько раз я бывал в Стрельне, но никогда так подробно не осматривал поселок, – уже сидя в машине, говорил Кирилл Юрьевич. – Это потому, что у меня сегодня прекрасный гид.

Микрорайон «Дачное» встретил нас огромными «пробками» из легковых машин, автобусов, троллейбусов, маршруток у метро «Проспект Ветеранов». Здесь, в узкой горловине на конечной станции метро, это повседневная картина. С большим трудом добрались до цели.

Условно Кировский район можно разделить на северную и южную части. Они формировались в разное время, и жилая застройка в них существенно различается. В южной части (Дачное, Ульянка) строительство велось в 60–70-е годы XX века, и жилье здесь самое разнообразное: «хрущевки», блочные дома, «брежневки», «корабли», новые серии. Вокруг станции метро «Проспект Ветеранов» – самый дорогой «новый» район. Территория Дачного ограничена проспектом Стачек, рекой Красненькой, линией Балтийской железной дороги и парком Александрино. Основную часть жилого фонда здесь составляют панельные пятиэтажки первых массовых серий, ими застроены целые кварталы. Примерно такая же картина наблюдается вдоль улицы Лени Голикова. Засилья панельных пятиэтажек не наблюдается лишь на нескольких участках в Дачном: между проспектами Дачным и Народного Ополчения, улицей Танкиста Хрустицкого и бульваром Новаторов. Здесь преобладают кирпичные пяти-

этажные дома с компактной планировкой квартир. Квартал между проспектами Ленинским, Дачным, Ветеранов и улицей Зины Портновой застроен панельными домами 1970–80-х годов и «фасадными» кирпичными домами.

Устав от суеты возле метро, от ларьков и исходящих от них навязчивых запахов нерусской кухни, от шума и гама, кое-как добрались до машины. Доехав до Нарвских ворот, подкрепились в кафе. Оставив машину на площади Стачек, пешком прошли на улицу Метростроевцев.

В XVIII в. район площади Стачек являлся границей города. Здесь находилась Нарвская застава, откуда начиналось Петергофское шоссе в сторону Нарвы и Ревеля (г. Таллинн), а сейчас проходит современный проспект Стачек. Именно здесь 11 июня 1813 года петербуржцы встречали гроб с телом М. И. Кутузова. В центре площади установлены триумфальные Нарвские ворота, спроектированные В. П. Стасовым. Перед ними, примерно по направлению современного подземного перехода, ранее протекала речка Таракановка. Через нее был перекинут мост, оформленный в едином стиле с воротами. Речку закопали в 1929 году, тогда же был разобран и мост.

Мы вышли на улицу Тракторную, и я понял, что Кирилл Юрьевич не бывал здесь ни разу. Окружение удивляло его. Названа улица так в 1926 году в память о выпуске первых советских тракторов на заводе «Красный Путиловец». Квартал на Тракторной улице состоит из шестнадцати трех- и че-

тырехэтажных домов, соединенных между собой полуарками. Простые по форме здания украшены балконами, подоконными тягами, козырьками над входами. Дома расположены вдоль улицы так, чтобы не образовывались дворы-колодцы, обычные для многих кварталов старого Петербурга. Пространства между зданиями превращены в скверы. Дома выкрашены в оригинальные яркие цвета. Во дворах – посыпанные песком дорожки и даже работающий фонтанчик.

То ли настроение было хорошее, то ли благим было дело, ради которого мы совершили это утомительное путешествие, ноя и Кирилл Юрьевич вдруг одновременно заметили, как высоко небо с перистыми облаками, как заботливо его свет наполняет уютные дворы на Тракторной улице.

Когда, возвращаясь к машине, мы подходили к улице Метростроевцев, я почувствовал, что именно это место Лаврову пришлось по душе. Правда, мотивы у него были не столь романтичными. На его взгляд, близость места к театру – самое главное. Я не спорил с ним, не убеждал, не доказывал. Он был прав.

«Что нам стоит, дом построить. Нарисуем – будем жить!» – эту фразу из известной песенки, ставшую поговоркой, помнят все. Но если бы ее автор знал, сколько копий сломано вокруг «нарисуем», переделал бы эту строчку. «Нарисовать» дом чрезвычайно трудно. Индивидуальный проект подразумевает большую творческую работу. Самое трудное для заказчика – передать архитектору свое видение бу-

дущего жилища. Очень часто представление об этом у самого заказчика оказывается весьма приблизительным. Приходится архитектору угадывать, вносить коррективы, додумывать... Дело небыстрое. Те, кого больше интересует не процесс, а быстрый результат, чаще всего пользуются типовыми проектами. Скоро, гладко, дёшево.

Многие заказчики боятся слова «типовой». Этот страх идет из прошлого века, когда огромные жилмассивы строились всего по нескольким проектам. Сразу вспоминается кинофильм «Ирония судьбы, или с легким паром». Но времена изменились, и сейчас можно найти всё, что угодно, – на любой вкус и кошелёк.

Первый плюс типовых проектов домов – простота и легкость выбора. Второй – дешевизна. Основной вопрос заказчика, желающего построить дом, звучит почти философски: «Что первично – проект или участок?» В России принято начинать строительство с участка. Типовых проектов нужной площади и планировки наверняка окажется достаточно много. Именно из них предстоит выбирать дом по внешнему виду и скомпоновать его с участком, или, наоборот, подыскивать участок под проект дома.

Цветовая гамма стен, крыши и прочее – не главное. Современные отделочные материалы позволяют легко всё поменять. Металлочерепица вовсе не обязана быть только красной, а отделочный камень – коричневым. Главное – пропорции дома и расположение его основных элементов. Если

эти показатели вас устраивают, то необходимо ещё «приложить» дом к участку. Как дом будет смотреться? Удобны ли подходы и подъезды? В какую сторону света смотрят окна? Как выглядит дом в застройке улицы? Возможно ли соблюсти все требования на конкретном участке?

Нам с Кириллом Юрьевичем было проще, мы сразу же решили, что дом будет типовым и панельным. Главные преимущества панельного домостроения – максимально короткие сроки и стоимость. По этим показателям панельное жильё, видимо, ещё очень долго будет оставаться вне конкуренции, даже при сильно отставшей в развитии производственной базе. Монтаж блок-секции панельного дома при хорошо отлаженном потоке занимает 3–4 дня, а сдача «под ключ» всего здания возможна за каких-то полгода. Поскольку основное производство остается в цехах, издержки от плохой погоды минимальны, и в экстремальных условиях на стройплощадке работает сравнительно немного людей, обеспечивающих монтаж коробки. Привлекательный современный монолит по-прежнему остается более трудоемким, чем панельное домостроение, он более требовательный по времени изготовления и стоимости.

Принципиально новый панельный дом обладает хорошим набором потребительских свойств. Он экологичен и пожаробезопасен. Его срок жизни примерно совпадает с человеческим веком, и, однажды решив жилищный вопрос, к нему в принципе можно уже не возвращаться. Более того, совре-

менные технологии позволяют легко заgrimировать внешний вид здания под кирпич.

Тип дома с Лавровым выбирали вместе. На рынке панельного домостроения в Петербурге работают несколько комбинатов. Основные – ДСК-3, Гатчинский ДСК, Гатчинский ССК, ДСК «Блок». Мы побывали в трех из них.

ДСК-3 ведет строительство домов по типовой серии, которая сменила на конвейере широко известные дома-«корабли». Между тем, это дома принципиально иной конструкции, с «кораблями» их роднят только газобетонные наружные стены.

Гатчинский ДСК – существует уже 45 лет. Свою деятельность начал со строительства жилья в Ленинградской области. В первой половине 90-х годов предприятие стало активно осваивать строительный рынок Петербурга. Производит жилье, зарекомендовавшее себя как демократичное и качественное.

Гатчинскому ССК – тоже немало лет, изначально он специализировался на строительстве зданий промышленного, сельскохозяйственного и социально-бытового назначения в Ленинградской области. В начале 90-х годов, как и Гатчинский ДСК, вышел на петербургский строительный рынок с жилыми домами. Эти дома от других отличают просторные квартиры с большими площадями комнат и кухонь, а также высота потолков в три метра.

Выбирали дом тщательно, вдумчиво, долго. Ездили с Лав-

ровым по строительным площадкам, ходили по этажам новостроек. Я всегда поражался его чувству долга. Человеку восьмой десяток, но он леток на подъем, с большим интересом относится ко всему, вникает в мелочи, расспрашивает, узнает, сомневается, советуется. Казалось бы, мог отмахнуться: выбирайте, мол, сами, вы специалисты, я со всем соглашусь. Конечно, как профессионалу он мне доверял, но считал необходимым лично участвовать в столь важном деле.

Выбор дома занял не один день, а наши беседы во время этих поездок могли бы составить отдельную книгу. Как-то в шутку Кирилл Юрьевич сказал: «Мне сейчас легче сыграть роль строителя, я ведь столько узнал секретов этой профессии. Но я понимаю, что это только первые шаги...»

Выбрали серию Гатчинского ССК. Очень уж понравилась она Кириллу Юрьевичу. Директор комбината, мой давний приятель Юрий Бойко даже отвез нас на завод и показал производственную линию. Достаточно быстро был сделан проект. Ну, а дальше начались согласования. Я уже рассказывал, как мы проходили через эту процедуру при строительстве студийного корпуса. Но то было несравнимо с новыми нашими страданиями!

Количество согласований, необходимых для строительства жилой недвижимости, в настоящее время составляет примерно двести двадцать позиций. На нашей площадке стояли руины школы. Службы МЧС потребовали провести ис-

следования на наличие снарядов и бомб, службы Ленэнерго – запроектировать новую трансформаторную подстанцию и подвести к ней кабель. Теплосети велели реконструировать аж во всем квартале. Городские службы, стоящие на страже интересов народа, спокойно взирают на то, как монополисты (в основном это частные компании) решают за счет инвесторов свои проблемы.

Если учесть, что по объему производимой продукции и занятых людских ресурсов на строительную отрасль приходится примерно десятая часть экономики страны, то можно представить, как растет мощь организаций, имеющих право распоряжаться ресурсами, которые когда-то принадлежали всему народу.

В свои походы по этим организациям я старался Кирилл Юрьевича не брать. Помнил неприятный случай из прошлого, когда «пробивали» документацию по студийному корпусу театра. Нужно было получить согласование в Комитете по градостроительству и архитектуре – он совсем рядом с театром. Записались на прием к начальнику управления, как требовалось – за неделю. Чтобы решить вопрос сразу, пригласил Кирилл Юрьевича – как «тяжелую артиллерию».

Мы вошли в третий подъезд на улице Зодчего Росси. Узкий коридор переполнен людьми, не протолкнуться. Духота невыносимая. Кое-как добрались до приемной, представились. Секретарша, совсем юная особа, не поднимая головы, сухо буркнула:

– Ждите.

– Но мы же по записи, – возразил я.

– Без записи не принимаем, – тем же тоном ответила она.

Подождали. В кабинет входили какие-то другие люди, которым эта девчонка услужливо открывала дверь. Сесть было некуда: стулья у стены завалены папками с бумагами.

Через полчаса нашего мучительного «стояния» я подошел к стражу-секретарше и тихо сообщил, кто пришел вместе со мной. Никогда не забуду ее перекошенного лица. Она закричала, что я мешаю ей работать, что она выгонит меня из приемной. Это было унижительно и обидно и никак не согласовывалось с культурологическими смыслами деятельности организации, куда мы пришли уважительными просителями! Спасло то, что в приемную заглянул в этот момент один из руководителей комитета и, узнав Лаврова, быстро организовал встречу.

В кабинете находился человек, поведением очень похожий на свою секретаршу. Он был чрезвычайно недоволен тем, что ему помешали заниматься какими-то «неотложными» делами. Сколько самообладания было у Лаврова! Он не «качал» своих прав, которых было вполне достаточно для того, чтобы устроить показательный скандал. Только когда вышли из здания, сказал:

– Удивительная страна. Чиновники не работают на людей, которые их содержат.

Лаврова интересовало в новой для него задаче все. На-

пример, формирование стоимости новой квартиры – из чего она складывается. Я читал ему маленькие «лекции». Он искренне удивлялся, что город занимается такими поборами. «Поборы» – это отчисления на инфраструктуру, плата за аренду земельного участка, за присоединение к инженерным сетям, всевозможные платы за разрешительные документы, штрафы, экспертизы, теплофизический и радиационный контроль, составление экологических паспортов, сертификация электроустановок, пробы воды... Причем выполняют это все государственные предприятия, которых мы и содержим, как налогоплательщики.

«Поборы» составляют до сорока процентов от себестоимости объекта.

– Куда идут деньги, перечисленные на инфраструктуру? – задал он мне вопрос.

Знал бы я ответ! Мы спрашиваем об этом власть уже несколько лет, но никогда не получаем ответа. Видимо, это «государственная тайна».

Несколько лет назад я обратился с запросом на эту тему к тогдашнему вице-губернатору Виктору Локтионову. При личной встрече он мне ответил: «Хочешь работать в городе, не задавай глупых вопросов».

Строительный комплекс сегодня – это тоже достаточно раздробленное, не управляемое из одного центра множество самостоятельно хозяйствующих субъектов, обладающих своими специфическими особенностями и не связанных друг с

другом системными целями. В условиях недостаточно развитого строительного рынка, при отсутствии нормальной конкуренции происходит то, что происходит: кто еще вчера торговал валенками, сегодня строит жилые дома и финансовые пирамиды, «исчезая за горизонтом» при первых сигналах ответственности. Сколько обманутых дольщиков, искалеченных душ, убитых горем людей, трагедий и даже смертей.

Пришло время, когда мы решили все подготовительные вопросы: разработали документацию, согласовали ее, выполнили все экспертизы, получили разрешения, разобрали руины. С Кириллом Юрьевичем наметили время, пригласили гостей. Все собрались на строительной площадке. Стоял солнечный августовский день, украшенный высокими перистыми облаками и пронзительно чистым, по-настоящему голубым небом. Никогда бы не поверил, что несколько часов назад, ночью, свирепствовала гроза и ветром вырывало с корнями старые тополя. На соседней улице покалечило немало припаркованных машин.

В это краткое время года меня всё радует. И солнце в августе особое, пронзительно-нежное, дарящее себя в избытке – словно на зиму про запас. И звездные августовские ночи с их драматичными перепадами температур, первыми заморозками. Природа как будто по-матерински предупреждает о скорых невгодах и помогает делать запасы света, тепла и надежды. В общем, – творческое это время – август!

Сорок с лишним лет я в строительстве. Но, начиная но-

вый объект, будь это уже сотый или тысячный, всякий раз, как артист, выходящий на сцену, испытываю трепетное волнение: а получится ли в этот раз, удастся ли все задуманное?

Мы стояли с Лавровым рядом. После коротких речей он махнул рукой, огромный экскаватор вздрогнул, и первый ковш, до краев наполненный землей, стал поворачиваться к кузову машины.

В голове стучит одна мысль: только бы все вышло! В такие моменты все вокруг преобразается, привычные вещи начинают приобретать особый смысл. Как тут не стать суеверным человеком, наверное, в каждой профессии есть свои предубеждения и свои приметы. Первый день начинается с традиционных ритуалов, за годы многократно отработанных. Но все равно боишься что то упустить из виду. Возникает ощущение, что к тебе, и только к тебе прикованы взгляды десятков людей, их слух устремлен лишь к твоим словам. Но вот все речи и напутствия позади, колесо завертелось, ты в отличной форме, и все идет, как всегда, как и задумано. Это тоже очень важно, так как человек начинает чувствовать себя более уверенным, понимать, что именно ради таких моментов стоит жить и трудиться!

На следующий год, поздней осенью, мы сдавали дом в эксплуатацию. За время строительства Кирилл Юрьевич часто приезжал на стройку, и каждый его приезд становился праздником. Все хотели пожать руку великому артисту, поговорить с ним, задать вопрос, пообщаться с «легендой»... Ко-

нечно, при его занятости и возрасте он мог не совершать утомительные поездки на стройку. Квартиры мы и так передали бы актерам! Или мог бы отправлять вместо себя директора театра, артистов. Но он приезжал сам.

Быть добрым хочет каждый, только не все почему то стремятся творить добро и жить на благо других. Кирилл Юрьевич относился к тем людям, само присутствие которых делало нас милосерднее, добрее. Доброта – это и безграничная любовь, и глубокое уважение, и светлые мысли, и благородные поступки, и, конечно, действия.

Однажды дав слово, что он будет на строительстве дома оказывать помощь всем, чем может, Лавров полностью сдержал его. Я был поражен его чувством долга и ответственностью. Порой так легко дать обещание и так трудно его выполнить! Всегда найдутся тому причины. Кирилл Юрьевич был обязательным человеком, он берег то доверие, которое оказывали ему окружающие.

Как же сейчас мне не хватает его! Будучи человеком скромным, доброжелательным, деликатным, он был способен встать на место другого, понять его трудности, отнестись к недостаткам и ошибкам великодушно и снисходительно.

Сколько проживу, буду хранить радостную о нем память.

Послесловие. Времени тонкая нить

Я пришел на открытие памятника Лавровым – Кириллу Юрьевичу и Валентине Александровне – и увидел символический массивный православный крест из мрамора. Говорят, сам Лавров хотел такой. Религиозность свою он никогда не показывал, но жил по-христиански. На церемонию собрались самые близкие – дочь, сын, внучка. Пришли представители театра. Друзья. Все, кто хотел, сказали добрые слова и стали расходиться. День был холодный, с затяжным питерским дождем. Я, стоя поодаль, смотрел на мокрый мрамор креста холодного оттенка ненастного питерского неба и вспоминал живую, солнечную, незабываемую улыбку Лаврова. Вспоминал наше с ним общее.

...Словно в другой жизни это было. У меня юбилей – 60 лет. Дата такая, что особо радостной ее не назовешь. С другой стороны, конечно, «мои года – мое богатство». Зрелость, говорят, это мудрость, а если здоров, да еще и внуки есть, то и радость. И вообще: отмечаем мы день своего явления в этот благодатный мир, а не груз лет, отягощающийся каждым таким днем. По этому поводу мне нравится высказывание Бенджамина Франклина из книги «История своей жизни»: «Если бы мне позволили выбирать, я бы не возражал против повторения всей своей жизни с самого начала, испросил при этом только одну льготу, какой пользуются пи-

сатели при повторном издании своей книги, – возможность исправить ошибки, допущенные в первом издании».

Не люблю шумных застолий, но здесь – юбилей. Дочери Анна и Наташа выбрали символичное, благородно красивое место – знаменитый своим великолепием Юсуповский дворец. Дворец отличается редкой, даже по меркам старого Петербурга, роскошью интерьеров, пышным архитектурным убранством помещений, известен одной из богатейших художественных коллекций. Его миниатюрный театральный зал называют «малой Мариинкой». Только здесь и должны, по мнению дочерей, проходить юбилейные торжества. Пригласили родных, коллег по работе, друзей. В том числе из Сибири. Все, как полагается, все на должном уровне. Оставалось пригласить Лаврова. Вроде бы, какая проблема? Мы давно знакомы, проверенные партнеры, друзья – он сам это постоянно подчеркивает. Но не оставляли тревожные сомнения: а вдруг? Все же – это Лавров. Что ему какие-то строители? Это по делу мы друзья. Вдруг вежливо сошлется на что-нибудь неотложное? Но он ответил на приглашение коротко и уверенно:

– Спасибо, буду обязательно.

И пришел в назначенный час без опоздания. И ушел не раньше, чем стали расходиться гости. И охотно общался со всеми, подписывал какие-то книжки, открытки, которые ему протягивали поклонники его таланта. И сказал со сцены трогательную речь, полную добрых в мой адрес слов и пожела-

ний, отметив при этом, что ему повезло в жизни подружиться со мной и этой дружбой он дорожит.

Говорил он просто, не оригинальничал. Но то, как искренне он все это говорил, как легко и естественно держался, – дорогого стоит. Потом, уже в застольных разговорах по поводу юбилейной даты, все старался шутить: «Мне бы твои шестьдесят...» Мы говорили на обычные в таких случаях темы: о том, что годы летят, но душа не стареет в любом возрасте. И этот печальный закон – самая, быть может, большая непонятность в жизни.

Не забуду и нашу с Лавровым пресс-конференцию, которая проходила в канун трехсотлетия города. Мероприятие такого рода со столь именитым участником у меня было впервые. Волновался, как никогда раньше. Поводом для большого разговора с журналистами послужили наши совместные с театром проекты: строительство студийного корпуса, сдача жилого дома для актеров, сорокалетний юбилей треста и дальнейшие планы. Суть дела я понимал просто. У нас была редкая возможность хорошей рекламы среди потенциальных покупателей и инвесторов, если толково организовать этот разговор. Главное – привлечь как можно больше журналистов и хорошо представить трестовские «ноухау». На Лаврова, как на премьеру, журналисты пойдут плотными рядами, это ясно. А дальше – все сложится само собой. Мы же – 47-й Трест! Нам есть что сказать! У нас будут строительные новости из первых рук, особые мнения по

проблемам производства, новаторский опыт возведения студийного корпуса БДТ, поставленного на шестнадцатиметровые сваи в кисельном грунте.

Лавров, для которого встречи с журналистами всегда были частью актерской и театральной работы, предупредил, что все не так просто. Самое трудное в общении с разного рода СМИ – это как раз такие собрания. Когда интервью один на один – проще. Быстро можно приноровиться к собеседнику, понять, насколько он информирован, о чем можно рассказать подробнее, чтобы ничего не перепутал, о чем можно короче, о чем вообще не говорить, как вывести на нужные тебе вопросы. Если вопросов много и все от разных людей – нужна быстрая реакция, желательна остроумная. И непременно точная. Долгие и заунывные ответы не приветствуются, пишущая братия их плохо слушает и не понимает. Вообще надо внимательно следить за реакцией журналистов и действовать по обстановке. Важна импровизация, игра. Что получится из этой игры – об этом расскажут, покажут и напишут журналисты. Надо быть готовым к неожиданностям. В том числе и неприятным. Это издержки многолюдных пресс-конференций.

Выслушав внимательно рекомендации Кирилла Юрьевича, я их забыл, как только мы оказались за столом перед довольно большой и шумной аудиторией журналистов основных городских печатных изданий, радио и телевидения.

Лавров многих знает, кому-то машет, кому-то кивает.

Начав конференцию сразу, без предисловий сообщает, что в новом здании, во дворе театра планируется размещение учебной студии, в которой начнет заниматься совместный актерско-режиссерский курс при театре. Студенты будут учиться в Театральной академии, а по окончании им будет выдаваться диплом государственного образца. И тут же вводит в разговор меня:

– За все сделанное я благодарю руководителя 47-го Треста Михаила Константиновича Зарубина. Это его идея – построить корпус. Это все он...

Я поднимаю руки, пытаюсь протестовать, но Лавров, улыбаясь, повторяет:

– Он, он... А я рад, что дожил до того события, когда в БДТ появилась своя творческая студия. В Театральном институте мы не всегда можем найти актеров, подходящих труппе БДТ. Руководители курсов забирают лучших студентов в свои театры, а нам выбора не остается. Теперь мы распорядимся сами. А курс в студии будет вести известный петербургский режиссер Григорий Дидятковский...

Потом Лавров, между делом, посетовал: накануне юбилея города, да и задолго до него, питерские власти совершенно не помогали товстоноговской сцене, ссылаясь на то, что театр находится в федеральном подчинении. А министерских денег долго ждать. Тогда и обратились к 47-му Тресту.

Зачин у Лаврова получился мощным. После чего я изготовился: сейчас мой черед, я окажусь в центре внимания, и

налетят журналисты с вопросами и на меня. Вопросы полетели, только не мне, а опять Лаврову, и совсем не по теме конференции:

– Кто ваш преемник?

Лавров, хитро улыбаясь, отвечал:

– Я уже десять лет думаю об этом. Сложно найти такого человека. Советом старейшин, в который входят актеры, долгие годы работающие в театре и имеющие право определять его судьбу (среди них – Алиса Фрейндлих, Олег Басилашвили, Андрей Толубеев), предложено создать структуру, в которой Григорий Дидятковский займет пост главного режиссера, я же сохраню место художественного руководителя театра. А потом, со временем, он, возможно, станет и во главе театра...

Надо сказать, что так все и произошло, только главным режиссером был назначен Темура Чхеидзе. Чему, кроме прочего, поспособствовала и публикация в одном серьезном издании отчета о нашей пресс-конференции.

Наконец-то досталось вопросов и мне. Спросили о сорокалети треста, которое мы отпраздновали в БДТ. Это был оправданный повод рассказать не только о празднике, но и о наших делах и перспективах. А тресту есть чем гордиться. Нас в городе знают. Поэтому в юбилейные торжества в театре был аншлаг. Среди гостей – председатель Госстроя страны, руководители города. Приветствия – от Госдумы, Совета Федерации. За свои сорок лет трест построил для страны и

города много того, о чем не грех напомнить. А уж театральная студия – это и вовсе инновационная стройка... Я увлекался все больше. Но тут, воспользовавшись паузой в моем эмоциональном повествовании, заговорил Лавров:

– Я теперь все больше бываю на стройках, открывая для себя много нового. Строители – великая профессия. Ну, а 47-й Трест и Михаил Константинович Зарубин – это, смею утверждать, судьбой и делом проверенные друзья...

Потом мы так попеременно и говорили, и наш дуэт, по моему, удостоился внимания придирчивой петербургской прессы. Уже после пресс-конференции Лавров подытожил: «Держался ты молодцом, но нельзя долго говорить на одну тему, даже о чем-то интересном. Внимание все равно ослабевает. Это психология...»

На следующее утро, купив газеты, я приготовился к чтению вариаций своего рассказа о необыкновенной театральной стройке, где нами были проявлены чудеса строительной изобретательности. И прочел: «Во дворе театра действительно появилось новое здание из серых плит газобетона с несомерно огромными арками на высоту двух этажей и тремя этажами над ними. Фуры, которые доставляют декорации, должны будут проезжать под этими арками к корпусу хранения декораций. Этим объясняется странное архитектурное решение здания, которое как бы нависает на столбах над и так небольшим двориком театра».

Большого внимания газетчиков удостоились театральные

истории, а не строительные, хотя и те, и другие были вполне дельными и поучительными. Что касается оценки «странного архитектурного решения», прав Лавров, сделавший замечания по моему выступлению. Можно сколько угодно возмущаться: вы неправильно меня поняли. Но поздно – как поняли, так и написали...

У Кирилла Юрьевича было место, где он больше всего любил находиться в свободные часы и дни, – благословенная Вырица. Он приглашал меня и туда. Мы гуляли в зеленом лесу вдоль Оредежа, рядом с его дачей, и Лавров рассказывал мне историю этого дивного пригорода, любви к которому он не изменял никогда, хотя получал приглашения жить в Комарово, Репино. Сегодня растянулся вдоль железнодорожного полотна и реки почти на пятнадцать километров старинный поселок, город спутник Царского села – знаменитое дачное место еще дореволюционного Санкт-Петербурга, где жили князя Витгенштейны, Васильчиковы и многие другие известные люди России, свершал свой молитвенный подвиг святой Серафим Вырицкий. Полноценных улиц здесь почти триста. «По одной из версий название места произошло от русского слова “вырь”, что означает пучина, омут, – теперь просвещал меня уже Лавров. – Первыми жителями были четыре семьи саратовских поселенцев, которые, не выдержав каторжной работы на стройках Санкт-Петербурга, бежали и нашли приют в лесах около быстрой и чистой реки. Вокруг были поляны, пригодные для пашни».

– Видишь тот дуб? – показал Лавров. – Тот, что растет у реки? По преданию, он посажен первыми жителями...

Мы остановились и молча смотрели на гладь воды, на древний дуб, ощущая невыразимую благодать.

– Знаешь, – вдруг сказал Лавров, – иногда так хочется лечь в траву и смотреть в небо. Устаю... Мой отец ушел из театра почти сразу же, как только ему исполнилось шестьдесят. Помню его слова: «Лучше уйти на минуту раньше, чем на секунду позже». Он считал, что пенсионерам на сцене не место. Я его понимаю. Но вот у меня так не получилось. Стариков ведь тоже кому-то играть надо...

Он обнял меня по своему обыкновению за плечи, и мы пошли вдоль реки...

Солнечной лентой она петляла в высоких древних своих лесистых берегах, укрепленных цепкими корнями вековых сосен. Много досталось и на их века невзгод, одних войн не счесть. Но охраняемы и ныне те берега святыми церквами, украшены современными злато купольными дворцами и белокаменными усадьбами, возродившимся из небытия. Подумалось, что из космоса эта сияющая река, наверное, кажется тонкой вьющейся паутинкой, такой, какой мне и представляется серебристая ниточка времени.

Да, именно река всегда олицетворяла и путь человеческой жизни, и течение времени. Но глядя на неиссякаемые, чистые, по-молодому стремительные воды Оредежа, которые видели и помнят многих известных и неизвестных людей

России, меня охватило не ощущение безысходной грусти по ушедшим временам, но чувство радостной веры в то, что имена и дела людей, любивших Россию и служивших ей, не исчезают в веках. Что время – вовсе не тонкая, рвущаяся нить, но непрерывный, житнетворный поток, если этому времени служат такие люди, как Кирилл Юрьевич Лавров.

Прогулки с Андреем Толубеевыми

Глава первая. Поклон театру

Больше всего на свете я люблю свою семью, работу и театр. Театр! О нем можно говорить бесконечно. С ним можно спорить. В нем можно жить, умирать, воскресать и жить вечно. Ему можно поклоняться и постоянно признаваться в любви.

Своей судьбой постигаю мудрые слова Шекспира: «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль». Действительно, каждый из нас на протяжении жизни «не одну играет роль», если под ролью понимается не притворство, не заведомый обман, но перемена ролей является способом осознания себя и окружающих, методом исследования трудных, основополагающих вопросов человеческого бытия, постижением замысла Творца о тебе, выявлением твоего личного предназначения на земле.

Жизненные роли отличаются от театральных тем, что их нельзя подправить и переиграть заново. Только набело! Только от всего сердца! Только полной отдачей любви и умения можно с ними справиться и получить аплодисменты, как получают их на сцене и в час последнего прощания великие

артисты, которые и свои роли играют так, как живут, то есть «без права на ошибку».

Выхожу после окончания спектакля на Фонтанку. Уже темно. Опираюсь на ограду реки. Долго смотрю на темную воду, забавляющуюся качанием на волнах зыбких отражений сопровождающих ее путь фонарей. Молчаливое общение с рекой – мой ритуал. После спектакля хочется как можно дольше сохранить в душе возникшие переживания, поразмышлять над неожиданными ситуациями и поставленными в спектакле вопросами, поделиться с кем-то понимающим своими впечатлениями. Кажется, река меня понимает, а главное, соглашается. Удивляюсь, как же много уму и сердцу дает мой самый любимый в Петербурге – Ленинграде театр – Большой драматический им. Георгия Александровича Товстоногова! Именно этому театру я признаюсь в любви. Именно ему кланяюсь до земли.

Как зарождается странное, порой мучительное, порой легкое, восторженное состояние, именуемое «любовью к театру»? Вероятно, у всех это происходит по-разному, в зависимости от возраста, воспитания, уровня культуры, места жительства и т. д. Но есть и общее – однажды возникнув, это состояние не покидает человека уже никогда. Очень точно это чувство описал Михаил Афанасьевич Булгаков в своем «Театральном романе».

У меня свой роман с театром, который бы я назвал «Театральный роман строителя», и начался он давным-давно. На-

стоящий профессиональный театр впервые я увидел пятнадцатилетним мальчишкой, когда приехал из сибирской деревни в большой город Иркутск. Нечего и говорить, что при первом знакомстве Иркутск показался мне поистине сказочным, соответствующим своему второму имени – «жемчужина Восточной Сибири».

В старой части Иркутска – уникальные архитектурные ансамбли Драматического театра и Театра музыкальной комедии, нарядное в своем сложном мавританском стиле здание краеведческого музея, скромный домик декабриста Трубечкого и, главное – владычица этой земли Ангара, непохожая ни на одну реку мира.

Первым спектаклем, который я посмотрел в Иркутском драматическом театре, стал гоголевский «Ревизор». Я не смогу в точности описать, что со мной происходило во время действия, однако помню, что мои соседи – пожилая семейная пара – нетерпеливо и неодобрительно поглядывали в мою сторону. Видимо, я слишком бурно выражал свои эмоции – смеялся в общественном месте громче дозволенного, аплодировал эмоциональнее и дольше всех, пока окончательно не закрылся занавес и не опустел зал... В общежитие я возвращался поздно, уже прохладной, немного остудившей мой театральный пыл осенней ночью. Мое тогдашнее состояние можно определить как восторженно-бредовое. Необъяснимый подъем владел мною. По дороге я корчил рожи, воображая себя главным героем, жестикулировал, по-

вторял запомнившиеся из пьесы фразы... Хорошо, что улицы в тот поздний час были уже пустыми, и некому было осуждать мое в высшей степени странное поведение. Но мне казалось, что я еще в театре, я остался в нем вместе с героями, которые приняли меня радостно и дружелюбно. Ни о каких «четвертых стенах» я тогда не знал и не размышлял. Я жил театром. Чья в том заслуга? Театра или моей восприимчивой, ожидающей чуда души? Не знаю.

Театр стал моей жизнью, я это почувствовал сразу. И позже, когда я уже работал по строительной специальности, посещение театра для меня было праздником. А бывая в командировках в других городах, никогда не отказывал себе в радости посетить местные драмтеатры, будучи убежден: театр – лицо города, показатель его духовного климата. С опытом «старого театрала» могу сказать – в любом, даже маленьком, провинциальном театре всегда найдется что-то для души.

Но театр для меня был интересен не только постановками, но историей возникновения и развития, о чем я упорно пытался узнать из доступных мне книг. Много, помнится, я читал о своем Иркутском драматическом театре. Попробую что-нибудь вспомнить и сейчас.

Появился он в 1850 году, когда генерал-губернатор Николай Муравьев-Амурский, известный любитель театра и меценат, уговорил труппу странствующих актеров остаться в городе и поработать несколько сезонов. Первые спектакли

артисты давали в Благородном собрании, а через год завершилось строительство здания театра, которое торжественно открылось постановкой пьесы Н. Полевого «Русский человек добро помнит».

Разумеется, первое здание было деревянным и просуществовало недолго – история типичная – оно сгорело. Такая же участь постигла и несколько последующих театральных зданий, но в феврале 1893 года в Петербургском обществе архитекторов был объявлен конкурс проектов нового драматического театра в Иркутске. Из тридцати четырех представленных работ лучшим был признан проект профессора архитектуры В. Шретера.

Современники считали Иркутский театр лучшей постройкой этого типа в России, настоящей архитектурной жемчужиной. Здание отличалось не только богатым убранством зала, но и совершеннейшей акустикой. В 1995 году театру был присвоен статус Памятника исторического и культурного наследия федерального значения.

На гастроли в Иркутск приезжали известнейшие мастера русского театра: Варламов, Долматов, Орленев, Бравич. Не раз побывал в городе передвижной театр Гайдебурова, здесь играла труппа Малого театра, подолгу гастролеровали актеры театра Корша.

Нет, я не был театральным «фанатом», не караулил артистов у служебного входа, не кланчил автографов, но каждое посещение театра для меня, а позднее для всей моей семьи,

было праздником, открытием.

В Санкт-Петербург – Ленинград я попал уже взрослым, сложившимся человеком. Театральной жизни города я тогда не знал совсем, некоторые ленинградские труппы видел в Сибири на гастролях и судил о них по одному-двум спектаклям. Этого оказалось достаточно, чтобы сразу и навсегда влюбиться в Большой драматический театр, возглавляемый Георгием Александровичем Товстоноговым. Теперь театр носит имя прославленного режиссера...

Мне кажется, что Большой драматический театр похож на отдельное государство с очень маленькой территорией, но громадным культурным влиянием. Население этой театральной страны невелико. Прирастает оно медленно – каждого вновь пришедшего проверяют раз, потом еще раз, а потом берут... на испытание! Ни о каком «радетельном» приросте не может быть и речи: у меня, дескать, и сын подросток, а я, дескать, замуж вышла, а у меня подруга жизни завелась, так давайте и их в нашу общую страну. Речи об этом быть не может. Убыль населения происходит только естественным путем.

Границы государства – стены театра, главная из них фасадная стена – знаменитая, определяющая на протяжении века узнаваемый внешний вид этого театрального храма. Фасад, богато декорированный лепниной в стиле поздней эклектики, имел за время существования театра разные оттенки, но в середине XX века, во время наивысшего расцвета

сцены БДТ, утвердилась особенная бело – зеленая гамма, позволяющая узнавать легендарное здание на любых изображениях. Фасад – тоже четвертая стена театра в его зримой форме. Отгораживающая таинственный театральный мир от мира обыденного, она выполняет не только архитектурно-конструктивную функцию, но несет особый смысл. Прекрасный фасад театра символизирует суть театрального искусства – воспитывать в людских душах прекрасные чувства. За таким фасадом не могут идти спектакли, унижающие человеческий образ, модные сегодня во многих коммерческих театрах.

Знамя БДТ – Георгий Александрович Товстоногов (1915–1989). Деяния его увековечены его именем. Один из лучших театров России – бывший Суворинский театр, бывший театр им. Горького – носит имя прославленного режиссера.

Сегодня, во времена тотального слома традиционных духовно-нравственных парадигм, откровенного уничтожения театра в его историческом определении, БДТ – именно в силу своей славной истории и классического наследия, находится в непростом положении, в эпицентре поиска, отыскания новых направлений при соблюдении присущей ему от рождения системы ценностей. Театрам-легендам сложнее других выживать в современной культурной ситуации.

Большое значение для судьбы театра имело привлечение на должность председателя Директории БДТ Александра Блока. Меня удивило это назначение поэта, но когда после

театроведческих изысканий я выяснил, что Александр Александрович был по существу художественным руководителем БДТ, меня это заставило задуматься о целостности полотна культуры, о соседстве и взаимообогащении жанров. Со школьной скамьи Блок в моем сознании – пролетарский поэт. Его «Двенадцать», «Скифов» мы заучивали наизусть. В юности завораживали стихи о Прекрасной даме. Об остальных его увлечениях и работе я знал очень мало. Все затмевала его поэзия. Во время празднования 90-летия БДТ на № 2 э. малой сцене театра я впервые увидел пьесу Блока «Роза и крест» в постановке художественного руководителя государственного Пушкинского центра Владимира Рецептера, когда-то служившего в Большом Драматическом театре. Я был потрясен, заморожен, увлечен этой историей любви и одиночества. За сказочным сюжетом скрывался глубокий драматизм, где сон и явь нераздельны, где наслаждение, радость жизни переплелись со страданием, выпавшим на долю героя. Здесь сошлось все: гнет безнравственности и нравственная свобода, добро и зло, богатство и бедность. Блок открылся для меня новыми гранями. Выдающийся поэт, оказывается, был и выдающимся драматургом.

Я знаю театр БДТ и хожу на его спектакли уже тридцать лет. Для меня он всегда интересен. Но на протяжении XX века театр не миновали и переломы, связанные с репертуарными и идеологическими поисками. Творческий кризис БДТ, обозначившийся еще в середине 1930-х, в послевоен-

ные годы усугубился. Театр, который носил имя Максима Горького, переживал тяжелый период. С 1949 по 1956 год здесь сменилось четыре главных режиссера. В сезон 1953–1954 годов в БДТ вообще не было главного режиссера, театр управлялся режиссерской коллегией. В условиях, когда едва ли не каждый год у руля БДТ вставал новый человек, ни о каком плане развития театра, сложившейся репертуарной линии речь не шла. «Режиссерская чехарда» негативно сказалась на управляемости театром, актерская труппа легко «съедала» неугодных режиссеров. При том, что в БДТ в тот момент было немало талантливых актеров, штат был непомерно раздут. Все это привело к потере театром творческого авторитета, так что БДТ в середине 1950-х оказался в числе аутсайдеров ленинградской театральной жизни. У театра не было «своего» зрителя, спектакли шли при полупустых залах, новые постановки негативно воспринимались театральной критикой, и финансовое положение было весьма плачевным.

Кто сейчас верит в чудеса? Я! Будучи взрослым человеком, я знаю точно, чудеса бывают. Чудо произошло – когда не иначе, как промыслительно, какой-то деятель от культуры повелел назначить в БДТ нового художественного руководителя с фамилией Товстоногов.

Товстоногов, который за шесть лет на посту главного режиссера Ленинградского театра им. Ленинского Комсомола заставил говорить взыскательную ленинградскую театраль-

ную общественность о себе как о чрезвычайно талантливом и успешном режиссере, не сразу принял предложение возглавить БДТ. Однако для спасения «первого пролетарского театра», по настоянию курирующих театры властных и партийных органов Ленинграда, 13 февраля 1956 года Товстоногов все же становится главным режиссером БДТ. Таково начало. Оно бывает в каждом деле. Даже в превращении театра в легенду.

Было очевидно, что для возвращения Большому Драматическому театру им. Горького прежней славы требуются быстрые, решительные и жесткие меры. Товстоногову были предоставлены широкие полномочия. Для проведения административной реорганизации директором театра был назначен Георгий Михайлович Коркин. «Он был жесток, он был беспощаден. Он мог все реорганизовать, уволить всех, кого надо», – говорили о нем. Со временем, общаясь с заместителем директора театра Вениамином Наумовичем Капланом, я убедился, что непререкаемость Георгия Коркина слишком преувеличена. В те времена уволить кого-либо вообще было трудно: партком, профком, худсовет – все это Советская власть, зорко следившая за штатом театра. Разбухшую труппу уменьшали с помощью Министерства культуры, а по личностям – решал худсовет. Директор был исполнителем, но память человеческая оставила за ним, как действующим лицом, участие в тех событиях. Из Ленинградского Ленкома Товстоногов пригласил в БДТ заведующую литературной ча-

стью театра Дину Морисовну Шварц. На своей первой встрече с труппой, коснувшись темы «съедания» труппой художественных руководителей театра, Товстоногов заявил: «Должен сразу предупредить: я несъедобен».

В истории театра началась новая эпоха. В течение 33 лет, до самой своей смерти, Товстоногов возглавлял БДТ, подобно зодчему, терпеливо и настойчиво возводил творческое здание театра, учитывая возможности труппы в целом и каждого актера в частности, внешние обстоятельства и собственные режиссерские интересы и пристрастия. У него была своя театральная идея и огромная сила созидания. Он создал театр, который, на протяжении трех десятилетий, неизменно оставался одним из лидеров отечественного, убежден, и мирового театрального процесса. Внутри театра Товстоногов являлся непререкаемым творческим авторитетом. В театре ничто не происходило без его соизволения. Это был хозяин. Все, что делалось в коллективе, было осуществлением его знаменитой формулы: «Театр – это добровольная диктатура». Он был диктатором, лидером, воле которого подчинялись безоговорочно. Но основывалось это подчинение не на должностном уставном самоуправстве, а на таланте и непререкаемости творческого авторитета. Он был энциклопедически образованным, душевно мудрым человеком. И о театре заговорил весь город.

И публика стала осаждать билетные кассы. Вспоминают, что за билетами на премьеру люди занимали очередь глу-

бокой ночью. Эпоху Товстоногова современники окрестили «золотой», а сам театр того периода стали называть «эстетический оазис для ленинградской интеллигенции». Многие говорили, что Товстоногов не руководил театром – он им жил. Он утверждал, что театр – это искусство правды, а его основная цель – достучаться до совести зрителя. Его боялись и очень любили, под его началом в БДТ был собран один из лучших драматических коллективов страны (если не мира).

Все это я узнал потом, когда мне посчастливилось попасть за кулисы театра, где ежедневно готовится праздник театрального представления. Именно праздник.

По своей натуре я консерватор. Спектакли мне нравятся классические. Очень трудно воспринимаю пьесы современных авторов, большой противник антрепризного театра. Когда-то на эту тему мы разговорились с Кириллом Лавровым (1925–2007). Был удивлен близостью наших позиций. Вспоминаются его слова:

– Перед русским театром стоит очень серьезная задача сохранить репертуарный стиль. Недавно в который раз посмотрел по телевизору телефильм «Адьютант его превосходительства», потому что там играют мои любимые актеры и добрые друзья – Владислав Стржельчик, Юрий Соломин. Но, кроме того, обратил внимание, как тщательно сделана эта картина! Много лет назад сделана, но как это хорошо!

Тайны русского театрального искусства – это спектакли БДТ. При этом в современном БДТ продолжают идти мно-

гие спектакли Товстоногова, которые не просто сохранены, а живут современной жизнью. Какое это великое счастье! Смотря их, я всегда ощущаю, как режиссер любит актера и уважает автора. Все это передается зрителю, и достигается неповторимый эффект, называемый театральной тайной.

И вот еще что я вынес из «закулисья». С чем-то согласился, а где-то остался при своем мнении.

Некоторые либеральные критики твердят: БДТ – театр старомодный. Сегодня, к сожалению, принято (или кому-то выгодно) таким бездоказательным образом «приговаривать» классические театры, сталкивать их на задворки истории, чтобы на их фоне современные коммерчески выгодные подделки выдавать за бесспорные оригиналы, чтобы ввести в заблуждение неискушенного нынешнего зрителя. Но мода – не то слово, которым разумно оперировать в культурном обиходе и оценивать все в театральном искусстве. Мода культивирует в массах желание быть «как все». Сегодняшний БДТ – славный театр. Мне посчастливилось почти пятнадцать лет жить одной жизнью с ним. И день за днем я видел нелегкую театральную работу. Многие ее сложности открывались мне через актеров, а также через художественного руководителя Кирилла Юрьевича Лаврова.

Да, театр требует от человека особых, даже бойцовских качеств характера, в нем нет равенства. В труппе есть исполнители ролей королей и королев, есть артисты для исполнения маленьких, второстепенных ролей. И не всегда справед-

ливо это деление. Но у каждого артиста должно быть понятие необходимости и выдержки. Есть драмы в жизни, есть трагедии на сцене. Но труппа БДТ, как целостный, могучий организм, способна решать любую задачу. В ней есть здоровая творческая конкуренция, есть и то, что называют закулисными интригами, но все прекращается после третьего звонка – в святой миг начала спектакля...

Я верю, что пройдут годы, все мы и новые зрители, которые по своей малости сегодня еще даже не ходят и не говорят, будут произносить с нежностью и любовью эту ставшую нарицательной аббревиатуру – БДТ. Да, понимаю, что трудно в каждой работе выступить актеру, что называется, на пределе возможного. Но об этом пусть судят критики. Для меня все, что делается в Большом Драматическом Театре, – высококлассно и правильно.

Общение с театральными работниками не проходит бесследно. Прав был Кирилл Юрьевич Лавров: «Театр времени накладывает отпечаток на окружающих его». Я многое узнал, благодарю за это всех, с кем свела меня жизнь.

Театр подарил мне друзей... Они известные актеры, им верят, поклоняются, «на них» собирают полные залы. Они для меня значат больше, чем просто «хорошие друзья». Ну как сегодня представить БДТ без Геннадия Петровича Богачева? Он настоящий и на сцене, и в жизни. Смелый, веселый, щедрый человек. Юмор его искрометен, творчество незабываемо.

Валерий Дегтярь. Его игра заставляет задуматься о смысле бытия, заглянуть в мир собственной души. На сцене его не спутаешь с другим артистом: глубокий голос, запоминающееся своей открытостью лицо. Он лирик, романтик.

Изиля Захаровича Заблудовского (1927–2010) знают все театралы. Он пришел в театр, когда ему не было семнадцати, и служит здесь шестьдесят пять лет. Он не играл главных ролей, но на сцене незаменим. Он – живая история БДТ.

Сергей Лосев. Веселый, с добрым чувством юмора, он может потерять выдержку лишь в одном случае – если кто-нибудь станет покушаться на его роль лучшего шахматиста Большого драматического театра. На юбилеях 47-го Треста он желанный гость, много и с удовольствием на наших вечерах исполняет сатирические сценки – пародии на человеческие нравы.

Валерию Михайловичу Ивченко уже больше семидесяти лет. Я всегда испытываю к нему чувство ученика. При разговоре с ним я подтягиваюсь, внимательно слушаю, зная свой нетерпеливый характер, изо всех сил стараюсь не перебивать. Его хрипловатый, природно-модулированный голос заставляет собеседника проникнуться к артисту уважением и помолчать. Каждая роль Ивченко – интеллект, мастерство, умение анализировать и выразительно доносить суть персонажа до сознания зрителей – это характеристика Георгия Александровича Товстоногова, а она дорого стоит.

Такие же добрые слова посвящаю Василию Реутову, Нине

Усатовой, Людмиле Макаровой (1921–2014), Марии Лавровой, Леониду Неведомскому, Михаилу Морозову, Елене Поповой, Георгию Штилю...

Какая радость видеть их, какое счастье жить вместе с ними. Какая боль – вспоминать тех, кого уже нет.

* * *

Я люблю театр. Мне посчастливилось видеть зал, когда он остается после спектакля пустой и тихий, отдыхающий. Как актер, он снял яркие одежды и приходит в себя от только что пережитого волнения.

Тусклый свет освещает сцену, кулисы угадываются в полутьме. Тишина...

Я видел утро в театре. Утром он оживает. Суета, снующие, взволнованные предстоящей репетицией люди, бесконечные повторы фраз и движений, отдельные бессвязные слова, окрики режиссера... Хаос! Непосвященному человеку не понять, что это и есть та самая магия театра, что так рождается чудо. Чудо режиссера, актера, гримера, костюмера – всех, кто хоть как-то причастен этому празднику рождения спектакля.

Я люблю в театре его будничным, каждодневным напряженный труд. Сколько сил физических, а главное, душевных затрачено коллективом, чтобы просветлели сердца зрителей и засияли их души.

Я люблю театр за его умение облагораживать человека, возвышать его над обыденностью. Беспокоить. Учить думать и чувствовать.

Есть в году день, когда во всем театре разлита атмосфера особенного праздника. Нет, это не День театра. Это когда в один из первых дней первого месяца осени собирается вся труппа. Иногда этот день совпадает с началом театрального сезона, иногда – нет. Мне это напоминает первое сентября в школе. Лето пролетело. Многие не виделись друг с другом не только летние месяцы, но, случается, и большую часть прошлого сезона, это все-таки театр. Кто-то работал в антрепризе, снимался в кино или... увя, болел. Смех, разговоры. Я вновь среди своих. Кругом много знакомых лиц. Вижу, что есть молодые, стоят отдельно, скованы: как встретят их, что ждет? Закон жизни, поколение звезд стареет. У молодых свои идеи. Пройдет десяток лет, и появятся новые звезды среди них. Но какая будет у кого судьба, кто сможет достигнуть высокого звания – артист театра Товстоногова? Покажет время.

БДТ – театральный дом, и все живущие в нем – члены одной семьи, в которой есть свои традиции, например, никто не репетирует в обуви, в которой ходил по улице. Давно заведенный порядок. Сколько я ни пытался узнать, кто первый его установил, – не смог таких традиций в театре много. Мне рассказывал о них Темура Нодарович Чхеидзе – нынешний художественный руководитель. Он – признанный режиссер

еще со времен Советского Союза, народный артист России и Грузии, лауреат Ленинской премии. Получил ее за актерскую работу в фильме «Твой сын, земля». Живет на два дома. Летом уезжает в Тбилиси, где у него семья, дети и внуки. В Петербурге – работа. В БДТ он уже почти двадцать лет. В 1990 году он поставил «Коварство и любовь» Шиллера – спектакль, задуманный еще Товстоноговым и ставший первой премьерой БДТ после ухода великого режиссера.

Мы вдвоем в кабинете Чхеидзе. Здесь я много раз бывал, когда был жив Лавров. В обстановке ничего не изменилось: уютно, светло, скромно, по-домашнему тепло. Я всегда поражался этой скромности: ни приемной с секретаршей, ни роскошных кресел или диванов. Когда-то я хотел изменить это, начав строить административный корпус театра, где была запланирована огромная приемная, кабинет с окнами на Фонтанку. Но все планы были пожертвованы в пользу театральной студии. Мы говорим, конечно, о театре.

«– Нас очень поддерживают зрители, которые не теряют к нам интерес и по-прежнему ходят в БДТ», – говорил Темур Нодарович. – Мы активизировали нашу гастрольную деятельность по России. В репертуаре сделали акцент на классику, но ищем и современные пьесы – без них не обойтись. Сегодня мы больше внимания обращаем на Малую камерную сцену. Замены Большой сцене БДТ, к сожалению, в Санкт-Петербурге нет, и Малая сцена нас часто выручает.

Сегодня, когда я смотрю в зал, он на две трети запол-

нен молодыми людьми, им интересны наши спектакли. И это очень радует. Их интересуют общечеловеческие, а значит, и наши с Вами проблемы. Ведь проблемы «Дон Карлоса» – должен ли человек служить государству или развивать и отстаивать собственную свободную личность – относятся и к ним.

С Темуром Чхеидзе мы вспоминаем, как в этом же кабинете разговаривали с Лавровым, как был мудр Кирилл Юрьевич, честен и порядочен.

В окно ударил порыв ветра, распахнув створку рамы. На улице выпал первый снег, и снежинки залетели в кабинет. Показалось символичным, что снежные пушинки, ударяясь о невидимую преграду тепла, исчезали, оставляя после себя капельки воды. Вот так и наша жизнь. И жизнь театра. Сколько поколений уже прошло за почти век его существования, сколько вкусов и мод сменилось. А слава театра существует. Она существует до тех пор, пока остаются свидетельства о его великих актерах и спектаклях.

С Темуром Нодаровичем мы вспоминали прославленных артистов, с которыми, кажется, так недавно спорили, советовались. Евгений Лебедев, Владислав Стржельчик, Кирилл Лавров, Андрей Толубеев – они ушли. В моей памяти сохраняются улыбка Евгения Алексеевича и дружеские его слова на одной из встреч в театре после премьеры. Когда я прочел стихи, он вдруг воскликнул:

– Ничего, ничего, слушай, Михаил, если с работы выго-

нят, пока я в художественном совете, приходи, возьмем на работу.

И, прижав меня к себе, расцеловал.

С Владиславом Игнатьевичем мы почти месяц работали вместе – будучи делегатами последнего съезда Компартии Советского Союза. Я до сих пор храню его автограф в делегатской книжке.

С Кириллом Юрьевичем нас связывала двенадцатилетняя дружба. С Андреем Толубеевым мы были друзьями.

Глава вторая. Толубеев, сын Толубеева

Андрея Толубеева окружали люди, в основном, театральные. А я строитель. Но наша профессия такова, что всем до нас есть дело. И нам – до всех. Благодаря этой особенности мы с Андреем и познакомились. К тому же скоро выяснилось, что взгляды на близкие нам проблемы, в общем, одни, хотя и с разных сторон.

Когда художественным руководителем театра был Кирилл Лавров, 47-й Трест строил для БДТ студийный корпус, жилой дом, мы ремонтировали внутренние помещения театра. Конечно, я общался, в основном, с Кириллом Лавровым, как главным заказчиком стройки, но постепенно в кругу общения уже оказался весь театр, включая вспомогательные службы. На какое-то время мы стали, можно сказать, одним предприятием, где все друг друга знают. Поэтому, когда с Андреем Толубеевым оказались на заседании то ли Общественного совета города, то ли Актива, не помню, без лишних слов пожали друг другу руки и сразу перешли на «ты», как давние знакомые.

Я его, как все в театре, звал Андрей, Андрюша, он меня Константиныч.

Разница в возрасте у нас год с небольшим – он постарше. Церемонных обращений, подметил я, Андрей не любит, я

тоже. Это облегчало наше общение и укрепляло дружбу.

До знакомства я знал, что актер он высочайшего класса. Андрей был из тех редких артистов, способных сыграть любую роль, он мог оживить любой образ. Зал при его появлении замирал в ожидании сотворения актерского шедевра. И он не обманывал ожиданий – увлекал, будоражил, просветлял своей игрой. Ему покорялась любая зрительская аудитория. Мастерство, мощная природная актерская энергетика – были наследственными, достались ему от отца, великого театрального и киноактера, народного артиста СССР Юрия Владимировича Толубеева.

Мне посчастливилось видеть Толубеева-старшего в лучших его спектаклях: в «Сказках старого Арбата» Арбузова, в «Оптимистической трагедии» Вишневого, в роли Санчо Панса в «Дон Кихоте». Могли я тогда предположить, что через три десятка лет увижу на сцене его сына, и тоже в «Оптимистической трагедии», и тоже поставленной Товстоноговым, только в другой роли – Алексея. Андрей сыграл ее глубоко и пронзительно. Незабываемо!

Будучи среднего роста, на подмостках Андрей Толубеев кажется утонченным, высоким и гибким. Пластика – одна из особенностей его актерского почерка. Когда мы уже были хорошо знакомы, я спросил его об отце. Он, задумавшись, долго не произносил ни слова. Я уже пожалел, что спросил, однако, внимательно посмотрев на меня, чуть запинаясь, Андрей, наконец, ответил:

– Знаешь, я не люблю этот вопрос, порой его задают из любопытства, но тебе расскажу. Отец для меня – вершина. Хотя у него была другая семья, они развелись с мамой, когда мне было четыре года, я всегда был рядом с ним. Сколько себя помню – мы вместе. Никогда никого не предавший, не изменивший своим убеждениям, он практически каждый вечер выходил на сцену и, что бы ни играл, никогда не заигрывался, не прогибался под обстоятельства. Сейчас я могу сказать, что он играл как-то слишком просто, не театрально, слишком по-человечески. Самое главное, он не был актером одной краски, одного амплуа. Ему удавались и отрицательные герои, и положительные, и злодеи, и простаки.

Я поддержал воспоминания Андрея, добавив:

– Действительно, уникальный случай: за отрицательную роль Вожака в «Оптимистической трагедии» Юрий Владимирович был удостоен высочайшей в стране награды – Ленинской премии! При том, что он не состоял в партии. Таких случаев в советском театре я не припомню. Только выдающийся талант актера мог убедить руководство страны принять такое решение.

Андрей продолжал рассказ.

– Всю жизнь отец жил в Ленинграде, кроме того недолгого времени, когда трое друзей: Толубеев, Симонов, Меркурьев, великая ленинградская троица, один за другим покинули город на Неве. И уехали в Самару! Они жаждали эксперимента, жили поисками новизны, им хотелось все попопро-

вать, все испытать. Застрельщиком этой идеи был Николай Симонов, родившийся на самарской земле и здесь же впервые вышедший на сцену. Уехать в Самару оказалось делом не простым. Правда, вернуться обратно в Ленинград было еще труднее.

В отличие от Симонова и Меркурьева, отец не совмещал актерскую профессию с режиссурой. Всего лишь три года работали на сцене Самарского краевого драматического театра закадычные друзья. Но какие годы! Начало тридцатых! Они сразу взялись за новую, современную драматургию Прута, Погодина, не забывали и о классике – Островский, Горький, Чехов. На сцене Самарского театра Юрий Толубеев сыграл четыре роли. И если две из них были эпизодическими: машинист в «Князе Мстиславе Удалом», садовник Глеб в пьесе «Правда – хорошо, а счастье – лучше», то заглавная роль в спектакле «Егор Булычов и другие» по пьесе Горького стала настоящим событием в творческой жизни театра. Трудная роль много способствовала укреплению веры артиста в себя как профессионала. Для молодого актера это был триумф, отголоски которого докатились до Ленинграда. Отец всегда считал, что именно эта роль сделала его настоящим артистом, именно тогда он выработал свой творческий почерк, свой метод, обрел веру в свои силы.

С высоты своего возраста, вспоминая отца молодым, я понял, что если человек, тем более артист, не позволяет делать себе то, что хочет и лучше всего умеет, к чему призван, он

теряет творческую энергетику и, конечно, уверенность в себе.

Хорошо, если рядом есть умудренный жизнью помощник, который может подсказать, утешить, поделиться своим жизненным опытом. А что делать в ситуации, когда такого человека нет? Остается изнуряющий, нередко мучительный труд. Труд и тела, и души, и сердца, и мозга. Это, наверное, и есть талант. Быть талантливым – значит быть решительным, не пугаться собственного призвания, внутренней неутрахающей творческой стихии, которая может оказаться и не по силам...

– Андрей, ты что, сомневаешься в талантливости отца и его друзей?

– О чем ты, Константиныч? Не сомневаюсь! Но, к большому сожалению, на сегодня весь самарский период жизни моего отца – это лишь несколько архивных фотографий. Понимаю, что театр – это не кино, спектакль – это миг, ушедший луч света, сыгранная музыка. Ушли из жизни великие актеры, режиссеры, остались о них легенды. Ни воспоминаний, ни кинодокументов, ни критических статей. Да и сегодня, при наличии всевозможной техники, трудно найти способ, чтобы запечатлеть на веки работу выдающихся артистов.

Уверен, в Самаре трое друзей прошли путь становления, пережили период вхождения в актерскую профессию. Все трое были удивительно работоспособны. Талант – это целеустремленность и трудолюбие. Это подлинность, это правда и глубина. Талант созидателен, талантливый человек нико-

го не копирует, ничего не приукрашивает: он отражает мир, постигая его любовью. Как говорил Дюрер ученикам: «... остерегайтесь мысли создать что-либо более совершенное, чем произведение, созданное Богом». Прозрения приходят от глубоко заинтересованного личного отношения, от любви к тому, что видишь, например, к природе, к людям, к миру. А прозреть от любви – значит увидеть и воспроизвести реальную красоту, не искажая ее.

– Андрей, – направляю я рассказ, – а как сложилась театральная судьба твоего отца?

– Отец от природы был щедро одарен многими актерскими качествами. И он постоянно развивал их и приумножал. Сколько я помню – он был актером великого Академического театра драмы имени Пушкина. Верой и правдой он служил этой сцене с 1942 года. Конечно, столько лет работать в одном театре – подвиг. Но и уйти – подвиг не меньший. Отец ушел решительно и быстро. Его перестала устраивать партийно-советская образцово-показательная драматургия 60–70 годов. Играть в таких спектаклях не желал и даже сочинял злые и местами неприличные частушки – доставалось и главному режиссеру, и директору театра, и актерам. «Артисту мало одной только сцены», – любил повторять отец, и это была правда. Он стал больше сниматься в кино, много ездил по стране, заботился о своих коллегах-актерах, которые выбрали его председателем Ленинградского отделения Всероссийского Театрального Общества.

– Твой отец, Андрей, наверное, хотел, чтобы ты пошел по его стопам, ведь он многое мог тебе передать, многому научить? – спросил я друга в тот момент, когда он замолчал.

– Нет, не хотел. И сейчас я хорошо понимаю его. Почему? Во-первых, он не видел во мне актерского таланта. Во-вторых, хорошо знал, как горек хлеб артиста, какие на этом пути встречаются трудности и разочарования: зависть коллег, предательство, сплетни и клевета, самодурство режиссеров, безденежье, творческие неудачи... Да я и сам не собирался связывать свою жизнь с театром. В детстве и юности, как и многие мальчишки в нашей стране, я мечтал стать космонавтом. И это желание не было данью моде, оно было серьезным и обдуманым. Я поступил в клуб юных космонавтов, который базировался в Военно-медицинской академии, и провел там два года. Участвовал в разных медицинских и психологических экспериментах, изучал историю космонавтики, занимался спортом. После окончания в 1963 году школы вопроса «кем быть?» передо мной, естественно, не стояло. Я стану космонавтом!

Дорогу в космос мне преградила медкомиссия. С таким слабым зрением, как у меня, в космонавты не брали. Меня признали негодным к полетам и предложили поступить в Военно-медицинскую академию на факультет подготовки авиационных и космических врачей. Конечно, это было не то, о чем я мечтал, но все же очень близко. Отец был рад, что я поступил в военное училище, и когда я пришел в университет-

ский студенческий театр, не одобрил моего поступка. Честно говоря, он поверил в мои способности только спустя годы, услышав по радио спектакль «Суворов». Но – от судьбы не уйдешь. Я старательно овладевал наукой и одновременно играл в студенческом театре Ленинградского государственного университета. За шесть лет я сыграл роли в спектаклях «Страх и отчаяние в третьей империи» Брехта, «Осенняя скука» Некрасова, «Жорж Данден» Мольера, «Женитьба» Гоголя, «Конь в сенате» Андреева, «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» Островского.

После Военно-медицинской академии я покинул Ленинград – меня отправили на службу в одну из воинских частей, правда, через некоторое время я вернулся на кафедру космической медицины и окончил курсы психофизиологии. Заниматься наукой мне было интересно. И все же я пожертвовал и наукой, и карьерой врача ради актерского дела – мучительно-любимого и не отпускающего. Вероятно, сказались и гены, и обстоятельства, и призвание. В 1973 году мне удалось демобилизоваться из армии, и я тут же поступил в театральный институт на факультет драматического искусства (курс Игоря Горбачева). Еще студентом я начал сниматься в кино – сыграл главную роль в фильме Ильи Турина «Еще можно успеть...». Картина получилась слабенькая, но мне всегда нравилось ее название, оно как-то перекликалось с моей собственной судьбой... Георгий Александрович Товстоногов пригласил меня в труппу театра, когда мне уже ис-

полнилось тридцать лет, и с тех пор я не представляю своей жизни без Большого Драматического Театра.

Андрей Толубеев рассказывал о своей жизни спокойно, без лишних эмоций, с юмором. Он был звездой, но никаких выраженных признаков «звездности» у него не было. Он был человеком деликатным, рассудительным, смешливым – все это особенности типичного питерского интеллигента. Именно такими актерами интеллектуалами и была населена товстоноговская «империя»

... Меня потрясла его роль в спектакле по пьесе Радзинского «Театр времен Нерона и Сенеки». Премьера состоялась давно, в 1986 году. Но помню отчетливо: в красноватых отблесках огня сидит император Нерон – величественный, спокойный, словно он не в Риме начала новой эры, где царят междоусобицы, кровавая борьба за власть, а в безмятежной древней Элладе с ее гармонией и умиротворенностью. Но вскоре зритель понимает, что это спокойствие – иллюзия, игра, актерство. Империя Нерона – один сплошной театр, жизнь в ней – обман, люди, ее населяющие, делятся только на две категории – на палачей и жертв... Эта роль стала не только выдающимся достижением в творческой жизни Андрея, она стала театральной легендой. Нерону – Толубееву удалось быть одновременно обаятельным и безмерно отгалицивающим, мужественным и жалким, умным и тщеславным, холодным убийцей и искренним страдальцем, все видящим и чувствующим. Ему удалось сыграть сложный, неоднознач-

ный образ, комедию фигляра на троне и трагедию незаурядного человека, которому с детства внушали, что любовь – продажна, а ложь – основополагающий закон бытия.

Блистательно он играл Бальзамина – по-новому, создал непривычный для зрителя образ жалкого человечка, но все-таки – человека! – который заслуживает и понимания, и сострадания... Его Бальзамина каждый день прихорашивается перед зеркалом, пощипывает брови, гримасничает, дурачится, но его глаза излучают отчаяние. То он раздраженно кричит: «Сколько раз я просил, покажите, как правильно в любви объясниться» То тоскует по жизни, которой не знает, потому что ее нет ни в соседней усадьбе, ни во всей округе, ни во всей уездной России...

Спектакль «Маскарад» в постановке Темура Чхеидзе Андрей считал подарком судьбы. Лермонтовский Арбенин – труднейшая из ролей в репертуаре русского драматического театра, она требует огромных физических сил и глубоких душевных переживаний. Толубеев играл сильно, темпераментно, без пафоса и нарочитости. Он словно бы и не стихи читал, а прозу говорил, произносил фразы так, как будто это свободная речь, однако великая поэзия от этого не теряла силы. Тонко, аристократично он сыграл финальную сцену сумасшествия своего героя – ходил со свечой вокруг гроба Нины, тяжело и нелепо переставляя ноги. Это была уже не гордая и властная личность, а только жалкая оболочка ее – вот она, расплата за обманчивые человеческие страсти!

А каким был его Вурм в «Коварстве и Любви»! Он сыграл его так, что на второй план отошел главный персонаж – юный Фердинанд, казавшийся зрителям просто мальчишкой, оболыщенным своими фантазиями. В трактовке Толубеева Вурм перестал считаться односложным персонажем, он приобрел глубину и убедительность живого человека. Такое перевоплощение под силу только подлинным мастерам сцены – великим актерам. Я не говорил Андрею при жизни таких слов, опасаясь, что меня могут неправильно понять, – а теперь жалею. Надо было.

После «Салемских колдуний» театральные критики называли его ведущим актером Санкт-Петербурга, и это, безусловно, заслуга режиссера – Темура Чхеидзе. Одна из последних работ Толубеева – роль Сержа в спектакле «Арт» по пьесе Ясины Резы. Рассказывается трогательная и добрая история о том, как трое друзей договорились не предавать друг друга, какие бы испытания ни послала им судьба, о том, что нужно быть терпимее друг к другу, милосерднее. В спектакле Толубеев играл со своими коллегами Валерием Дегтярем и Геннадием Богачевым – со временем их профессиональные отношения переросли в дружеские, несмотря на то, что характеры у них несхожие. Толубеев – спокойный и уравновешенный, Богачев – взрывной и решительный, а Дегтярь – больше философ. Возможно, потому они и сдружились, что дополняли друг друга. В спектакле «Арт» три актера азартно спорят о сущности искусства, о его жанрах и

формах, и в этот их спор, явно переживая, включаются зрители, не отделенные от сцены, кажется, никакой преградой. Это была та постановка, к которой подходит определение знаменитого английского режиссера Питера Брука, так ответившего на вопрос «Что такое театр?»: «Это очень серьезное дело. И в тоже время удивительно легкое. Такое же легкое, как воздух, которым мы дышим». Андрей Толубеев так играл всегда – играл, если можно сказать, «на уровне воздуха», «на уровне дыхания», передающегося зрителю.

Андрей сыграл около семидесяти ролей в кино и на телевидении. Не все они однозначны, случались и откровенные неудачи. Не избегал актер и сериалов, но старался играть так, чтобы быть примером для своих более молодых коллег – без всяких скидок на сценарный материал – плохой или хороший. Среди его героев – полковник Воцанов в «Бандитском Петербурге» и шеф спецслужбы Иван Иванович в «Агенте национальной безопасности». И если «Агент национальной безопасности» – сериал весьма поверхностный, развлекательный, несколько ироничный, с обаятельными героями, то «Бандитский Петербург» – художественно-публицистический фильм с ярко выраженной гражданской позицией.

Нагрузка на Андрея была огромной. В последнее десятилетие своей жизни он тянул на себе весь репертуар БДТ – играл десятки спектаклей в месяц. Играл так, как и положено мастеру, – каждый спектакль как последний, не щадя сердца. Выросший за кулисами Александринки, Толубеев впи-

тал способность к артистическому и изысканно-умному рисунку своих ролей. За его героями следить было увлекательно и волнующе, он очаровывал зрителя интеллектом и страстью, подлинностью своего существования на сцене, глубокой проникновением в роль. От его игры у меня в буквальном смысле слова захватывало дух...

В театре об Андрее говорили с теплотой, что редко бывает в творческой организации – его любили все. Для нас, зрителей, он был кумир.

Андрей Толубеев был больше чем артистом – он был человеком, умеющим любить и свою роль, и своих партнеров, и весь почти тысячный зрительный зал, щедро одаря всех этой любовью и надеждой.

Характером Андрей пошел в отца, видимо, поэтому с годами возрастала тяга к общественной работе. Он был председателем Санкт-Петербургского Союза театральных деятелей и много сделал на этом посту. Эта общественная должность не была для Андрея формальностью – он защищал своих коллег на всех уровнях и в любых кабинетах, зная, как иногда тяжело живет пожилой одинокий артист. У Андрея не было врагов, вернее, его врагами были равнодушие и пренебрежение к человеческой личности.

Он защищал культурные ценности своего родного города – цикл передач на канале «Культура» под названием «Петербург: время и место» с огромным вниманием смотрела вся страна. А роли в кино! А работа в Общественном Сове-

те города, актерский курс в театральном институте... Нужно было найти время, чтобы писать книги. Свою первую пьесу он назвал «Александрия». На конкурсе, посвященном 300-летию Петербурга, она заняла почетное третье место. Его следующая повесть – «Похороны царя» была опубликована в журнале «Нева». Это документально-художественное повествование не только об историческом событии – о похоронах загубленной Царской Семьи, состоявшихся в соборе Петропавловской крепости, в родовой усыпальнице Романовых, но и рассказ автора о своей собственной судьбе, размышления о судьбе своего поколения. Он писал: «...Это событие, задуманное в стране как всеобщее покаяние, стало для меня личным – оно стало поводом к осмыслению, откуда я родом сам и “что мне Гекуба?”. Такое прояснение приходит само по себе, когда вдруг возникает потребность найти свои корни. Может быть, просто рубеж веков влияет на людей. Это как вспышки на солнце – слишком много впечатлений, и человеку необходимо излить душу, получив своего рода очищение...»

Глава третья. В защиту города и человека

Я много раз встречался и беседовал с Андреем Толубеевым – в самое разное время и при самых разных обстоятельствах. Все эти встречи для меня – как маленькие живые клеточки, из которых выстроен дорогой мне образ. И все же об одной истории хочется рассказать особо – она характеризует Андрея как человека в высшей степени сострадательного и справедливого, раскрывает его общественное призвание.

Повестка дня того памятного заседания Общественного Совета города состояла из одного пункта: «Обсуждение охранных зон в историческом центре города». Андрей немного опоздал к началу заседания – докладчик уже развешивал какие-то разноцветные схемы с красными, зелеными и синими пятнами, не очень понятные графики с цифрами и кривыми. Но где Нева, стрелка, Васильевский, догадаться было можно... Одно обстоятельство было ясно всем – заседание обещает быть крайне скучным. Я увидел Андрея у двери, махнул рукой, приглашая к себе.

– Я прямо с репетиции, – полусшепотом сказал Андрей, – чуть-чуть опоздал...

– Да зачем ты торопился? – спросил я. – Мог и вообще не приходиться, на мой взгляд – дежурное мероприятие...

– Для тебя, может, и дежурное, – неожиданно резко отве-

тил он, и я даже вздрогнул от этой резкости, так это было нехарактерно для Андрея. Заметив это, он поспешил исправиться: – Извини, Константиныч, не хотел тебя обидеть...

Докладчик, не спеша, обстоятельно и монотонно рассказывал, что историческую часть города планируется постепенно сделать деловым центром. Здесь будут располагаться офисы богатых фирм и крупных корпораций – своих и зарубежных, инвестирующих капиталы в развитие города, в реставрацию дворцов и памятников. Новый строительный регламент, сообщил докладчик, в основном ограничивает высоту новых зданий, которая может увеличиваться по мере удаления строительства от центра города. Более детальная регламентация, по его выражению, «не отвечает интересам инвесторов», которых необходимо стимулировать свободой творчества, если мы хотим как можно скорее привести город в порядок.

– Сделать это можно только за счет инвестора, у города на эти цели средств нет, – подчеркнул докладчик.

Я сразу понял, о чем идет речь: новый регламент охраняемых зон – это дополнительная приманка для тех деловых ребят, которые всегда готовы любой архитектурный шедевр перепрофилировать в «доходный дом», преобразить его в примитивный новодел, порушив соседние здания. Чем это грозит городу, я уже тогда мог представить достаточно отчетливо, по опыту нашей театральной стройки. Мы тщательно исследовали грунт, на который предполагали поставить зда-

ние учебной студии, и выяснили, что даже для такой маленькой «избушки» нужен сложный фундамент. Лишь на глубине шестнадцати метров залегает твердая порода – суглинки, на которые можно опереться. Осложняют ситуацию и близкие грунтовые воды, и река Фонтанка, уровень которой постоянно «пляшет». Поэтому проект можно осуществить только с учётом многих и многих параметров и дополнительных исследований.

Понимая, что другого выхода нет, мы именно так и сделали: здание театральной студии у нас как бы «парит» в воздухе: мы отказались от первого этажа и ленточного фундамента. Вместо этого поставили опоры и уходящие глубоко в землю шестнадцатиметровые буронабивные сваи. Кроме того, мы старались применить щадящую технологию по отношению к существующим зданиям БДТ, чтобы стены театра не пошли трещинами, которых и так было достаточно: набережная, забитая транспортом, делала свое разрушительное дело. Почти сто лет не было капитального ремонта театра, и главное – не было усиления фундамента. Наверное, такое же решение приняли бы любые профессиональные и ответственные строители. Увы, далеко не все из наших коллег готовы взваливать на себя подобную ответственность и трудоёмкость. Те самые «деловые ребята», чьи изыскания сводятся в основном к тому, чтобы как можно больше «срубить бабок», не станут забивать себе головы особенностями петербургских грунтов и судьбой «каких-то там старинных» стен.

Но наказание за это наступает мгновенно, не для них, конечно, разрушаются соседние здания – памятники великих зодчих. К сожалению, конкретных примеров более чем достаточно...

Очертания Петербурга девятнадцатого века совпадают с областью распространения слабых илистых грунтов – донных осадков древнего Балтийского моря, которые многометровой толщиной залегают под слоем поверхностных песков. Эти слабые грунты накладывают отпечаток на все строительство в городе и делают специальность геотехника особенно важной. В самом деле – легко ли строить на грунтах, способных при незначительном воздействии переходить из вполне приличного твердого состояния в сметанообразное, напоминающее вязкую жидкость? Относительное благополучие старой застройки объяснялось ограничением нагрузки, передаваемой от здания на грунты: высота зданий в те века не должна была превышать карниза Зимнего Дворца. Со временем печальной закономерностью для центра города стала деформация старой малоэтажной застройки в зоне примыкания к ней зданий с повышенной этажностью. Современное строительство в старом городе с его тенденцией к дальнейшему повышению этажности и к использованию подземного пространства является огромным фактором риска по отношению к историческому центру.

Строительство и реконструкция на слабых грунтах относится к самой высокой категории сложности. Без участия

специалиста-геотехника вместе с архитектором и конструктором на всех стадиях строительного процесса (перед проектной проработкой, проектированием и строительством) нечего и думать об успешном строительном развитии Петербурга.

Печальных примеров много – они в самом центре великого города. Например, в доме номер 53 по Невскому проспекту появились трещины. Причина – построенные рядом корпуса гостиницы «Коринтия Невский Палас» на месте домов 55 и 59. Все эти дома оказались в аварийном состоянии в начале девяностых из-за строительства подземного гаража в отеле. Постепенно здания пришли в такое состояние, что уже не подлежали восстановлению. Их признали аварийными и расселили. Больше десяти лет они пустовали, их фасады были закрыты гигантскими рекламными плакатами – отпрысками пресловутой «четвертой стены», укреплявшейся между городом и человеком. В конце концов, дома снесли, потому что появилась угроза разрушения фасадов. Несколько лет назад земельные участки под ними продали владельцу отеля – компании, которая приступила к строительству многофункционального комплекса на месте двух разобранных зданий. Схема понятна. Так можно уничтожить весь Невский.

А вот еще одна «достопримечательность». Она расположена неподалеку от домика Петра. Здесь на Малой Дворянской улице построено элитное жилое здание, достойное стать украшением современного города. Но вот соседнее столетнее здание вследствие этих работ оказалось «украшен-

ным» зияющей трещиной и уже покинуто жильцами.

Не стихия виновата в таких разрушениях, не грунты, а люди!

И если в новом регламенте не учесть, не предусмотреть какие-то обязательные нормы тщательных расчётов грунтовой обстановки, наметившийся процесс разрушения исторического центра старого Петербурга пойдет с ускорением и, в конце концов, станет необратимым.

Правительство Санкт-Петербурга весьма «чутко» прислушивалось к пожеланиям специалистов и недовольству широких народных масс. 6 июля 2004 года оно дало «добро» на уплотнительную застройку в историческом центре Санкт-Петербурга. Последовавший за этим строительный бум трудно описать и оправдать. Немедленно возводится невыразительное здание гостиницы в непосредственной близости от Михайловского замка, вызывающе искажающее уникальную архитектурную композицию Бренны. Аналогичный скучный объект появляется на задах Александринского театра.

И это только начало... В списке, утвержденном питерской администрацией, 320 подобных проектов.

Однажды Андрей спросил меня, показывая на трещины, побежавшие по стенам театра:

– Объясни мне, Константиныч, что происходит со зданием?

Вспомнив, как когда-то рассказывал об этом Кириллу Лаврову, я повторил свой рассказ Андрею по дороге в гри-

мерную и продолжил уже на месте. Присев на маленький столик, Андрей, не теряя внимания, понимающе меня слушал.

Примерно половина зданий исторического центра Петербурга имеет под фундаментами деревянные элементы: лежни, сваи. Пока древесина находится ниже уровня подземных вод, она не гниет. Если же уровень понижается, древесина попадает в зону «аэрации», проще говоря – высыхает. Тут-то и начинается гниение. Здание неравномерно оседает с амплитудой до пяти сантиметров. При накоплении культурного слоя вокруг здания почвенная влага вступает в непосредственный контакт с кирпичной кладкой стен, которая, как фитиль керосинки, жадно всасывает влагу. Стены покрываются плесенью и «высолами», разрушаются при замерзании воды...

Упомянув, что подробно все это уже рассказывал Кириллу Юрьевичу, я продолжил. На осадку дома влияет и близкое новое строительство. Вокруг новодела формируется воронка оседания. Здания с подземными гаражами – основная причина повреждений исторического центра города. Впрочем, архивы еще дореволюционных судов хранят немало исков владельцев поврежденных домов к соседнему застройщику. Другими словами, соседние стройки влияли на рядом стоящие дома и раньше, но сегодня процесс стал интенсивней и повреждения тяжелее.

Как это касается здания театра? Да прямым образом. Новый комплекс «Лениздата», построенный в семидесятые го-

ды, Лештуков мост и огромный поток машин по набережные реки Фонтанки нельзя сбрасывать со счётов, а также прокладку инженерных систем: теплотрасс, канализации, водопровода...

Андрей слушал меня, не перебивая, потом спросил:

– И что же делать? Ждать, пока театр развалится?

– Нет, ждать не нужно. Здание с трещинами – как больной человек. Его нужно лечить, а чтобы делать это правильно, нужно сначала обследовать. Определить, что именно происходит со строением, без комплексного обследования реальный диагноз поставить невозможно. Только после подробного изучения состояния дома, включающего шурфовку фундаментов, динамическое зондирование грунтов, геодезическое определение относительных осадков и кренов здания, проведение теплотехнического и пространственного расчётов, определение прочности несущих конструкций, можно установить: от чего и как лечить. Надо отметить, частные заказчики более ответственно относятся к комплексной реставрации. Они выполняют все требования, которые им предписывают исследователи. Городские власти, вероятно, из-за отсутствия средств, реагируют неохотно...

– Ну, хорошо, кое-что я понял. Но ты мне скажи вот что: не рухнет ли однажды вся эта наука нам на головы?

– Не рухнет, здание еще достаточно крепкое. А вот к лечению уже пора приступать...

– Ну, спасибо, утешил...

Этот разговор состоялся у нас с Андреем достаточно давно. Но только через восемь лет после него к проблемам времени БДТ удалось привлечь внимание властей, заманив в театр премьер-министра и показав ему трещины в стенах. Были получены высокие обещания о выделении средств на ремонт. Однако рядом идет проектирование нового квартала. От Апраксина двора до Фонтанки все будет сноситься, в том числе и комплекс «Лениздата», и строить будут новые здания. Как это отразится на творениях Людвиг Фонтана, не знаю. Знаю только, что состояние театра и его фундаментов устанавливается обследованием – процедурой достаточно сложной, дорогой, требующей высокой квалификации и ответственности исполнителей. Обследование должно не только выявить места повреждений и степень снижения прочности конструктивных элементов, но также установить причины появления деформаций, дать прогноз состояния здания при соседнем новом строительстве. С этой целью необходимо комплексное применение геодезических, геологических, лабораторно-испытательных методов. В некоторых случаях требуется длительный мониторинг тех или иных параметров. Меры и технология усиления фундаментов должны быть адекватны причинам появления деформаций.

До этого ли будет инвестору, ведь ему нужен немедленный результат? Хватит ли сил у власти заставить инвестора сделать все это и проконтролировать? Самое главное – что-

бы беды не случилось.

Сейчас, находясь на заседании Общественного Совета города и слушая восторженного докладчика, я все больше тревожился. Когда начались прения, первым взял слово Андрей Толубеев.

Я никогда не видел его таким взволнованным. И даже не думал, что он может быть таким эмоционально несдержанным. Чаще невозмутимый, внимательный, он заговорил своим поставленным голосом необычайно громко и возбужденно, от волнения с небольшой хрипотцой. Зал сразу же очнулся от дремы. Похоже, большинство присутствующих ни само собрание, ни его решения не волновали. На то они и «общественные слушания», чтобы покорно прислушиваться к власти, извещающей народ о своих непререкаемых решениях и подчас чудовищных планах.

Толубеев нарушил традицию. Он полемически заговорил об опасности для судьбы центра города тех новых регламентных упрощений его охраны, которые только что были представлены на обсуждение. Андрей начал с неожиданного вопроса, обращенного к сидевшим в президиуме чиновникам:

– Офисы, гостиницы, деловой, чиновный центр – это все прекрасно. А что будет с людьми?

Его не поняли.

– Какими людьми?

– Обычными, которые живут в старых петербургских домах, что в самом центре и вблизи него. По большей части,

в коммунальных квартирах. Да-да, огромное количество горожан по-прежнему живет в «Петербурге Достоевского» – без водопровода, канализации и других коммунальных благ, гарантированных властью. Я нисколько не преувеличиваю, вы все, сидящие здесь, знаете это не хуже меня. Получается заколдованный круг: купить себе новое жилье эти люди не в состоянии, поэтому вынуждены жить в таких неподобающих петербуржцам условиях. Когда-то они жили надеждой на городскую очередь, но теперь она упразднена. Власть давно отказалась от обязательств по отношению к своим гражданам, предоставив событиям развиваться естественным путем – как получится. Хорошо – предоставить этим людям отдельное жилье власть не может, но провести ремонт в старых домах, сделать жизнь пожилых людей хоть сколько-нибудь сносной – разве это трудно?

В зале послышалось роптание, то ли одобрительное, то ли возмутительное. Смешались разные эмоции. Но Андрей упорно продолжал:

– Мы знаем, что ценность исторического центра Петербурга, как единого целого, превосходит ценность его отдельных памятников, даже самых выдающихся. Ведь только в своей целостности город включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Других городов, подобных нашему, в России, да и в мире нет. Но вместо того, чтобы сохранить это богатство, мы с завидным постоянством уничтожаем его ради сиюминутных доходов от сомнительных инвесторов.

Посмотрите, даже на неприкосновенном Невском проспекте разрушено несколько зданий, я уж не говорю о Литейном, Вознесенском, Лиговском и Московском проспектах, где прекрасные исторические дома буквально разобраны по кирпичику. Неужели никто не видит, как в этот удивительный по красоте мир вползают алчные дельцы и агрессивные ультрасовременные постройки? Купол гостиницы «Ренессанс Балтик» на Почтамтской улице исказил панораму Исаакиевской площади. Комплекс «Серебряные зеркала» на Петроградской сделал то же самое с Петропавловской крепостью!

Андрей волновался, было видно, что наболело, что он много раз думал о том, что говорит сейчас, и это не просто слова – это его выстраданные мысли, его душевная боль. В этом – весь он сам.

– За последние сто лет над Петербургом как будто дважды взрывалась нейтронная бомба – в Гражданскую войну и в блокаду. Население вымирало, здания оставались нетронутыми. Приезжали другие люди, и город вновь начинал жить. Перенос столицы в Москву в 1918 году тоже пошел на пользу городу – сберег почти всю старую застройку. В советские годы Ленинград считался городом провинциальным, на «шедевры» хрущевскобрежневского зодчества средств не хватало. Не хватило даже динамита для сноса всех старых церквей. Поэтому жилищное строительство велось на окраинах. От Обводного канала до Невского и от Александро-Невской

Лавры до торгового порта город остался почти таким, каким он был в 1917 году. К сожалению, дома, как и люди, стареют...

В Петербурге насчитывается более одного миллиона квадратных метров аварийного жилья. Основной его объем расположен в исторической части города, дома дореволюционной постройки. Эти здания хоть и кирпичные, но несущие конструкции в большинстве – деревянные. Им по сто, сто пятьдесят, а то и по двести лет. Подвалы в них, как правило, затоплены, лестницы в аварийном состоянии, лепнина отваливается и падает на головы прохожим. Я занимался проблемой ветхого жилья и знаю, что даже при попытках власти что-либо подправить осуществлялся «недоремонт» или вообще его откладывали, короче, дома не обслуживались. Но какие бы ни были причины, люди ведь должны жить по-человечески!

Отремонтировать и расселить нужно огромное количество квадратных метров, потратить много времени, сил и средств. Но делать это надо! В аварийных домах живут люди с низким уровнем обеспеченности, часто социально неблагополучные. Что же, мы будем ждать, когда эти дома рухнут, и проблема разрешится сама собой?

Так Андрей своим гулким артистичным голосом, своим неравнодушным сердцем, своей смелой, болящей ото всех несправедливостей душой пытался разрушить “четвертую стену”, неколебимо отделявшую простого городского жите-

ля от важной и благополучной петербургской власти.

Выступление Андрея я запомнил в мельчайших подробностях практически дословно, потому что много раз возвращался к нему мысленно, анализировал, сопоставлял доводы. Меня волновала эта проблема лично, ведь я профессиональный строитель, много лет живу в Петербурге и чувствую свою ответственность за все, что в нем происходит.

Дальше Андрей говорил о том, что правила застройки, включая регламент охранных зон исторической части Петербурга, для того и создаются, чтобы согласовать в этом деле интересы всех слоев общества, чтобы эти правила устраивали каждого. Регламентацию строительного процесса необходимо максимально детализировать, как это предусмотрено международными нормами, которые исключают малейшее ущемление интересов жителей – тех самых «обычных людей», которые и составляют большинство населения мегаполисов. Такая регламентация должна распространяться и на высоту новых зданий, и на особенности строительства в петербургских грунтах, и на сохранение рядовой застройки, и на благоустройство дворов, и на общие требования к архитектуре новых построек, на так называемый «код среды».

Андрей закончил свое выступление тем, с чего и начал. Он напомнил, что Петербург – это его люди, те, кто из поколения в поколение обживали невские берега и создали, и сберегли неповторимую архитектуру великого города. Разрушая стену отчуждения между властью и горожанами, сте-

ну равнодушия и бескультурья, он призывал к бережному отношению к каждой реальной, пусть даже облупленной и заплесневелой петербургской стене, хранящей память о трагических и славных временах, о знаменитых и незнаменитых людях города святого Петра.

Ему даже не пытались возражать. Докладчик что-то говорил об опыте европейских городов, но Андрей убедительно доказал, что это сравнение неуместно – по всем параметрам!

«Он сказал все, что надо», – говорил резко, бескомпромиссно, аргументированно. Добавить к его выступлению было нечего, возразить тоже. Мы выходили с Андреем из зала, и я по разговорам вокруг пытался определить, как наши титулованные земляки оценивают только что прозвучавшие слова выдающегося артиста. Но разговоров на эту тему, к моему удивлению, не было. Андрею улыбались, приветствовали, давая понять, что поддерживают его позицию, но вслух не высказывались.

– Похоже, здесь, – по известному афоризму, – «не место для дискуссий», – поделился я с Андреем своими наблюдениями.

– А где же место? – с горечью спросил Андрей. – Опять на кухне? – Увидев, что я подвожу его к машине, сказал:

– Пойдем пешком. Когда я смотрю на Невский – душа просветляется...

Я с радостью отпустил машину.

Домой нам по дороге. Мне – на Большую Морскую, Ан-

дрею – на Исаакиевскую площадь. Зашли в Елисейский магазин. Андрею захотелось купить его любимое селедочное масло, а я попутно прослушал небольшую лекцию о знаменитом магазине. Андрей хорошо знал историю города, ведь он тогда работал над популярной телепрограммой «Петербург: время и место».

– Представляешь, это творение «купеческого модерна» ужасало современников. Тем более, напротив него сиял в своем «божественном классицизме» Александринский театр. Думаю, архитектор понимал, что он строит, но ему нужно было выполнить заказ Григория Григорьевича Елисеева – с одной стороны. С другой – все-таки сделать реверанс в сторону рассерженных ценителей изящных искусств. К «чудовищу» со временем привыкли – время все меняет. И архитектурная мода, как и любая другая, тоже меняется...

Андрей вел телепередачу несколько лет, и, на мой взгляд, она была лучшей из всех просветительских. Герои моего времени программ, созданных в то время на канале «Культура». Я старался не пропустить ни одной. Мне все было интересно: появление первых петербургских яхт-клубов, биография Александра Маринеско, история Смольного института – первого элитарного учебного института для женщин, сложная и трагическая судьба Ольги Берггольц, похождения знаменитого графа Джулио Ренато Литта... Недаром в 2003 году Андрею Толубееву была присуждена Государственная премия за заслуги в области просветительской деятельности.

– Да, Елисейев был сказочно богат, но он хорошо понимал простую истину, которую наши сегодняшние бизнесмены забыли: нельзя не думать о «простых» людях. Его магазины были рассчитаны и на богатых, и на бедных, и на людей среднего достатка. Здесь продавались товары на любой вкус и кошелек, но непременно высокого качества...

– Мне кажется, Андрей, ты сам себе противоречишь. Ты протестуешь против современной убогой архитектуры, безликих зданий-аквариумов, и тут же говоришь, что мода меняется... Возможно, и к современным постройкам привыкнут, как к Елисейевскому магазину...

– Я говорю совсем не об этом...

Он взял меня за руку и повел в крошечный четырехугольный дворик, каких множество на Невском проспекте. Этот был похож на колодец, глухой дворик – на всех четырех стенах отбитая штукатурка, железные двери – некрашенные, искореженные, на окнах первого этажа – решётки, так что не совсем понятно, что это такое – жилой дом или камера предварительного заключения. Асфальт вспучен, словно его кто-то изнутри взламывал отбойными молотками.

– Может быть, хочешь зайти в подъезд? Там еще хуже, уверяю тебя. Вот все это и нужно приводить в порядок, вот о чем я говорил сегодня... Страшно смотреть, а ведь здесь живут люди. Вот о чем надо думать, прежде всего. Легче всего объявить дом аварийным, сослаться на трудности, а еще легче – снести старье и построить из стекла и бетона очеред-

ной блеклый бизнес-центр, их уже расплодилось в городе, как медуз в теплом море.

– Но ведь люди сами довели дом до такого состояния...

– Конечно, если сто лет не ремонтировать, тогда виноваты жители.

– Но время такое, сколько дыр нужно залатать...

– А у нас с семнадцатого года – во всем виновато время. Решаем космические задачи, а люди – на потом. Сейчас снова оправдание. Это напоминает мне анекдот про три конверта.

Я заинтересовался.

– Что ты, Константиныч, не знаешь? Старый, с бородой анекдот.

– Ну, если бы знал, не просил рассказать.

– Ну, слушай, – не стал отнекиваться Андрей. – На одном крупном предприятии сменился старый директор. Передавая дела новому молодому, он дал ему добрый совет: «Я не буду тебе рассказывать о проблемах на предприятии, это долго, да и поверь, все ты будешь делать и решать по-своему. Однако если возникнут неразрешимые трудности, невоготу станет – на этот случай я оставил тебе в сейфе три конверта. Открывай по порядку: первый, второй и третий». Простился и ушел. Новый руководитель приступил к работе. Прошло какое-то время, дела заходят в тупик, ничего не получается, вспомнил о конвертах, открыл первый, прочитал написанное: «Вали все на меня». Стал выполнять «указание». Нала-

дилась как будто жизнь: собрания, митинги, протесты. Но со временем работникам и это надоело. Опять посыпались на директора упреки. Хозяйство чахнет, с зарплатой проблемы. Открыл директор второй конверт: «Начинай и реконструкцию предприятия», – прочитал он. И закипела работа, в основном, бумажная: планы, расчеты, лозунги, интервью. Какие-то цеха сломали, какие-то остановили, в основном ездили по заграницам, якобы учиться. Но все равно ничего не получилось. Делать нечего, открыл третий конверт и прочитал: «Готовь три конверта».

Посмотрев друг на друга, смеяться не стали, не было повода: все точно про нашу жизнь.

Мы покинули убогий дворик и снова вышли на Невский, приукрасившийся огнями витрин, реклам и фонарей.

Мы шли по старинному проспекту и говорили о том, что задача нынешней власти – спасти каждый дом, проводя гуманную реставрацию. Только таких примеров, к сожалению, мало. Сегодня мы обсуждаем в самых разных аудиториях «петербургскую стратегию сохранения культурного наследия». Если предложенный документ по этой проблеме будет принят, площадь охраняемой законом исторической зоны сократится в пять раз. Внешний облик исторического центра Санкт-Петербурга и его пригородов изменится до неузнаваемости. Зимний дворец будет соседствовать с суперсовременными небоскребами, Михайловский замок окружат здания в стиле хайтек. Для людей, которые любят Петербург,

это трагедия. Для города – смерть.

Известная истина, что Санкт-Петербург – организм уникальный, не вызывает сомнений ни у кого. Достаточно сказать, что на сегодняшний день под охраной государства находятся около восьми тысяч питерских памятников – всевозможных зданий, садов, парков, скверов, прудов и каналов. Беда только в том, что со своими функциями «охранителя» государство справляется из рук вон плохо. По оценкам независимых экспертов, в срочных реставрационных работах нуждаются до семи тысяч памятников, более тысячи трехсот находятся «в активной фазе разрушения» и грозят повторить судьбу объектов, которые уже не подлежат восстановлению. Проблема, как всегда, в деньгах. По самым скромным подсчетам, на комплексную реставрацию старинных питерских памятников, находящихся в госсобственности, необходимо свыше шестидесяти миллиардов рублей, которых у государства, как водится, нет. Вернее, есть, но на другие цели и дела. Уменьшать площадь охраняемой исторической зоны – не самый лучший способ. Может получиться, что под охраной останется один Зимний Дворец.

...Мы шли в сторону Адмиралтейства, и Андрей рассказывал мне о своем Ленинграде – Петербурге – городе его детства и юности.

– Ты знаешь, я все помню, даже мельчайшие детали. Вот тут, в «лягушатнике», мы ели самое вкусное в мире мороженое, с сиропом и шоколадной крошкой. А магазин «Рыба»

на углу Невского и Рубинштейна! Мы, разумеется, говорили «Рубинштейна» – там был большой бассейн, а в нем плавал усатый печальный сом, которого мы исподтишка подкармливали хлебным мякишем из батона. Подоконники там были мраморные, холодные, а латунные ручки дверей сверкали, как позолоченные...

Андрей был хорошим рассказчиком. Прежний Невский проспект словно оживал передо мной со своими ушедшими запахами, звуками, красками.

– Волшебный мир открывался за дверью магазина «Старая книга», что была в бывшем доме Котомина. Здесь витал незабываемый запах, смешанный из запахов старых кожаных переплётов, пожелтевшей бумаги, бархатной обивки мебели и ветра, в момент открытия двери врывающегося с зимней улицы...

Напротив – гастроном, с блокадной поры называемый в народе «генеральским магазином», в военное время здесь отоваривали продовольственные карточки офицерскому составу. На следующем углу – кинотеатр «Баррикада», где перед началом сеансов под аккомпанемент низко склонившегося над клавишами пианиста пела женщина в длинном, казавшемся пыльным, платье. А в противоположной части проспекта, в доме 54, располагалась старейшая парикмахерская, работавшая даже в блокаду. Стараниями историка Сергея Лебедева на ее стене была установлена памятная доска. Сейчас парикмахерскую закрыли – словно закрыли па-

МЯТЬ...

Нет больше и «Лавки художника», что много лет находилась в доме номер 8. «Старую книгу» в доме Котомина склевал жирный американский петух (теперь тут заведение быстрого питания). Вместо кондитерской Вольфа и Беранже – цветочный магазин. Вместо памятной многим ленинградцам пирожковой «Минутка» – какой-то длинно-бутербродный ненасытный конвейер «Сабвей». От интерьеров «Лягушатника» с его саксонскими статуэтками и стилизованными настольными лампами, настоящими, в огромных кадучках, пальмами, уютными зелеными бархатными диванами с фурнитурой из красного дерева не осталось и следа. А куда делись толстые латунные, ослепительно сияющие в солнечный день перила, расположенные вдоль витрины Елисеевского магазина, выходившей на Невский? Помнится, сиживала на этой блестящей ограде ленинградская «золотая молодежь». Исчезло молочное кафе «Ленинград», старая добрая сосисочная, которую в народе за необычную отделку стен называли «Зеркала». Зато повсеместно – фастфуды, быстро, офисы, бутики и еще много всего непроизносимо-иностранного, фальшивого...

Раньше, выйдя на Невский, невозможно было не встретить кого-нибудь из друзей или знакомых. Это естественно для живого места. Нынче тут не живешь, а пробегаешь, шарахаясь от незнакомой по речи и поведению молодежной толпы. Кажется, попал в толпу иностранцев, так молодые лю-

ди безжалостно коверкают русские слова.

Я успокаивал Андрея, как мог. Город не обойдется без стройки и реконструкции – он неизбежно стареет и требует ремонта, реставрации и даже замены, даже копий.

– Вот ты говорил, что исторический центр Петербурга признан ЮНЕСКО объектом всемирного наследия. Многие считают это большим достижением наших властей, но здесь абсолютно нет соответствия действительности. Нив ЮНЕСКО, ни в Петербурге точно не знают, что именно охраняет уважаемая международная организация в Северной столице России. Документы, описывающие исторический центр Петербурга, отправили в Париж в 1989 году, но они оказались крайне запутанными, и ЮНЕСКО до сих пор не в состоянии с ними разобраться. В Петербурге не осталось даже их копий, а в реальной практике охраны памятников их никогда и не использовали. Удивительно, но пропал даже врученный ЮНЕСКО сертификат о включении города на Неве в список объектов всемирного наследия. Все это выяснилось, когда петербургский КГИОП готовил документы к очередной сессии ЮНЕСКО. На заре грабительской перестройки, в 1989 году Советский Союз представил номинацию по Ленинграду для внесения в список объектов всемирного наследия. Тогда поступили просто – взяли карту охранной зоны и отправили ее международным экспертам. К ней был приложен перечень тридцати шести комплексов на территории города и области. В результате получился объект всемирного насле-

дия под названием «Исторический центр Ленинграда и связанные с ним группы памятников». Одна беда – объект этот получился со множеством ошибок, неточностей и приблизительной картографией. Тогда это мало кого беспокоило. В последние же годы в ЮНЕСКО решили заняться инвентаризацией всего того, что было включено в список. Трудно сказать, почему документация, представленная Петербургом в 1990 году, удовлетворила Комитет Всемирного наследия. Возможно, дело в том, что Россия была тогда в большой моде. О том, что в реальности происходит в нашей стране, в мире знали мало и даже в этом малом заблуждались.

В 1990 году умудрились не просто запутаться с картами, но в прилагаемых к ним списках сделать кучу ошибок. Есть памятники, о которых просто не слыхивали. Например, Матросская Слобода в Павловске! Откуда взялась эта слобода? Кто ее туда вписал? Что там делать матросам? Где Павловск, а где море? В предоставленном списке нет ни привязки объектов к координатам, ни их описаний. Поэтому разобраться – невозможно. У нас есть форт «Серая Лошадь», а в списке ЮНЕСКО та же самая лошадь – Зеленая. Мало кто знает деревню Поляны, которую почему-то охраняет ЮНЕСКО, хотя имеются сомнения в ее универсальном мировом значении. Она даже не стоит под охраной государства.

Европейские эксперты относятся ко всей этой несурязице с юмором и сами посмеиваются: «Что вы сделали с лошадью? Прекрасили?» Хотя у ЮНЕСКО достаточно жесткие

правила. Во-первых, страна-заявитель должна предъявлять только те объекты, которые охраняет сама, во-вторых, все они должны пройти экспертизу на предмет их универсальной ценности. ЮНЕСКО не берет все подряд. А на территории петербургского объекта – шестьдесят процентов вообще не памятники, а просто историческая застройка. Но уникальность Петербурга в том и заключается, что он включен в список именно как градостроительное образование.

Андрей выслушал меня внимательно, не перебивал.

– Спасибо за рассказ о наших безобразиях. Я знал об этом, но не в таких подробностях. Не буду выяснять, кто должен охранять город, знаю только, что для меня Петербург – как намоленная, не сгоревшая в пламени войны икона... И ЮНЕСКО тут ни при чем. В первую очередь мы сами ответственные за город...

– Андрей, но как жить современному человеку в этом, извини за неточное сравнение, антиквариате? Припарковаться нигде, стоянок не хватает, хронические пробки... Что ни говори, а в историческом центре города жить и работать крайне неудобно... И потом, антиквариат – личное дело коллекционера, а облик города, его инфраструктура касаются всех. Не случайно так яростно спорят городские любители старины и сторонники прогресса...

– Ну, есть и более неудобные города. Например, Рим. Улочки узкие, проехать можно только на велосипеде. Почему бы его не снести и не построить на его месте современ-

ный и красивый город? Возможно это? Вполне – строительные технологии позволяют. Но итальянцы решили, что их история, их «неудобный» город гораздо дороже небоскребов и широких улиц. Хочешь жить здесь – откажись от машины, вот такой у них подход. Конечно, наш город – не самое удачное место на земле: высокая влажность, наводнения, ветры... А мы еще и способствуем его разрушению, это видно по фасадам – многочисленные утраты декора, грязь. За исключением наиболее ценных объектов, многие другие профессионально не реставрируются, так что «блистательный Санкт-Петербург» скоро останется только в литературе...

– Да, Андрей, как строитель и человек, интересующийся строительными технологиями, которые применялись нашими предками, я могу сказать, что фасады Санкт-Петербурга – это энциклопедия архитектурных форм, техники отделки и материалов. Их архитектурно пластическое великолепие создается выверенной композицией ордерной системы, эркерами, башенками, шпилями и куполами, разнообразными формами кровли, скульптурным лепным и металлическим декором. Выразительное петровское барокко с контрастной окраской фасадов в два цвета сменяет полифония цвета и скульптуры елизаветинского барокко. «Строгий, стройный вид» фасады приобрели в эпоху классицизма и ампира. Декоративное многообразие форм оставили ретроспективные не о стили (вариации на темы Египта и Востока, готики и

ренессанса, барокко и не о грека), изысканную пластику – модерн. В архитектурной отделке применялись: известняки, граниты, мраморы, литые, чеканные патинированные бронзы, черные металлы, кованный и литой чугун, шпиастр, золочение ртутным способом, «через огонь», клеевое и гальванопластическое; керамики и мозаики.

В своем большинстве фасады Санкт-Петербурга штукатурной работы. Штукатурка позволяла использовать любые стилевые формы, применять разнообразную окраску, в ней же имитировалась облицовка камнем. Потому настоящая реставрация – дело хлопотное и дорогостоящее. Она достигается с помощью специальных технологий и материалов. Проводится она только в летний сезон. А ты видишь, как у нас: зима, мороз – пленку натянули, и фасад красим. Результат этой работы – красочные покрытия на основе синтетических связующих разрушают штукатурные слои и кирпичную кладку. Но при этом, если реставрация фасадов необходимое дело, то реставрация здания – мера вынужденная, чрезвычайная, она уносит частицу подлинности. Я думаю, ты согласишься со мной. Ведь что такое старина? Это не только архитектурный облик, но в том числе и внутреннее устройство здания – система кладки, перекрытий и прочие технологические решения при строительстве. Это тот случай, когда стены не разделяют, а соединяют прошлое и настоящее. Поэтому я считаю, что не нужно заниматься новоделом на месте снесенного памятника. Это уже не памятник. Если мы сохра-

няем историю, то должны сохранить и душу здания. Зачем восстанавливать в бетоне маленький домик и говорить, что здесь жил Некрасов? Это неправильно, потому что Некрасов здесь точно не жил. Если мы не можем сохранить памятники путем реставрационных работ, то, к огромному сожалению, на его месте надо строить новое здание. Значит, пришло его время. У каждого памятника есть свой срок жизни.

Да, старина ветшает, но как ни странно, она все-таки более жизнестойка. Парадокс: современные здания из стекла и бетона устаревают морально и физически раньше, чем исторические дома, насчитывающие сто и двести лет от рождения.

– Константиныч, я не только согласен с тобой, но и то, о чем ты говоришь, – это мои мысли.

– Андрюша, мои и твои мысли – это мысли тысяч и тысяч петербуржцев, преданных своему городу, наследующих его духовные и культурные богатства.

Мы шли, не замечая времени. Но невозможно было не заметить на стене дома знаменитую блокадную табличку: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Простая, казалось бы, трафаретная надпись, но она дороже любого выпретенного новодела. Около нее всегда цветы. Здесь, кажется, что память пахнет цветами.

А над прогретым за день Невским витает запах увядающей листвы и моря. Морем пахнет насытившийся его влагой неумный балтийский ветер, давно прижившийся на питер-

ских улицах. Я очень люблю запах моря, он такая же примета города, как памятники, как старинные здания.

В моей памяти навсегда остался тот теплый осенний вечер, наша прогулка по Невскому проспекту с Андреем Толубеевым, обеспокоенным и судьбами домов, составляющих город, и судьбами людей, живущих во все еще блистательном Санкт-Петербурге.

Глава четвертая. Спасти центр Петербурга от «Охта-центра»

Случалось, что мы возвращались домой вместе – или после спектакля в БДТ, или после заседания Общественного Совета города. В любом случае, это были интересные прогулки – эмоциональные и познавательные. Андрей вдобавок ко всем своим талантам обладал даром настоящего просветителя, педагога. Как иначе назвать его работу на телевидении и в театральном институте? Он увлекался историей Петербурга, многое знал, умел доносить свои знания до слушателей, пробудить у них интерес. Всему, к чему бы он ни прикасался – писал ли книги, играл в театре, выступал в Общественном Совете, – он отдавал себя полностью. Наши прогулки с ним тоже были в значительной степени просветительскими. В отличие от коренного питерца Андрея Толубеева, я сибиряк, хотя давно обосновался на берегах Невы и этот несравненный город тоже считаю своим, родным, но от Андрея получил немалые знания, которые мне пригодились в работе и в осмыслении бытия. Драгоценные часы нашего общения для меня незабываемы: я и сейчас слышу его проникновенный, узнаваемый бархатный голос, излучающий теплоту, располагающий собеседника.

...Андрей много рассказывал о своей писательской работе, жаловался на неподатливость компьютера, с которым не

может совладать, на нехватку времени, упрекал самого себя в неорганизованности. Я про себя искренне удивлялся. Мне казалось, что такой успешный человек, как Андрей, не может чего-то не уметь – он гениален, не побоюсь этого слова, и на сцене, и в кино, и за письменным столом, и в студенческой аудитории. С печальной самоиронией он убеждал меня, что многое делает не так, что если бы ему было дано прожить две жизни, он жил бы, конечно, совсем по-другому...

И все же главной темой наших разговоров оставался Петербург.

Обычно конечным пунктом мини-путешествий был Синий мост над Мойкой. Здесь, над рекой, расходились наши пути, ведущие каждого к своему дому.

Неспроста Санкт-Петербург называют Северной Венецией. Город в буквальном смысле стоит на воде. Его территорию прорезает девяносто рек, каналов и проток, общей длиной более трехсот километров. Кроме того, в Санкт-Петербурге находятся десять больших озер.

Без сомнения, главной рекой является Нева. Но город невозможно представить и без Мойки, с ее располагающей к прогулкам гранитной набережной с орнаментальным чугунным ограждением и достаточно просторными мостами. Река протекает через центральную часть города, она – неотъемлемая часть водного кружева Петербурга.

Многие здания, расположенные на Мойке, являются архитектурными памятниками, связаны с именами великих

русских писателей, художников, поэтов.

Есть уникальное сооружение – Синий мост. Он соединяет Исаакиевскую площадь с переулком Антоненко и Вознесенским проспектом. При этом мост кажется «невидимкой»: из-за своей рекордной ширины он воспринимается частью площади. Название «Синий» идет от первого деревянного моста, выкрашенного в синий цвет. Мост является рекордсменом: это самый широкий мост в Санкт-Петербурге, его ширина по внешнему габариту почти сто метров. Он неоднократно был реконструирован, изменялись его размеры, конструктивные особенности. Однако внешне мост не изменился и дошел до нас практически в первоизданном виде. К мосту, как и к Мариинскому дворцу применимо высказывание: два императора от него отвернулись. Это действительно так: «Медный Всадник», и бронзовый Николай 1 смотрят в сторону Невы, а мост и дворец остаются у одного и у другого за спиной.

Однажды мы стояли с Андреем на мосту, смотрели, как тяжелые, по цвету похожие на чугун ограды волны, вспениваясь под ветром, разбиваются о гранит набережной. По реке проходили катера. Прокладывающие путь между отражениями домов, казалось, задевали суденышки их зыбкие, сходящиеся на середине реки крыши. Чудилось, что вдали водный путь сливается с небесами, озаренными солнцем, золотыми куполами и шпилями.

– И откуда вдруг появилась эта странная башня? – вдруг

спросил меня Андрей, тоже залюбовавшийся поднебесными доминантами Петербурга.

– Какая башня?

– На Охте, Газпромовская.

– Вот ты о чем! Выброси из головы, пока это все – проекты.

– Это у нас с тобой – проекты, а у власти всегда – проекты, и реальность их очень велика.

– Я неплохо знаю эту историю, там речь идет, в конечном итоге, о строительстве. Но я убежден – если и будут строить эту пресловутую башню, ни одна российская компания не сможет выиграть тендер. Почему? Это отдельный разговор.

– Ну, хорошо, так откуда же появилась эта странная идея?

– Если разобраться, то ничего странного в ней нет. Еще 5 декабря 2004 года петербургские газеты сообщили о том, что «Газпром» получил в аренду участок на пересечении Большеохтинского проспекта и Конторской улицы для проведения изыскательских работ. Площадь участка, согласно постановлению Смольного, составила шестнадцать тысяч квадратных метров. «Газпром» объявил о своем желании построить офисное здание для всех дочерних компаний, работавших тогда в Петербурге и области.

В газете «Коммерсант» утверждали, что эта сделка позволит городу за несколько лет рассчитаться с госдолгом, который к концу 2005 года составит шестнадцать миллиардов рублей, а к концу следующего 2006 года перевалит за два-

дцать миллиардов.

Андрей слушал очень внимательно.

– Как думаешь, построят?

– Не сомневаюсь в этом. Лично я – против строительства, но не потому, что здание очень высокое. Эйфелева башня тоже высокая, но без нее не было бы Парижа. Я против, потому что «Газпром» – компания государственная, а у государства есть куда потратить деньги, у нас еще многие деревни и поселки не газифицированы. И, наконец, главное – как только начнут строить, стоимость газа для населения моментально вырастет, как бы ни уверяли в обратном газпромовские чиновники. В городе полно дворцов, которые требуют спасения, – берите, восстанавливайте, работайте и размещайтесь в них...

– Я тоже против этой пресловутой башни, Константиныч, только по другой причине. Этот скандал, разделивший город на сторонников и противников строительства, высветил очень важную проблему – наша власть плюет на мнение граждан, оно ей не интересно. У власти достаточно ресурсов, чтобы провести любое решение, даже абсурдное: для этого есть управляемый парламент, лояльные деятели культуры, свои средства массовой информации, а главное – деньги, которыми она распоряжается. Я смотрю телевизор – и ничего не понимаю! Боярский и Мигицко уговаривают телезрителей, что башня чудовищной высоты на Охте необходима городу, как воздух. В это же время уважаемый академик Пио-

тровский пишет Президенту и Правительству письма с резкими протестами. Кому же верить?

– Мне, – шутя, сказал я. – Хотя бы на том простом основании, что я следил и слежу за событиями на Охте, начиная с 2006 года. Информацию собираю из газетных публикаций и телепередач, расспрашиваю специалистов в этой области. Разумеется, я тоже могу заблуждаться. Хочешь, расскажу эту историю так, как я ее понимаю?

– Не хочу.

– Почему?

– Я не верю информациям, публикуемым в газетах и журналах, тем более передаваемым по телевизору.

– Чему же ты веришь?

– Первоисточникам.

– Это... кто такие?

– Руководство Газпрома и страны.

– Извини, Андрей, руководство лично со мной подробностями строительства башни не делилось.

– Вот то-то...

– Что «то-то»?

– Такое впечатление, что нас проверяют «на вшивость». Какие мы стали. Промолчим или поднимемся с протестами. Ты ведь хорошо знаешь, как рукотворными морями землю нашу покрывали.

– Память о морях у меня хорошая. Сейчас ведь оправдание есть. Такие времена были, что заставили людей молчать.

– Были, что правда, то правда.

Мы долго молчали.

Сегодня я твердо уверен, что от исхода борьбы против «башни» зависело многое, в том числе и становление гражданского общества в России. Андрей был прав. Кому, как не мне, знать, какие тяжелые последствия влекут за собой непродуманные, волюнтаристские решения наших российских властей! Я видел своими глазами, как скрывались под водой сибирские села, где еще недавно жили люди, как преднамеренно сжигались их дома, и некому было остановить этот беспредел.

В одной из своих книг «Илимская Атлантида», в главе «Прости меня, мой край», я рассказывал о десятках илимских деревень, нашедших свою могилу на дне рукотворного моря. Тоскует мое сердце о погубленных родных краях, не могу не поделиться с читателями своей болью. Приведу отрывок из этой книги.

«...Тридцать пять лет прошло после потопа! Вернее, не потопа, а убийства деревень и сел. Говорят, со временем боль от утраты притупляется, рана заживает... Но у меня эта рана – не затягивается. Перед глазами – родной Илим. Моя родина. Мое детство. Могила моей мамы, что теперь на Красном Яру. И слышится мне стон ее души в криках птиц, парящих над бескрайним искусственным морем и не находящих знакомых мест: Кулиги, Малой Речки, Россохи, Тушамы...

А история, между тем, повторяется. Уже в государстве с другим названием и с другой Конституцией, которая обязывает власти прислушиваться к мнению граждан, блюсти их интересы. Но – удивительное дело! – все остается так же, как и прежде, никто не собирается «блюсти» и «прислушиваться». Родные гидростроители снова готовят большой сибирский потоп. Снова уйдет под воду огромная таежная территория, которую предстоит очистить от леса, от городков и деревушек, она станет дном искусственного моря. Дома и лес, как в былые времена, будут жечь, людей переселять...»

Новые государственные реформы в России идут медленно и трудно. Впрочем, так было в нашей стране всегда. Но все-таки кое-что меняется в сознании людей, они уже не те бессловесные «винтики» и «колесики» в огромной и бездушной государственной машине – они начинают поднимать голос против несправедливости, против хамства, против вседозволенности, и этот голос становится год от года все громче и уверенней. Трудно сказать, чем кончится история со строительством «Газпром-сити», кто в ней прав, кто виноват, однако она выявила существенное обстоятельство: не все у нас решается с помощью денег, есть что-то более важное, обо что споткнулся даже «Газпром» с его сверхмощными финансовыми потоками. Слава Богу и петербуржцам, символическая беда (башня) отступила!

Наши политики часто цитируют слова Петра Столыпина

на, сказанные им в Государственной Думе: «Вам, господа, нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия...» Правда, забывают (или не знают!) о том, что за этой эффектной фразой царского премьер-министра последовало уточнение от лидера русских националистов монархистов Василия Шульгина: «Нам нужна, прежде всего, справедливая Россия...»

И спасибо Петербургу, это он, своей красотой, героической историей, культурным примером заставляет нас осознать, что такое величие и что такое справедливость. И поэтому, наверное, когда тяжело, когда, кажется, нет выхода из сложившейся жизненной ситуации, выходишь на поклон к городу. Идешь по его улицам, всматриваешься в шедевры зодчества, ищешь отражение минувшего в его реках, речках и даже в родных петербургских лужах. И находишь, и получаешь помощь Красоты и ответ Вечности, и все складывается хорошо и решается так, как должно быть.

Глава пятая. Пешком по Гороховой

Поздний зимний вечер. После спектакля мы с Андреем решили пойти домой пешком. Это был наш любимый маршрут: немного по Фонтанке, потом свернуть на Гороховую и дальше, до Малой Морской. Мы идем медленно. Сладко и легко дышится в этот безлюдный час, когда кажется, это только тебе небо посылает снежинки, остужающие пылающее после спектакля лицо. Это в награду только твоему равнодушному сердцу петербургские выси открывают свои невыразимые тайны, это для твоей пытливой души фонари высвечивают минувшее. По узким тротуарам трудно идти вдвоем: то дорогу грубо преградят ступеньки, ведущие в новый, пробитый прямо в фасадной стене вход, то под ногу подвернется вспученный кусок асфальта. Все время уступаем дорогу друг другу, не замечая этого, потому что Андрей говорит, а я замороженно слушаю... Он зримо рассказывает об истории Гороховой улицы так, словно сам жил здесь в далекие времена.

– Гороховая – одна из старейших улиц Петербурга. Эта средняя часть «петербургского трезубца» – трех улиц, расходящихся веером от Адмиралтейского проспекта до Пионерской площади (бывший Семеновский плац).

Первое ее название, присвоенное в 1738 году, соответствует местоположению – Средняя Проспективная улица,

сокращенно Средняя перспектива. Поскольку Указом давались имена только улицам Адмиралтейской части, первое время улица официально доходила до Мойки, и лишь через два года была продлена до Фонтанки, чуть позже до Загородной улицы, где сейчас и заканчивается.

В течение века она имела шестнадцать названий. Одно из интересных ее имен – Графский пролом – единственный «пролом» за всю историю города. От Мойки до канала Грибоедова (Екатерининского канала) был проложен или, как говорили, «проломан» проезд через владения графа П. И. Мусина-Пушкина.

Название улицы – Гороховая упоминается впервые в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1770 году. Происхождение его не вполне ясно. Часто приводится легенда, что это переделанное на русский лад название – Гаррахова улица, но существование такого купца и такого названия никакими архивными источниками не подтверждается. Более правдоподобная версия – улица названа по фамилии купца Никиты Горохова, однако он жил на Малой Миллионной улице, то есть в той части нынешней Большой Морской, которая примыкает к Дворцовой площади, не очень близко к Гороховой улице. Первоначально так называли участок улицы от Мойки до Загородного, а первая часть магистрали – от Адмиралтейства до Мойки – обычно именовалась Адмиралтейской. Лишь только в середине XX века «Гороховая» становится официальным именем всей магистрали.

В октябре 1918 года улицу переименовали в Комиссаровскую, поскольку здесь в доме № 2 с декабря 1917 года до переезда в Москву располагалась Всероссийская чрезвычайная комиссия – прообраз ОГПУ-КГБ-ФСБ. Приземленное название улицы вызвало возмущение членов городской комиссии по наименованиям, и городские власти к мнению Комиссии прислушались, так улица получила имя Дзержинского.

Историческое название Гороховой улице вернули в 1991 году...

Я слушал Андрея с нескрываемым любопытством и удивлением. Он мне напомнил, как герой романа Достоевского «Бедные люди» Макар Деушкин отзывался о Гороховой: —

«...Шумная улица! Какие лавки, магазины богатые: все так и блестит, и горит, материя, цветы под стеклами, разные шляпки с лентами. Подумаешь, что это все так, для красоты разложено – так нет же: ведь есть люди, что все это покупают и своим женам дарят. Богатая улица! Немецких булочников очень много живет в Гороховой; тоже, должно быть, народ весьма достаточный. Сколько карет поминутно ездит; как все это мостовая выносит! Пышные экипажи такие, стекла, как зеркало, внутри бархат и шелк; лакеи дворянские, в эполетах, при шпаге. Я во все кареты заглядывал, все дамы сидят, такие разодетые, может быть, и княжны, и графини».

Да, Константиныч, на этой улице жили многие литературные герои, и прежде всего, вспоминается знаменитая кня-

гиня Голицына, прототип старухи-графини из «Пиковой дамы». Княгиня Наталья Петровна в лучшие свои годы отличалась красотой, умом и крутым нравом. Дом на углу Малой Морской и Гороховой хорошо был знаком Пушкину, ведь он и сам недолгое время снимал на Гороховой квартиру, а за несколько месяцев до создания «Пиковой дамы» жил вблизи дома Голицыной. Поэт много раз проходил мимо ее подъезда и полицейской будки, что стояла здесь.

Мы подошли к дому, остановились, Андрей задумался. Я стал просить его рассказать историю героини пушкинской повести.

– Константиныч, здесь столько разных легенд переплелось, поэтому, где правда, где ложь, не знает никто.

– Расскажи, что знаешь, – не отставал я.

– Хорошо, – согласился Андрей. – Я, готовя свои передачи, многие знания почерпнул из старинных путеводителей и современных научных, литературоведческих, исторических книг, однако немало достоверных сведений содержится и в русской художественной литературе, и в классических романах.

Известно, что княгиня Наталья Петровна Голицына происходила из рода так называемых новых людей, появившихся в начале XVIII века в окружении Петра Великого. По официальным документам она была дочерью старшего сына денщика Петра I, Чернышева, который на самом деле, если, конечно, верить одной малоизвестной легенде, слыл сыном са-

мого самодержца. Получается, что Наталья Петровна была внучкой первого российского императора и основателя Петербурга. Во всяком случае, ее манера независимо держаться перед сильными мира сего, ее властолюбие даже в быту, говорят в пользу этой версии. Обеды княгини почитали за честь посещать члены царской фамилии, а ее сын – знаменитый московский генерал-губернатор В. Д. Голицын – не имел права сидеть в присутствии матери без ее разрешения.

Светский интерес к престарелой Наталье Петровне, начинавший было затухать в связи с ее весьма и весьма преклонным возрастом, неожиданно оживился в 1834 году, когда в петербургских аристократических и литературных салонах заговорили о новой повести Александра Сергеевича Пушкина «Пиковая дама», написанной им накануне, в 1833 году, и тут же опубликованной. Литературная новость взбудоражила петербургское общество. Образ уродливой надменной старухи, обладательницы мистической тайны трех карт, вызывал совершенно конкретные, недвусмысленные ассоциации, а загадочный эпиграф, предпосланный Пушкиным к повести: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность», да еще со ссылкой на «Новейшую гадательную книгу», подогревал разгоряченное любопытство. Кто же скрывался за образом пушкинской графини или, как подозрительно часто якобы отоваривается сам Пушкин, княгини? Двух мнений на этот счет в тогдашнем обществе не было. Это подтверждает и сам автор нашумевшей повести. 7 апре-

ля 1834 года он заносит в дневник короткую запись: «При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной». Речь шла, разумеется, о Голицыной.

В молодости Наталья Петровна слыла красавицей, но с возрастом обросла усами и бородой, за что в Петербурге ее за глаза называли «Княгиня Усатая». Именно этот образ титулованной старухи, обладавшей малопривлекательной внешностью в сочетании с острым умом и царственной надменностью, и возникал в воображении первых читателей «Пиковой дамы».

Имеется две версии, почему Александр Сергеевич Пушкин ввел в сюжет повести «Пиковая дама» образ старухи, узнаваемый настолько, что никто не сомневался – это Голицына. Согласно первой версии внук княгини Сергей Григорьевич Голицын по прозвищу Фирс был в приятельских отношениях с поэтом, любил поэзию, музыку, но больше всего на свете ему были дороги карты.

Однажды, начисто проигравшись в карты, он в отчаянье бросился к бабке с мольбой о помощи. Голицына в то время находилась в Париже. Она будто бы обратилась за советом к своему французскому другу легендарному графу Сен-Жермену. Граф живо откликнулся на просьбу о помощи и сообщил Наталье Петровне тайну трех карт – тройки, семерки и туза. Если верить фольклору, ее внук тут же отыгрался. Вскоре вся эта авантюрная история дошла до Петербурга и стала известна Пушкину, который ею своевременно и удач-

но воспользовался. Он сам об этом намекает в первой главе «Пиковой дамы». Помните, как Томский рассказывает о своей бабушке, «Московской Венере», которая «лет шестьдесят тому назад ездила в Париж и была там в большой моде»? Правда, по Пушкину, старуха сама отыгралась в карты, никому не выдав сообщенной ей Сен-Жерменом тайны трех карт. Но ведь это художественное произведение, и автор был волен изменить сюжет услышанной им истории.

Впрочем, по другой версии, Пушкину при работе над «Пиковой дамой» не было особой нужды так далеко обращать свой авторский взор. У него была своя, собственная, личная биографическая легенда о появлении замысла повести.

Пушкин однажды был приглашен погостить в доме Натальи Петровны. Несколько дней он жил у княгини. Молодость и темперамент, унаследованный от африканского предка, брали свое: поэт стал приставал ко всем юным обитателям гостеприимного дома. Некоторое время княгиня пыталась закрывать глаза на бестактные выходки молодого строптивца, но не вытерпела и, возмущенная поведением гостя, с позором выгнала его из дома. Смертельно обиженный, Пушкин будто бы пообещал когда-нибудь отомстить злобной старухе и якобы только ради этого придумал всю повесть.

Трудно сказать, удалась ли обещанная месть. Княгине, в ее более чем преклонном возрасте, было, видимо, все это глубоко безразлично. Однако навеки прославить Наталью

Петровну Пушкин сумел. Скончалась она в возрасте 97 лет в декабре 1837 года, ненадолго пережив обессмертившего ее поэта. В Санкт-Петербурге Голицыну иначе как «Пиковой дамой» не называли, – обаятельно улыбнувшись, закончил свой литературный рассказ Андрей.

...Мы стоим на углу, на пересечении Гороховой и Малой Морской: на свет уличных фонарей, кружась как ночные бабочки, слетаются крупные хлопья снега и, как будто ожегши свои трепетные ажурные крылышки, отвесно падают вниз, густым слоем засыпая тротуар. Дом старой княгини выглядит угрюмым и таинственным: в такую же непогоду стоял здесь измученный страстями Герман, нетерпеливо ожидая условленного часа. Кажется, сейчас к дому подъедет карета с величественной старой графиней, и, немного помедлив, герой «Пиковой дамы» решительно шагнет к парадному входу ее дворца...

Напротив дома Голицыной – высокое здание с множеством мемориальных досок. Здесь жил Петр Ильич Чайковский, здесь он умер 25 октября 1893 года. Из окон своей угловой квартиры композитор мог наблюдать за домом княгини и вспоминать дни, проведенные им во Флоренции, где создавалась партитура оперы «Пиковая дама».

Рядом с «домом Чайковского» – невзрачное здание, дом номер 15. На его месте стоял раньше другой дом, в нем находился очень популярный в Петербурге ресторан «Дюме». Именно здесь Пушкин познакомился с Жоржем Дантесом. А

вообще этот узловой перекресток считается роковым: Чайковский встретил здесь свою смерть, а Пушкин – своего будущего убийцу.

Мы медленно идем по Малой Морской дальше. Дошли до скверика на Исаакиевской площади, сели на скамейку.

– Андрей, ведь Григорий Распутин жил тоже на Гороховой?

– Да, на Гороховой, но на другом ее конце, рядом с Загородным проспектом, Гороховая, 64.

– Этот доходный дом постройки 1902 года вошел в историю Петербурга как «Дом Распутина», – продолжил свой рассказ Андрей. – Григорий Ефимович снимал здесь квартиру, которую в городе называли «Звездной палатой». Здесь решались судьбы министерств и ведомств, царских сановников и армейских генералов. Распутин жил в квартире № 20 на третьем этаже.

Распутин поселился здесь в 1914 году и прожил до дня своей гибели. Его личность оценивают по-разному, и диапазон этих оценок огромен: от полного неприятия «антихриста» до благоговейного почитания «святого старца».

Биография этого малограмотного мужика, имя которого сделалось нарицательным, историкам хорошо известна. А вот как ему удалось стать тем, кем он стал, до сих пор остается загадкой.

Сейчас, когда о нем написано столько книг, сняты Художественные фильмы, его имя и подробности биографии из-

вестны широко. Думаю, нет надобности рассказывать его историю, хотя я ее хорошо знаю. Скажу одно, Распутин и в самом деле обладал некоторым даром провидца. Многие знавшие его люди вспоминают, что не раз слышали, как, проходя мимо Петропавловской крепости, он взволнованно восклицал: «Я вижу много замученных людей, людские толпы, груды тел! Среди них много великих князей и сотни графов! Нева стала совершенно красной от крови». С императрицей он был еще более откровенен: «Пока я жив, с вами и с династией ничего не случится. Не будет меня – не станет и вас». Придет, как он будто бы говорил, «конец России и императору».

Помолчав, Андрей добавил:

– Шлейф мистики потянулся за Распутиным едва ли не сразу после его смерти. О Распутине, как ни о ком другом, столько мнений, суждений, прямо противоположных друг другу. Думаю, время все прояснит. Но на нашем ли веку откроются тайны?

Перед глазами и сейчас тот поздний зимний вечер, неугомонные бабочки-снежинки, летящие на смерть на свет фонарей, и родной голос Андрея, рассказывающего о великой истории великого города.

Уже сейчас, когда нет Андрея, я часто один хожу по Гороховой.

Эта улица истинно петербургская. Здесь до сих пор витают тени литературных героев, здесь жили писатели, давшие

им литературную жизнь, здесь, в нагромождении доходных домов и трактиров, была скрыта истинная душа города, названного Достоевским «умышленным».

Перейдя Садовую, я всегда останавливаюсь на четной стороне и вспоминаю строчки из романа Достоевского «Идиот», той его части, где князь Мышкин направляется к дому Парфена Рогожина...

«...Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвета грязно-зеленого. Некоторые, очень, впрочем, немногие дома в этом роде, выстроенные в конце прошлого столетия, уцелели именно в этих улицах Петербурга (в которых все так скоро меняется) почти без перемены. Строены они прочно, с толстыми стенами и с чрезвычайно редкими окнами, в этих домах проживают исключительно одни торговые. Подойдя к воротам и взглянув на надпись, князь прочел: «Дом потомственного почетного гражданина Рогожина».

Но где же дом Рогожина сейчас? Может быть – дом номер 38? С виду невзрачный, трехэтажный, на ровном пустом фасадетри ряда окон, по середине дома – подворотня. Князь Мышкин отмечал, что рогожинский дом очень похож на семейство Парфена, такой же основательный и прочный. Внутри дома мрачно и уныло, длинные темные коридоры, в комнатах почти нет мебели. Холодом веет от этого дома-склепа...

На Гороховой жил Илья Ильич Обломов, но Гончаров не

оставил никаких примет, по которым можно было бы опознать его жилище. На соседних улицах жили Гоголь, Достоевский, Вяземский. Список известных имен можно продолжить, он такой же славный и длинный, как наша российская история.

На улице Гороховой нет зданий – памятников архитектуры, за исключением дома на углу с Адмиралтейским проспектом, построенного великим Кваренги. Сама улица является памятником, ее не коснулась безжалостная рука современного перестройщика, нет пока ни стеклянных, ни бетонных коробок, правда, многие дома просят (требуют!) ремонта. Ах, как бы сделать так, чтобы время было не властно над великими городами и великими людьми, их создавшими, любившими, прославившими, такими, как добрый мой друг, знаменитый артист Андрей Толубеев?!

Глава шестая. О Боге, о жизни, о сцене

Нам порой не хватало времени наговориться, слишком уж коротким был совместный путь. Чтобы продлить общение, иногда после спектакля мы заходили в небольшой ресторанчик, расположенный в цоколе дома, где жил Андрей. В такое позднее время посетителей почти не было, и мы могли говорить, не опасаясь, что кто-то помешает. Говорили обо всем: о жизни, об актерском мастерстве, о Боге.

Помню, как однажды печально сказал Андрей:

– Да, вот и я дожил до того времени, когда никому ничего не нужно доказывать. А когда-то доказывал, старался сыграть так, чтобы стать вровень со старшими коллегами, ловил взгляды режиссера, таял от одобрительных его слов. Теперь доказывать некому. Молюсь перед каждым выходом на сцену, прошу Бога дать мне сил и разума. Молитвы нестандартные, я их придумал сам. Но какая разница? Если бы спросили, кому именно я молюсь, ответил бы: какой-то не очень понятной мне самой Высшей силе, которая ведет меня по жизни, не дает оступиться. То, что такая сила есть, – доказано наукой. И моей жизнью...

В последний год жизни Андрей часто заговаривал о смысле жизни, о Боге, Которого он осторожно именовал «Высшей силой» – он говорил все это абсолютно искренне, ему невоз-

можно было не верить. Этот вопрос много занимал воображение выдающегося артиста: он читал соответствующую литературу, мучительно, как и его сценические герои, размышлял над «трудными» вопросами бытия.

– Андрей, ты говоришь, наукой доказано, что Бог есть... Если бы это было так, жизнь на земле пошла бы совсем по-другому...

– Я сказал: Высшая сила. Многие великие ученые верили в эту силу, это общеизвестно. Казалось, уж они то знают все тайны Вселенной, что откуда берется и куда исчезает. Однако чем больше они раскрывают этих тайн, тем больше верят в то, что только Высшая сила, или Величайший разум мог создать наш мир...

Подобные разговоры у нас бывали нечасто, мы оба понимали их наивность и какую-то юношескую незрелость. Что делать – мы небыли философами. Однако нам хотелось говорить друг с другом, и даже на такие глубокие философские темы, куда забираются, как говорил Булгаков, «не рискуя свернуть себе шею, только очень образованные люди». Возможно, нам не хватало подготовки, но помогал жизненный опыт и то, что мы были похожи. Что называется – родственные души. Когда Андрею удавалось прочесть что-то такое, что его по-настоящему волновало, он обязательно делился со мной своими соображениями, искренне огорчался, если я не разделял его выводов. Но я почти всегда разделял...

Помню, прочитав статью известного ученого Моррисона,

бывшего президента Американской академии наук, Андрей убедил меня, чтобы я посмотрел эту статью как можно скорее. Она называлась «Семь причин, объясняющих, почему я верую в Бога». Эта статья, а главное, выводы, которые в ней содержались, привели Андрея не то чтобы в экстаз, скорее в детский восторг.

– Представляешь – я тоже об этом думал! Конечно, не так глубоко, не так аргументированно, но ведь думал! Эта статья мне вроде бы глаза открыла – сразу стало все так понятно и просто...

Участвуя в этих напряженных разговорах, и я начинал вслух размышлять о своем отношении к религии, что-то вспоминать из детства.

– Я был воспитан в духе атеизма, меня не крестили, в селе не было церкви. Единственное кирпичное здание церкви после революции местные мужики растащили по кирпичику: лишний повод говорить о твердости веры в умах людей. Я, как и все мои ровесники, был принят в пионеры, в ту пору октябрьской ступени не было, потом вступил в комсомол. И все это время огромный объем антирелигиозной пропаганды обрушивался на наши несчастные головы. Этот поток исходил от любимых учителей, которым мы, конечно, безоговорочно верили. Я помню своих учителей – достойные люди: умные, гордые, красивые и, мне казалось – независимые.

В коммунистическую партию я вступил в зрелые годы. Меня не заставляли. Решение принимал я сам. Уверен, что

без меня бы обошлись в этой организации. Но партия давала карьерный рост, а я, так уж сложилось, являлся партийным функционером, был избран делегатом Съезда КПСС, правда, последнего, и даже рассматривался в качестве кандидата в члены Центрального Комитета. Какой Бог? Какая религия?! О них у меня и мыслей не было.

Только лишь в последние годы я возвращаюсь к истокам. Не могу сказать, что верю в Бога, мне неловко, когда я вижу на экране знакомые лица, истово накладывающие на себя крест, думаю, что это дань моде. Почему неловко, не знаю, самому мне трудно перекреститься на людях. Хотя всегда, когда в жизни случаются трудности, я вспоминаю Бога и обращаюсь к Нему со словами: «Господи, помоги, Господи, не допусти несправедливости, Господи, дай мне силы». С моей израненной душой мне трудно прийти к Нему вслух. Я, как умею, разговариваю с Ним в своем сердце. Но хочу, чтоб дети и внуки в Бога верили. Пусть верят в Бога, Который есть всегда, везде, во всем и во всех.

Я очень хочу, чтобы жизнь моих близких была наполнена смыслом и восхищением перед красотой безграничных просторов вечного мироздания, перед величием Творца и творения. Мне хочется, чтобы мои потомки ощущали присутствие Всевышнего так же, как чувствуют собственное существование...

Мы замолчали, каждый задумался о своем. Вдруг Андрей сказал:

– В театре невозможно не верить, ведь все искусство от Бога. Талант от Бога. Я с молодых лет люблю храмы. Даже когда совершенно о Боге не задумывался, бывало, подождет на сессии, надо как-то сосредоточиться, забыть о повседневных глупостях – иду в Исаакиевский собор. Когда преподавал, водил своих студентов в церковь Спаса Нерукотворного на Конюшенной, где Пушкина отпевали. Сейчас мне очень нравится церковь Симеона и Анны, что на углу Моховой: она недавно была отреставрирована, меня тянет туда. Во Владимирский собор хожу... И Исаакиевский по прежнему люблю: народу там обычно немного, никто на меня не обращает внимания, – а мне это важно!.. В церкви ведь не услышишь: «Вон, смотри, смотри – Толубеев!..» Там все равны, все перед лицом Божиим... В Исаакиевском душа у меня окрыляется и воспаряет, очень люблю этот собор...

Есть спектакли, после которых час-полтора прихожу в себя. Такое впечатление, будто все во мне противится этой роли. Такое происходит, когда играю Арбенина, представляя Божье воздаяние и одновременно Божью милость к этому человеку. Психологически показать все это очень сложно. Или спектакль «Макбет». Эта трагедия считается дурной, притягивающей зло: там есть чересчур глубокое проникновение в душу злодея. В те дни, когда в БДТ шел этот спектакль, у меня случались всевозможные несчастья. А ведь я играю даже не самого кровопийцу Макбета, а его друга, Банко, которого он же и убивает. Но каждый раз во время спек-

такля у меня случилось что то ужасное: мать заболела, в реанимации лежала. Она умерла, когда шел «Макбет». И на девятый день я играл в этом спектакле, и на сороковой, и в первую годовщину смерти.

– Андрей, ну при чем здесь Бог? Это мистика какая-то.

– Не знаю, не знаю, только вот душа не принимала эти роли. А душа все-таки от Бога.

* * *

...Андрея Господь призвал к себе в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы...

Не помню, кто сказал, но слова замечательные: «Когда умирают люди и земля принимает грешные их тела, остальные продолжают вершить свои будничные дела. Они завтракают, ссорятся, обнимаются, целуются, моются в бане, идут в магазины за покупками. Кажется, мир такой же, как и прежде. Но не так. В короткий миг особой той тишины небо рушится. Земля рушится. Только этого не видно. Вернее, не каждый ЭТО ВИДИТ».

Как-то, разговаривая со своим внуком Пашенькой, я сказал ему:

– Вот вырастешь большим, окончишь институт, жаль, меня уже не будет в живых, но все равно я буду видеть и тебя, и все, что ты делаешь.

– Как это? – удивился внук.

– А моя душа улетит на небо, и оттуда я буду наблюдать за тобой, желая тебе только добра, – пояснил я, как мог.

Паша недоверчиво смотрел на меня.

– Правда, правда, – утверждал я...

Я хочу, чтобы душа Андрея была среди нас, родных и друзей.

* * *

Пусть читатель простит мне за небольшое отступление. Продолжу вспоминать разговор с Андреем:

– В театре ничего не бывает «накатано», Михаил Константинович. Не верь актерам, которые говорят, что здесь надо играть сосредоточенно, а здесь можно расслабиться. Это слова несостоятельных артистов. В театре все идет по живому. Что-то не получается, но ты сжимаешь зубы и играешь дальше, как Бог ведет. Терпеть не могу режиссеров, которые натаскивают, заставляют играть так, как они видят.

Больно, что антреприза расставляет сети. Уверен: на антрепризу театральный зритель, воспитанный БДТ, не пойдет. Заметь, в антрепризах играют одни и те же актеры. Это каста, которая зарабатывает деньги. Я их не осуждаю. Каждый зарабатывает по-своему. Я, например, веду передачи на канале «Культура». Кто-то снимается в кино, кто-то дублирует. За это нельзя попрекать! Но дело в том, что есть актеры, которые хотят участвовать в антрепризе, не играя в театре.

Но числиться в театральной труппе они хотят. Антреприза – заразное дело.

– Ты спрашиваешь, – продолжал Андрей, – что чувствует актер, играя на сцене? Актер находится в особом состоянии: он входит в образ совершенно другого человека, не важно, положительный или отрицательный, он перестает быть самим собой, на какое-то время перерождается. Актеры могут ощущать после спектакля внутреннюю опустошенность.

Тончайший русский мыслитель Федор Степун писал об актерстве не как о специфической профессии, а именно как о мастерстве перевоплощения, жажде «переселения» своей души в другие души. Актер – совершенно особое существо, принципиально полифоническое. «Субъективный смысл его творчества для него потому всегда один и тот же: расширение жизнью на сцене тесной сцены своей жизни, реализация на театрально упроченной территории мечты своего многодушия и исцеления своей души от разрывающих ее противоречий».

Во время этого монолога, где Андрей, в пылу забывшись, представлял себя, наверное, за кафедрой в лекционном зале театрального института, я вспоминал наш разговор на эту тему с Кириллом Лавровым. Мудрый Кирилл Юрьевич по-другому трактовал тайну актерской профессии. Прежнее поколение считало, что актер служит нравственности, что он воспитатель душ. Поэтому артисты классического театра не поддавались полностью мистической воле персонажа, не по-

падали под его власть, но показывали его поступки в соответствии со своим пониманием добра и зла.

Как-то у Андрея в гостях я залюбовался видом на Исаакиевскую площадь, который открывался из окна его небольшой квартиры, и позавидовал вслух:

– Хорошо у Вас тут, Исаакий сияет всяким днем – и солнечным, и пасмурным, бурлит таинственная жизнь «Астории», в соседях – бронзовый император!

– Да, замечательно, но этого хотят лишить.

Он поведал о диком, недавно произошедшем с ним случае. В подъезде дома, вечером, их с женой Катей встретили два здоровенных парня бандитского вида и посоветовали поскорее съехать добровольно из этой квартиры, а то плохо будет. При этом пытались и физическую силу применить, Толубеевы едва ноги унесли. Угроза нешуточная. Тоже метод. Такие принуждения срабатывают. В доме все меньше жильцов, но зато на крыше гордо реет вывеска новой конторы. Вот так запросто, по-деловому вороватая публика, не видящая здесь никаких красот, кроме офисов, торговых центров и гостиниц, пытается прибрать к рукам центр города. Но на высоком чиновном уровне разве не та же, в конечном счете, ставится задача? Только, конечно, решать ее предполагается «законными», что называется, способами. Так невесело мы тогда рассуждали. Что ж с тех пор изменилось?

Упрощенный регламент охранных зон принят. Хотя законом определены территории объектов культурного наследия,

а также режимы использования земель в границах каждой из охранных зон и градостроительных регламентов. И вроде введены жесткие ограничения – запрещается изменение исторической планировки улиц и кварталов, а из всей территории исторического центра предполагается сохранение исторической застройки, все же допускаются некие отклонения «в пределах десяти процентов от отдельных параметров режимов». Почему десять, а не один, два или ноль? И для кого предназначены эти десять процентов – тайна покруче государственной.

В центральных районах города благоустраивают дворы. Весной городское правительство приняло специальное постановление, утвердившее перечень памятных исторических мест, которые запрещено закрывать или перепрофилировать. Перечень скромный – всего шестнадцать адресов. Но самое удивительное, что контроль над этой «Красной книгой» возложили не на руководство КГИОП или Комитет по культуре, а на чиновника, отвечающего за строительство. Механизма, с помощью которого арендаторов можно законным образом обязать исполнять требования Смольного, тоже, как не было, так и нет.

Комментируя тогда принятое постановление, депутаты ЗакСа сразу пояснили, что в случае приватизации объектов недвижимости сохранить их профиль вообще невозможно. С точки зрения нашего законодательства нельзя диктовать, что должно быть в том или ином здании. Создание «Крас-

ной книги» представляется скорее декларацией, чем строгим предписанием. Мест, облик которых должен сохраняться, очень много. Но сохранить их можно, если они будут иметь статус объектов культурного наследия, включенных в государственный список, только так можно соблюсти их интересы и, соответственно, изначальные функции.

Теперь, чтобы перейти, наконец, от декларации к конкретным мерам, парламентарии предлагают внести поправку в проект Правил землепользования и застройки. Она призвана защитить не только отдельные культовые места, но и весь Невский как главную улицу Петербурга.

Поправка предполагает выделить отдельную территориальную зону – «Зону Невского проспекта» (в пределах территории кварталов, примыкающих к Невскому проспекту с обеих сторон, на протяжении от Дворцовой площади до площади Восстания и на глубину не менее одного земельного участка) «с целью создания уникальной среды главной улицы Санкт-Петербурга – культурной столицы России».

Градостроительный регламент данной зоны должен предусматривать не застройки (ибо процесс застройки территории этой зоны следует рассматривать как завершённый), а землепользование. Приоритет отдать организациям культуры и предприятиям обслуживания, обладающим культурно-просветительским уклоном (книжные, антикварные магазины ит. п.).

Правительство города одновременно должно обеспечить

конкретные меры, направленные на привлечение в зону Невского проспекта коммерческих организаций соответствующего профиля, и стимулировать имеющихся собственников помещений для перепрофилирования их функций в культурологическую область. И обязательное восстановление в прежнем виде (или в виде, достаточном для обозначения соответствующей мемориальной ценности и преемственности) тех из них, что имеют историческое значение, – таких, как: кондитерская Вольфа и Беранже, «Лавка художника», магазин «Старая книга» в доме Котомина...

Да, кое-что произошло и происходит. Я всегда буду помнить, что петербургский актер Андрей Толубеев был у истоков движения за спасение города. Его выступления на Общественных слушаньях частично процитировали многие издания, сообщения попали в Интернет. И после он не раз публично отстаивал эту свою позицию в защиту старого Петербурга. Правда, атаки строителей разрушителей на город тоже не прекращаются. Но что делать? Сдавать этим горе-реформаторам от строительства Петербург?

Я примерно знаю, что и как ответил бы на это Андрей, но приводить его возможный ответ не стану.

Но ведь и газпромовскую башню прогнали с Охты в Лахту не без помощи Андрея Толубеева!

Эпилог. Теплый свет окон

Не представляю, что такое Загробный мир. И пока жив, восхищаюсь бытием, радуюсь белому свету. Я благодарю своих родителей за подарок, который называется жизнь. За то, что я могу видеть солнце, будь оно в вешней радости или осенней печали, облака, укутывающие Землю и спасающие ее от смертельного дыхания Космоса, ветер, подгоняющий птиц, пролетающих под яркой широкой радугой, похожей на сбрую лихой русской тройки. Я часто вспоминаю деревню своего детства, что стояла на берегу обрыва, отражаясь в водах могучей сибирской реки, помню сложный запах вешней земли, разливные раскаты таежного грома, пересекающиеся сполохи молний, озаряющие беспросветные лесные чащи. Вспоминаю Андрея, не веря, что его уже никогда-никогда не будет...

Вдруг слышу его голос. Вдрогнул. Откуда он? Стал искать, оказывается, это по телевизору идет старый фильм с участием Андрея. Обрадовался даже этой мифической встрече!

Конечно, это чудеса современной техники, благодаря которой с некоторых пор мы можем видеться с ушедшим навсегда человеком, как с живым. Конечно, это всего лишь давнее-предавнее кино, где Андрей в гриме и говорит заученный текст. Но поскольку он, как всегда, вложил в эту роль

всего себя, то я воспринимаю его как реального. Кажется, еще мгновение, и он, извинившись перед экранным собеседником, обернется ко мне и скажет, как у нас бывало: «Константиныч, ты погоди маленько, я сейчас...» Что осталось мне от него... Память сохранила улыбку, жестикуляцию, рукопожатие... И добрые чувства, которые он пробудил в моей душе и которые не боятся времени и неподвластны смерти. Потому что эти добрые переживания преобразуются в добрые дела и поступки, имеющие продолжение в других людях.

Восхищаясь, я никогда не удивлялся многогранности таланта Андрея Толубеева. Бог дал ему огромный дар: врач, актер, педагог, писатель. Могу сказать – замечательный писатель!

Несколько вечеров читал последнюю книгу Андрея. Она увлекла меня простотой рассказа и вместе с тем глубиной раскрытия характеров. Только литературно одаренный человек мог написать так.

А название романа каково: «В поисках Стрельчика»! Читаю текст, а слышу родной, с хрипотцой, незабываемый, насыщенный обертонами баритон друга. В голосе Андрея никогда не звучали пафосные или надменные интонации. И начало романа, кажется, просто: «Почему из всей блестящей плеяды мастеров БДТ я выбрал именно его? Пожалуй, потому, что он наиболее полно и зримо воплощал в себе понятие “артист”. Он был мне дорог и восхищал меня больше, чем другие, не менее талантливые. Когда он умер, трудно было

примириться с мыслью, что этот человек, такой роскошный, звучный, осязаемый превратился в фантом, призрак, миф. Захотелось вернуть ему земное измерение, воскресить хотя бы мысленно, хотя бы словесно, и не роли, им сыгранные – о них уже немало написано, их еще можно увидеть на экране, – а именно его самого. Найти того, кто исчез. Ощутить его присутствие. Понять, каким он был. Закрепить его след в пространстве и времени. Я знал его – и не знал. Его жизнь проходила совсем рядом – он был моим старшим коллегой в Большом драматическом, – но мало соприкасалась с моей. Мы редко пересекались на сцене, в кино, на телевидении, в концертах, мы почти не общались вне сцены – я имею в виду общение отдельное, несуетное. По сути, он был для меня Загадкой».

Так в авторском предисловии Андрей представляет задачу своей литературной работы. И справляется с ней блестяще. Для меня Владислав Игнатьевич Стржельчик открылся по-новому. Зная и любя сыгранные им роли, я узнал его как человека открытого, но при этом недосягаемого. Сейчас я написал об Андрее, и мне тоже хочется, чтоб читатель увидел его не на сцене, исполняющим очередную роль, а в жизни.

Мне было всегда с ним интересно, что не удивительно: я же его зритель, слушатель его передач, читатель его талантливых книг. Давно слежу за его актерскими работами в театре, в кино, на телеэкране. А то, что мы подружились, считаю

промыслительным. Какую же роль этот блистательный актер избрал для себя в жизни? При первых наших встречах я убедился – никакую. Многие, даже очень далекие от актерской профессии люди стараются казаться значительнее, добрее, или, наоборот, жестче, злее, умнее, или, на всякий случай, глупее – по обстоятельствам. И это неплохо у некоторых получается. Андрей никогда не играл, говорил, что думал, делал, что считал нужным. И на сцене не притворялся – жил в своей роли. Искренность – тоже дар, тоже талант, этим качеством определяется уровень актерского мастерства. Да и литературного тоже. Книга о Стржельчике удалась еще и потому, что хорошо знавшие честность Андрея коллеги по театру ему доверяли. Уверены были: не подведет, напишет правду, и не уходили от ответов, честно отвечали на дотошные его расспросы не только о Стржельчике, но и о себе, о театре.

Говорят, у этой книги будто бы в черновом варианте был авторский шуточный подзаголовок: «На фоне Владика снимается семейство». А ведь так и было в действительности. Семейство БДТ, включая не только актеров, но и гримеров, осветителей, других помощников артистов, отвечало честно на вопросы Андрея, так сложился портрет главного героя, неизвестный зрителю. А попутно явился портрет редкой по совокупности выдающихся талантов труппы одного из лучших в стране театров со всеми его незаметными зрителю внутренними бедами, взлетами и напряженностями человеческих отношений, которые неотделимы от сценической

истории БДТ «эпохи Стржельчика».

Книга меня заворожила. Она стала мне доброй спутницей, советницей, и всегда находится рядом – на рабочем столе. Увлекла новаторская форма изложения. Что такое роман-интервью? Раньше таких жанровых определений я не встречал. Но образец, вот он – неожиданное, казалось бы, недопустимое смещение литературы и журналистики стало по классическому определению – романом, являющимся развернутым повествованием о жизни и «развитии личности главного героя в заданных жизнью своеобразных обстоятельствах». В книге – все правда, все пережито автором. Только знающий человек мог это написать: «Товстоногов всегда просил: “легче”! Ну, Господи, как это тяжело! Только ходивший по сцене человек понимает это. Как легко становилось, когда ты слышал это его четкое “да”. И как невыносимо муторно было его резкое или усталое “нет”, тяжелое “нет”...» «...О Стржельчике. Первое, самое банальное заключалось в том, что ему безумно нравилось быть актером. Я эту радость в жизни не получаю, например, когда узнают. А он был актером во всем...» Где еще прочтешь об этом, соберешь такие подробности! А они в этой книге на каждой странице. Вероятно, симпатизируя Андрею, понимая важность поставленной им литературно-исторической задачи, его коллеги так доверительно могли рассказать о своем ремесле, о личных представлениях, каким был тот или другой мастер на сцене и за ее пределами. Большинство глав этого романа

так и называются: «Из беседы с Людмилой Шуваловой», «... с Олегом Басилашвили...», «...с Татьяной Дорониной...», «...с Алисой Фрейндлих...», «...с Михаилом Боярским». И так двадцать имен. Большинство имен, известных в России. Но есть имена специалистов невидимых в театре специальностей, без которых не было бы современного театра.

Один из них Владимир Куварин – заведующий постановочной частью театра. Я хорошо знал этого неутомимого человека, мы с ним быстро нашли общий язык, от него многое зависело при строительстве студийного корпуса во дворе театра, стоило ему пожаловаться Лаврову, с которым у него были прекрасные отношения, неприятностей не миновать. Помню, когда строительный процесс затруднял, а то и перекрывал дорогу в склад с декорациями, он звонил мне и вежливо просил: разреши проехать, Михаил Константиныч.

Многое, важное, чего я не знал о нем, открылось в беседе Андрея.

«— А какое самое тяжелое воспоминание Вашей жизни?»

— Ох... С 45-го года я работаю в театре. И я рад, что работаю в театре. Конечно, бывало разное. Бывали сложные времена, бывали легкие за эти полстолетия. Но сказать о том, что было что-то очень тяжелое... Мне было тяжело, когда я перешел на должность зав поста из макетчиков. Совсем другая должность. В макетчиках я был сам себе хозяин: когда хочу, тогда и работаю – хоть ночью, хоть днем. А здесь совсем другое дело. Было

тяжело, но физически скорее. Самая большая тяжесть – смерть родителей, это было самое тяжелое в жизни. А трудности и сложности в работе – так ведь без них не проживешь, верно?

– Даже ранение не вспоминается как тяжелый случай?

– А что ранение? Пришлепнуло – больно не было. Страшно тоже не было. Повалялся в госпитале.

– Вообще, похоже, для вашего поколения слово «надо» – решающее. Так? —

Обстоятельства были такие, обстоятельства. Ведь война. Ну, надо! Другого не возникало. Не могу сказать, чтобы во время войны и после мучился чем-то, какими то проблемами, чтобы приходилось что-то решать, жизненный выбор делать.

– Вы никогда не оказывались в ситуации выбора?

– Какой выбор? Один раз выбрал в сорок пятом году, пришел в театр работать – вот и весь выбор. Чего еще выбирать?»

Наверное, магнитофонная запись как-то редактировалась. Но живая бытовая речь с профессиональными словечками и оборотами осталась. Вообще эта книга не только читается, как увлекательный роман, но еще и «смотрится», легко представляется, как спектакль, в котором автор одновременно режиссер и комментатор главной темы своего творения: кто такие эти люди, творящие чудо театра. О себе – актере, при этом Андрей почти не упоминает. Но в книге он явно присутствует как второй главный герой – как ее ав-

тор. Еще не зная, что писатель – это его последняя роль, он заканчивает авторское вступление печальным воспоминанием: «29 апреля 2007-го мы прощались с Кириллом Юрьевичем Лавровым... Он пришел в БДТ намного позже Стржельчика, но прожил в нем почти столько же...» А через год – в апреле 2008-го театр провожал Андрея Толубеева. Как-то слишком быстро – вмиг все произошло. Мне показалось, что вместе с ним ушла часть меня. Да, так оно и случилось на самом деле. Мир каждого из нас – это наши родные, близкие, друзья – все те люди, которые, как нам кажется, неотделимы от нашей жизни, и они остаются в ней навсегда. И в то же время, когда они неожиданно уходят, перестают быть в своем материальном облике, этот «наш мир» уменьшается, сжимается, как прорубь в затягивающейся льдом реке.

Я помню, в детстве никогда не думал, что моя мама вдруг умрет. В голову такое не могло прийти. Но это случилось. Такого горя я не переживал больше никогда. Маминой доброты, в которой вырос, хватило на всю жизнь. Что-то со временем, конечно, забывается, но ничто не исчезает. Это хорошо чувствовал Андрей. Потому не случайно у всех своих собеседников в книжке о Стржельчике он спрашивает о первых ярких впечатлениях детства. Как психолог и как преподаватель он знал, что именно эти впечатления влияют на характер человека, ими определяется профессиональное развитие и бытовое поведение. Поэтому Андрей искренне тревожился о воспитании молодежи, которое не видел в отрыве

от воспитания любви к большой и малой родине. Любви к Санкт-Петербургу.

В последние годы жизни Андрея особенно тревожила историческая судьба Санкт-Петербурга. Как он говорил – старый Петербург – это часть нашей общей души, о которой, как о Боге, забывать нельзя. И боролся всеми ему доступными средствами за сохранение этой души.

Сегодня, приходя на заседания Общественного совета города, я невольно ищу глазами Андрея. Он никогда не стоял один, его окружали люди. В его советах, добрых, умных, нуждались многие. Думаю, это закон: чаще всего воплощаются в жизнь советы человека, которому веришь и которого любишь. Андрей был именно таким.

Мне, как в детстве, хочется чуда. Увидеть Андрея живого и веселого, улыбающегося своей неповторимой, незабываемой улыбкой. Хочется услышать его оптимистичный ответ на мой тревожный вопрос:

– Андрей, где ты был так долго?

– Чуть-чуть приболел, Константиныч.

Возвращаясь с работы, я иногда прохожу вдоль Мойки, чтобы взглянуть на дом моего доброго друга. Вот и сегодня я иду «нашей дорогой». Лед с реки сошел, и вода, как будто возмущенная непреложными законами своего ограниченно-го бытия, отчаянно бьет волной, как кулаком, в гранитные берега. Я останавливаюсь у Синего моста, на том самом месте, где заканчивались наши совместные с Андреем прогулки.

ки. По-моему, ничего не изменилось. Только, кажется, что Мариинский дворец стал еще величественнее, еще раскидистее в своем ответственном государственном бытии. Но все так же стремителен в своей безучастности к происходящему бронзовый Николай 1. Все так же ликует «Астория», подавляемая нравственно и архитектурно неоглядной машиной Исаакия. Все те же: шум машин и черные силуэты спешащих, горбящихся от холода петербуржцев. Я долго смотрю на окна квартиры Андрея. Все тот же теплый, родной свет струится из них.

Звездная судьба. Великий тренер Вячеслав Алексеевич Платонов

Легким прогулочным шагом я шел по берегу Невы к своему дому на Большой Морской. Чувствуя ответную вибрацию сердца, глубоко вдыхал насыщенный упругими капельками влаги воздух. Он был тяжеловат для моих легких, усердно мне служивших на всем моем строительном поприще. Я любовался самым красивым, ставшим мне родным городом мира и пытался понять, как мне, родившемуся в глухой сибирской деревне, удалось вторую половину своей жизни жить не просто в Санкт Петербурге, а на одной из его центральных, красивейших улиц, где когда-то только вельможи имели право строить себе дворцы. Мне было совестно перед теми коренными ленинградцами, которые этот город своими жизнями, своим великим общим подвигом отстояли и для меня тоже. Их давно нет, нет даже имен тысяч блокадников, покоящихся на Пискаревском кладбище, а я живу вместо них. Или – за них? Да, я должен воплотить их мечты, их надежды, выразить городу их любовь. И свою – тоже. Бог дал мне одну из самых гуманных профессий – смолоду я строитель. Сейчас строю жилища для новых петербуржцев. Стараюсь, чтобы квартиры строительного треста, который я возглавляю уже несколько десятков лет, были удобными, уютными,

недорогими. Мне, знающему не понаслышке, а на примере судеб отца и матери, что такое война, так хочется искупить и оправдать свою счастливую по моему пониманию жизнь. Жизнь – в которой есть любимая профессия, любимая семья, добрые друзья и удача. Или Божия помощь?

Я пристально посмотрел в небо, как будто хотел увидеть там моего незримого Помощника. Но увидел лишь множество звезд, что означало – на дворе август. Именно этот, таинственный в своей непостижимой пограничности месяц обильно сеял звезды по ночам. Вспомнились известные строки Маяковского:

*...если звезды зажигают
– значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо, ч
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!*

Да, действительно, «если звезды зажигают, значит – это кому-нибудь нужно»... А звездные судьбы? Их тоже Кто-то зажигает? Или они зажигаются сами? С долей смущения скажу, что и моя судьба близка к звездной, одних званий и наград у меня – десятки, и авторских книг – десятки. То, что я Кому-то нужен в этой жизни, мне льстит, но уверен, что и от меня многое в моей «звездной» судьбе зависело и зависит. Да что – обо мне. Есть у меня друзья, на примере судеб

которых я могу с уверенностью сказать, что «нужно» это в первую очередь самому человеку.

* * *

Каких только сравнений поэты не придумали Луне. Сегодня она, упругая, динамичная, взлетевшая в небо из-за купола Исаакиевского собора, почему-то мне показалась похожей на волейбольный мяч. Может, потому, что дорогой я вспомнил своего выдающегося друга, знакомством с которым очень гордился и горжусь, – великого волейбольного тренера Вячеслава Алексеевича Платонова. Нет, он был не звездой, он был Великой Планетой!

Сегодня спорт в России – одна из составляющих ее национальной политики. Сегодня – волю к победе, спортивные успехи и убедительный пример показывает нам сам Президент Владимир Путин. Сегодня все победы – во славу России. Мы знаем поименно наших великих современных спортсменов. Так ли был популярен спорт несколько десятилетий назад, когда Россия оказалась на грани распада, когда ее некомпетентные, нечестные руководители, как бессовестные барыги, торговали суверенитетом нашей Родины? Но и в те, недавние времена спорт оставался средоточием патриотизма.

Что значит сегодня волейбол для россиян? Эта игра интересна неширокому слою ее почитателей. А когда-то, в пору

блистательных спортивных побед, наши волейболисты были кумирами для миллионов болельщиков, в настоящее время ряды «фанатов» волейбола поредели катастрофически. И это понятно: нет побед, нет интереса, нет признания. Правда, случайные, незакономерные победы бывают и в наше время. Например, на Олимпийских играх в Пекине российская сборная добралась аж до полуфинала, где уступила будущим чемпионам – американцам. После этой игры вдова великого волейбольного тренера Вячеслава Алексеевича Платонова Валентина Ивановна с досадой высказалась в адрес спортивных чиновников:

– Пусть все помнят, что сделал для страны Платонов и как именно он это сделал. Некоторые из них думают: взять золото на мировых чемпионатах – это как в булочную за хлебом сходить...

Про булочную, конечно, сказано под горячую руку обиды. Однако во всем остальном – она права. С уходом Платонова закончились наши безоговорочные, закономерные волейбольные победы. Закончилась победная целая эпоха в отдельно взятом виде спорта, которую вполне можно назвать «платоновской». Одно только перечисление достижений и успехов Платонова, его званий и титулов займет несколько страниц убористого текста. Позволю себе назвать хотя бы некоторые.

Несколько лет Вячеслав Алексеевич возглавлял сборную СССР, которая под его руководством становилась шести-

кратным чемпионом Европы, победителем Олимпийских Игр 1980 года, двукратным чемпионом мира, трехкратным обладателем Кубка мира и т. д. Начиная с 1967 года, с небольшими перерывами и до самой смерти Платонов являлся и главным тренером ленинградской команды «Автомобилист». Его неоднократно признавали лучшим тренером мира (1981, 1991 гг.) и лучшим тренером Европы (1986, 1990 гг.), а в 2001 году вместе с японским тренером Ясутако Мацудайро он был назван лучшим тренером XX века в мужском волейболе.

Можно было бы продолжать, но перечисление заслуг и титулов недостаточно, чтобы представить личность этого человека. Я многое о нем помню, могу рассказать о его характере, о привязанностях, о стремлениях и достижениях. Но главные особенности Платонова – сила характера и душевная целостность. Время неумолимо. Совсем недавно я разговаривал с этим выдающимся человеком, лучшим в мире волейбольным тренером, как сказано в одном из его международных свидетельств. Помню, как смеялся над его остроумными шутками, пожимал его уверенную руку, спорил, учился его выдержке и стойкости. Плохо верится, что моего кумира и доброго друга уже нет. В 2005 году, будучи в силе, обуреваемый новыми планами, он неожиданно ушел от нас – трагедия для родных, друзей и всех почитателей его мастерства. И моя личная огромная потеря.

Всю жизнь я проработал в строительстве, на своем веку видел много руководителей, и поэтому говорю с уверенностью – Вячеслав Алексеевич был выдающимся учителем, психологом и мудрецом. Эти качества не приобрести в институте, отчасти они присущи человеку от рождения, но для своего проявления требуют личного преобразования, дерзновения, постоянного духовного совершенствования. У Платонова было столько сил, интеллектуальных, физических и нравственных, такой груз, который он на себя взвалил и успешно нес до самого конца жизни, под силу немногим.

То, сколько хорошего он сделал для спортивного Ленинграда и Петербурга рубежа веков, все более отчетливо проявляется на фоне наших нынешних спортивных неудач. Чем больше современных турниров и матчей на высшем уровне отделяют нас от громких побед сборной СССР и ленинградского «Автомобилиста», тем выше становится проба побед тренера Вячеслава Платонова. А в моей жизни он поныне остается мне примером того, как можно и нужно жить, чем надо обладать, чтобы достигать поставленных целей, не ища легких путей. Пока я жив, всем буду говорить, что тренер Платонов – великий человек.

Когда в моей жизни возникают тяготы, когда появляются неразрешимые вопросы в работе, в производственных отно-

шениях, я вспоминаю своего великого друга. Примеряю на себя его поступки, предполагаю, что бы он сделал, что посоветовал бы мне в таком-то случае. Поверьте, помогает, успокаивает, и находится решение вопроса, и отступает отчаяние.

Величие Платонова проявлялось не только в спортивных успехах, но и в повседневных делах, в рутинных вопросах, связанных с обеспечением быта команды. Понятие «великий» имеет и пространственные, и временные параметры. Великий – это тот, о ком помнят в веках. Великий – тот, кто в своих деяниях превышает привычную меру человеческих свершений. У великого человека – обязательно великая душа. Но сам человек не может оценить степень своей значимости в мире. Поэтому его присные, его единомышленники должны оценить и отразить его творчество – именно творчеством можно назвать все, что он делал, потому что созидание человеком своей жизни – есть высший творческий процесс. Попробую оценить.

* * *

Платонов при жизни назван великим. Однако его не только хвалили, но и ругали, и, бывало, крепко. Однажды это сделал Борис Ельцин. «Мы потеряли народный волейбол», – прогнусавил, как всегда не разобравшись, этот непопулярный президент России, уверенный в том, что уж в волейбо-

ле-то он разбирается отменно, ведь он и сам в институтские свои годы иногда играл в волейбол. И мне казалось, что я хорошо разбираюсь в правилах этой игры, потому что играл в молодости.

С волейболом, как игрой, я познакомился очень рано, даже не в молодости, а в детские годы. В любое свободное время молодежь в моей деревне Погодаевой находила себе спортивные развлечения. Летом в выходные дни большая поляна перед деревней со стороны речки Тушамы была площадкой для игр в лапту и городки. Там же по вечерам разводили большой костер, и радостные и счастливые молодые люди носились вокруг него, похожие на дикарей из книг Стивенсона и Купера. Мы, пацаны, всегда были рядом, вольно или невольно перехватывали на лету азы и приемы мастерства, подбирали и недозволенные слова, и выражения. В лапту мы – десятилетние играли отлично, были равноправными партнерами мужской и женской половинам деревни, в беге и ловле мяча превосходя многих взрослых. При формировании команды – это обстоятельство всегда учитывалось, ну а если при этом мы вырывали победу, счастьем не было предела. Поныне мое сердце начинает учащенно биться от радости, когда я вспоминаю те свои детские победы.

С игрой в футбол было похуже. Очень редко играли в него на поляне. Причин тому было много: поляна не была достаточно ровной площадкой, пригодной для этого заморского развлечения, да и край ее у крутого берега реки, как

назло, притягивал мяч, норотивший сорваться с обрыва. Ну и самое главное, нужно было найти двадцать два человека с приблизительно равными навыками футбольного мастерства. Вот в Нижне-Илимске, большом селе, что расположился по другую сторону Илима, контрапунктом повторяя изгибы реки на протяжении нескольких километров, другое дело: и стадион был с размеченным стандартным полем, да и желающих поучаствовать столько, что кроме команды еще и целая скамейка запасных набиралась.

Поэтому самой любимой игрой в деревне был волейбол. Мы начинали, как только стаивал снег помню это блаженное время, когда землей, готовящейся к возрождению, с жадностью впитывались весенние лужи и зацветала черемуха, окружая всю деревню зыбким ароматом и цветоносным светом. Кроны черемух напоминали трепещущие на ветру купола парашютов, казалось, на них спускаются на землю вешние дни. Каждый вечер парни и девчата выходили играть в волейбол. Играли увлеченно, весело, беззлобно, здесь царил общая радость. Только непререкаемый зов матери мог остановить мою игру, и я нехотя брел домой, утешая себя непреложным доводом – завтра рано вставать.

Площадка для волейбола была оборудована за деревней, рядом с гумном. Там уже заканчивались придомовые огороды, но еще не начинались колхозные поля, вот здесь мудрые взрослые и нашли отличное место для наших спортивных развлечений. Оно было хорошо тем, что находилось недале-

ко от околицы, рядом с дорогой, ведущей в Кулигу, на Малую речку, в лес, где каждый год заготавливали дрова, чтоб пережить зиму. То есть все проходящие становились нашими невольными зрителями и болельщиками.

Я и сейчас вижу это место, правда, отстраненно, словно с самолета или с высоты возраста моей жизни. И обязательно вижу слева Красный Яр. Эта природная каменная стена, не подвластная времени и невзгодам, как будто прикрывала от них деревню, поля, всех нас своей закаленной непостижимой силой. А дальше, впереди всегда вижу Качинскую сопку, эту печально-одинокую гору, постоянно присутствовавшую в интерьере нашей крестьянской жизни. Хоть до нее расстояние сорок километров, но она всегда была рядом, словно таежный маяк, словно член коллектива. В тяжелые минуты прикоснешься к ней взглядом, убедишься в ее незыблемости, и беды покажутся маленькими, незначительными в сравнении с ее неколебимым величием, которое сродни Вечности.

Всегда хотелось забраться на Качинскую вершину и постичь тайны окрестного мира. Каждый год после окончания учебы для школьников организовывалась экскурсия на Качинскую сопку. Конечно, отсюда угол обзора расширился, но весь мир виден не был, всегда что-то загораживало, мешало рассмотреть даль. Чуть правее сопки, там, где дорога шла к Малой речке, горизонт закрывал Шальновский хребет, но он был далеко, его вершины были чуть видны, если не затеня-

лись облаками, мне всегда казалось, что там заканчивается земля.

Вот в этом средоточии волнующей красоты, на пересечении меридианов вечности и параллелей времени и находилась площадка для игры в волейбол. В благодатное время – а это май и начало июня, когда мошка, или, как ее называли, гнус, еще не созрела и не вылетела, подгоняемая неумным намерением жадно впиться в любое живое существо, деревенская молодежь выходила играть в волейбол. Как сейчас помню эти благоуханные вечера, воздух, сотканный из ароматов черемухи, смородины, сосны, ели. Площадка обрамлена, как картина золотой рамой, из ярких жарков, солнечными цветами, излучающими сияние и тепло. Наш волейбольный мяч не нарушал природной идиллии. Он, как возбужденный жук, упрямо и целенаправленно летал над самодельной, в иных местах аккуратно зашитой сеткой. В команду пацанов не берут, нам остается бегать за откатившимся мячом, следить линию. И то – радость! Иногда мне доверяют судить. А это уже – счастье!

Зрителей немало, полдеревни болеет, каждый – за своего героя, а ты руководишь всем процессом. Подача справа, подача слева, потеря подачи, очко. Игра закончилась, все расходятся, обсуждая процесс и результат. Долго не заснуть, ты все еще на площадке, взор прикован к лежающему мячу, анализируешь удачи и ошибки, мысленно проигрываешь матч, как тренер придумываешь новые возможные комбинации и

уловки, надеясь, что завтра вновь услышишь заветные слова:
– Миша, будь судьей.

Волейбол для меня закончился, когда я уехал из деревни. В городе все по-другому, там к спорту относятся профессионально, с научной точки зрения.

– Ты, Миша, ростом маловат. Конечно, если любишь волейбол – люби, но в команду не возьмем, не обижайся. Займись тяжелой атлетикой, тебе больше подойдет...

Я все это понимал, свои возможности не преувеличивал и к восемнадцати годам понял – волейболиста профессионала из меня не получится. Так из спортсмена я превратился в болельщика. Я много читал, в подробностях изучил историю возникновения волейбола. Помню, как удивился, узнав, что придумал эту игру американец – преподаватель физкультуры Уильям Морган. До этого я был убежден, что волейбол – русское изобретение, даже сибирское.

На самом же деле в 1895 году американский преподаватель физкультуры из Гелиокского колледжа Уильям Морган объявил об изобретении игры, назвав ее «Минтонет». Изобретение было простым – он повесил сетку для лаун-тенниса на высоту два метра, и участники странной игры стали руками подкидывать над сеткой бычий пузырь.

Но это «открытие» можно, скорее всего, назвать «заявкой на изобретение». Ушлый американец просто официально закрепил за собой изобретение игры, которая пришла к нам из древности. Есть сведения, что в подобные игры люди играли

сотни и тысячи лет назад, причем в самых разных районах земного шара – в Европе, в Центральной и Южной Америке. Сохранились хроники древне римских летописцев, датируемые третьим веком до нашей эры, в которых описывается игра, напоминающая волейбол: по непонятно из чего сделанному мячу игроки били кулаками. Кроме того, известна древняя игра под названием «фаустбол», в которую играли еще в пятнадцатом веке. Суть игры сводилась к тому, что от трех до шести игроков из каждой команды стремились перебить мяч через невысокую стену на площадку соперника. Со временем фаустбол приобрел популярность в Европе и видоизменился. Каменную стену заменили шнуром, натянутым между деревьями, размеры площадки сократили и строго ограничили количественный состав игроков – по пять человек в каждой команде.

* * *

Эту историю можно продолжать, но, как бы то ни было, американцы и волейбол втянули в сферу своих интересов.

В 1900 г волейбол вышел за пределы США и начал быстро распространяться в других странах мира, приобретая все большую популярность. Сначала Канада, а затем Индия, через которую игра проникает в страны Азии. В 1900 году были изготовлены первые волейбольные мячи. В том же 1900 г. были приняты первые официальные правила игры.

А в 1922 г. США выступили с предложением включить эту игру в программу Олимпийских игр.

И Россия, а после Советский Союз, не отставали. Отечественный волейбол стал быстро развиваться сначала в приграничных районах, затем на Средней Волге, Дальнем Востоке, в Москве, на Украине, в Закавказье. Уже в 1922 году в Главной военной школе физического образования были переведены первые правила соревнований по волейболу. Представители созданного в 1923 года спортивного общества «Динамо» активно занимались волейболом. У нас в стране официальной датой рождения волейбола принято считать 28 июля 1923 года. В этот день в Москве состоялся первый матч между мужскими командами ВХУТЕМАСа (Высших художественных и театральных мастерских) и Государственной школой кинематографии. В 20-х годах проводится большое количество межгородских встреч и соревнований, волейбол приобретает популярность и массовость. Первыми регулярно начали заниматься волейболом студенты.

В 30-е годы проводятся первенства ВУЗов и профсоюза советских и торговых служащих (СТС). В 1932 году из Всесоюзной секции ручных игр была выделена секция волейбола, которая отвечала за развитие игры у нас в стране. В 1933 году в Днепропетровске был проведен первый Всесоюзный волейбольный праздник, с которого начался отсчет чемпионатов СССР среди сборных команд городов. Очень популяр-

ными в то время были междугородние матчи, которые собирали огромную аудиторию, ведь играли спортсмены на площадках под открытым небом в местах для отдыхающих – в парках, скверах.

Первые международные встречи сборной СССР были проведены в 1935 году в Москве и Ташкенте со спортсменами из Афганистана. Встречи проводились по «азиатским» правилам (9 человек на поле, игроки не совершали переходов, счет в партиях велся до 22 очков), но выиграли их советские спортсмены. Это произошло во многом благодаря правильной тактике игры.

Соревнования по волейболу на открытых площадках собирали большое количество болельщиков. Среди зрителей были и иностранные туристы, восхищавшиеся мастерством спортсменов и популярностью самой игры. Известен факт, что в 30-х годах в «не волейбольной» Германии были изданы правила соревнований по волейболу под названием «Волейбол – народная русская игра». Волейбол стремительно завоевывал симпатии любителей спорта. Вот как описывает популярность этой игры у москвичей лауреат Государственной премии, доктор географических наук, мастер спорта СССР Сергей Кузнецов: «Никогда не забуду “волейбольный ряд” центрального парка культуры в середине-конце тридцатых годов. Одна за другой выстроились десять или двенадцать волейбольных площадок, которые, по мнению специалистов, считались одними из лучших. Площадки ЦПКиО жили пол-

ной жизнью. Сюда приходили лучшие волейболисты страны: все двенадцать площадок были как бы разными классами своеобразной волейбольной академии. “Зеленые” новички начинали на самых крайних, но постепенно росло мастерство, и многие доходили до первых площадок. Волейбол остался со мной на всю жизнь».

Отечественный волейбол всегда занимал ведущие позиции в мире и воспитал выдающихся мастеров игры, имена которых широко известны в международном спортивном мире. Поэтому назову лучших спортсменов. Среди них москвичи: К. Рева, С. Нефедов, В. Щагин, А. Якушев, В. Осколкова, А. Чудина, В. Свиридова, М. Еремеева, Г. Мондзюлевский, Ю. Чесноков, Н. Буробин, В. Коваленко, Д. Воскобойников, А. Рыжова, Л. Булдакова, Р. Салихова, Н. Смолеева, Л. Чернышева, А. Савин, О. Молибога, В. Кондра, В. Чернышев; ленинградцы: В. Ульянов, П. Воронин, А. Крашениникова, Г. Гайковой, Л. Михайловская, В. Зайцев, В. Дорохов; киевлянин М. Пименов; харьковчанин Ю. Поярков; бакинка И. Рыскаль; одессит Е. Лапинский; рижане: В. Лоор, И. Бугаенков, П. Селиванов; свердловчане: Н. Радзевич, В. Огиенко, И. Смирнова, М. Никулина. Можно и далее продолжать этот список. Первыми мастерами спорта СССР стали волейболисты Б. Арефьев (Москва), С. Великий (Днепропетровск), В. Галактионов (Ленинград), Е. Гончарова (Ростов-на-Дону), К. Топчиева (Москва).

Почему так подробно пишу об этом? Только по одной

причине, что в настоящее время волейбольные площадки исчезли из мест отдыха людей, волейбол не моден и в учебных заведениях. Часто вспоминаю поэтические слова Вячеслава Алексеевича Платонова, человека, целиком и полностью посвятившего себя волейболу:

– Возвращайся же поскорей в наши дворы и парки, старый добрый друг волейбол. Мы соскучились по тебе.

* * *

Придя домой, я открыл книгу моего друга Вячеслава Платонова «Моя профессия – игра», вышедшую после его смерти. В ней он отразил свой тренерский опыт, поставил задачи перед новыми поколениями тренеров и игроков. Может, там я найду ответ на вопрос, почему эти вдохновенные слова великого тренера остались не услышанными? Я наугад открывал страницы, и всякий раз меня поражала глубина мысли автора, насыщенность и информативность текста. Я понял, сколько нужно условий, чтобы побеждать. И площадки в парках лишь первый шагочек, хотя и необходимый.

Мне казалось, что Вячеслав Алексеевич держит в своей тренерской голове четкий план действий, от которого в течение поединка не отходит, а оказывается, как он признается, все не так. «Ведение игры – само по себе большое искусство. Многое здесь делается по наитию, интуитивно, но опыт выработал и рациональные приемы ведения игры, которых

стоит придерживаться.

Если команда играет хорошо – не мешайте ей своими заменами. Теоретически верная замена хорошо играющей команде только вредит. Первая заповедь – “не навреди”. Это относится как к тренеру, так и к выходящему на замену игроку. Если у команды не заладилось, вступайте в игру вы, тренер, своими заменами и тайм-аутами начинайте свои тренерские игры. Но прежде, чем к ним приступать, проанализируйте причины плохой игры, прикиньте, смогут ли эти замены изменить ее ход. Может быть, они еще больше развалят ее. Может быть лучше команде “отстояться”, прийти в себя. Возможно, надо найти сильно действующие слова, средства психологического воздействия. Замена не должна быть потерей, она (замена) всегда должна иметь идею, реальную, конкретную идею. Если же замена “не пошла”, моментально откажитесь от нее и верните на площадку замененных игроков, не упорствуйте, не упрямитесь. Теоретически вы сто раз правы, но в данный момент нет победителей, есть только проигравшие. У игры свои непредсказуемые течения и законы».

Я задумался над листами раскрытой книги, и первое, что пришло на ум, что я несказанно благодарен трудным девяностым хотя бы за одно то, что в водовороте перестроечных событий жизнь подарила мне встречу с Платоновым и привязала нас друг к другу на долгие, вернее, короткие десять лет. Платонов запомнился мне мудрым и скромным, таким

же, как Кирилл Юрьевич Лавров, с которым я тоже дружил. Какие характеристики Платонову можно дать как тренеру?

Главное, наверное, состоит в том, что говоря о Платонове, называя его профессиональные заслуги, трудно считать их только следствием развития личности. Нет, без божественного дара здесь не обошлось. Вячеслав Алексеевич был отмечен Божией искрой, понимал это и, сберегая великий дар, развивал его силой собственной воли. Нахожу много тому подтверждений в книге моего друга.

«Велико напряжение – нервное, душевное, психическое, испытываемое людьми нашей профессии. Не жизнь, а сплошной стресс. Надо помнить об этом и готовить себя к этому. Вспоминаю одного своего коллегу. Мы тренировали разные по классу команды. Я – одну из ведущих команд высшей лиги, ленинградский “Автомобилист”, он – клуб, занимавший обычно шестое – восьмое место в чемпионате.

Но выигрывали мы у них всегда тяжело, случалось, и проигрывали. Нам нельзя было терять очки, им – не страшно было нам проиграть, а если уж они у нас выигрывали, это воспринималось как сенсация. Обычно этот тренер держался на скамейке легко, непринужденно, раскованно. К тому же я был главным тренером сборной команды СССР, а он, как мне казалось, в какой-то мере примерял на себя мой “костюм”. Что ж, плох тот солдат, кто не мечтает стать генералом. В общем, в соперничество

команд привносились (вмешивались) личные амбиции тренеров. Но вот в один из сезонов его команда заиграла так, что стала претендовать на одно из призовых мест. Наша встреча, одна из последних в чемпионате, решала очень многое для команды моего коллеги. Под давлением сильного нервного стресса он наделал много ошибок в ведении игры (забыл, кого на кого менял, просил лишние тайм-ауты, за вторую неподготовленную замену получил карточку), и его команда с треском проиграла.

Умение выходить из стрессовых ситуаций надо в себе воспитывать, хотя чаще всего его воспитывает сама жизнь. Архиважно самокритично проанализировать свои действия игры, в спокойной ситуации, наедине с собой, а еще лучше – с другом-помощником. Ведь бывает, что тебя так захватит игра, столько отдашь ей нервов и души, что многие детали пройдут мимо твоего сознания, не отложатся в памяти. Иногда мне рассказывают, что я делал или говорил во время матча то-то и то-то, а не верю, не может быть! Для меня это были несущественные детали, а моим помощникам, оказывается, они запомнились как что-то смешное или драматичное».

Мне всегда было интересно наблюдать за работой Вячеслава Алексеевича. Ругался он редко, да и то как-то не всерьез, зубами не скрежетал, ногами не топал. Что-то подсказывал во время игры какому-либо игроку, находящемуся на площадке, иногда говорил несколько напутственных слов

спортсмену, выходящему на замену. Мы не видели всей кропотливой работы, которая начиналась на тренировках, мы видели победный итог игры.

Я как-то спросил у Вячеслава Алексеевича:

– Кто такой тренер? Как можно сформулировать суть этой профессии?

Он задумался, потом, подбирая слова, ответил:

– Знаешь, каждый находит свое определение этой трудной профессии, которую я бы назвал призванием. Мы часто слышим: тренер должен быть психологом; у тренера должен быть свой почерк; тренер всегда диктатор; и так далее, и тому подобное. То есть тренер всегда и всем что-то должен: спортсмена научить, вывести на пьедестал, болельщика не подвести в его надеждах на победу. На самом деле все это правильно и вместе с тем неточно. Знаешь, кто такой тренер? Тренер – это тот, кто нужен в данный момент. Он не может быть всегда одним и тем же – по очень простой причине: эта профессия из тех, что подразумевает управление уникальной, каждый раз меняющейся, непредсказуемой ситуацией. Всей сразу. С множеством составляющих. А количество таких ситуаций бесконечно. Так вот, тренер должен быть психологом – когда это нужно, нянькой – когда требуется, должен быть и строгим, и мягким, должен быть тактиком, а в непредвиденных случаях забыть все домашние заготовки и действовать по вдохновению.

Сейчас я понимаю, чем к большему количеству ситуаций

тренер может подобрать ключи, тем выше его квалификация. Действительно, об этом Платонов пишет и в своей книге, которая интересна не только как специальная спортивная методичка, но и как система жизненных смыслов, должных заинтересовать любого человека, стремящегося к победам, к самосовершенствованию.

«Готовясь к игре, обязательно учитывайте личность своего коллеги – противника. Наблюдайте за ним, составьте его психологический портрет, узнавайте его творческое кредо. Как спортсмен перед поединком анализирует действия своего оппонента, так и вы, тренер, должны делать это тщательно. Начинайте личную подготовку к игре как можно раньше – на пресс-конференциях, в интервью, при личных встречах, через друзей и врагов. Хвалите, ругайте, не замечайте, избегайте контактов или, наоборот, общайтесь с тренером команды противника, но постарайтесь заставить его нервничать или, наоборот, успокоить, расслабить, сделать злым или добродушным. Все это также должно входить в тренерские подготовительные игры перед матчем. Конечно не они главное в подготовке, скорее это мелочи, имеющие второстепенное значение, но, сегодня тренироваться хорошо могут многие, а побеждает тот, кто учитывает все детали и умеет положить их в банк победы вовремя и под хорошие проценты».

Со временем мне все более и более раскрывается харак-

тер Вячеслава Платонова. Раньше я был убежден, что тренер – это тот же спортсмен, участвующий в игре, только имеющий больше опыта, личность романтическая, может, даже артистическая. Теперь я понимаю, что тренер (конечно, хороший, высокого уровня) – это аналитик, математик, психолог экспериментатор. Может, даже космонавт, потому что все время идет в неведомое, в открытый космос, туда, где ошибка стоит боли сердца, личной трагедии, возможно, даже гибели. А главное, от твоей ошибки зависят судьбы тех, кого ты ведешь к подвигу.

«Самое правильное решение, принятое во время матча чуть раньше или чуть позже нужного момента, становится ошибочным. Тренер играющей команды, как шахматист в цейтноте, должен принимать молниеносное решение.

Обязательно нужно готовить замену. Позовите к себе волейболиста, объясните идею замены, успокойте его, посмотрите ему в глаза – они о многом вам скажут. Поставьте ему конкретные задачи, с акцентом на наиболее важное в данный момент для команды. Если вы предупреждали спортсмена о замене, но не сделали ее по каким-то причинам, объясните ему, почему так поступили.

Мне посчастливилось тренироваться у наставников, каждого из которых считали седьмым игроком по площадке. Четко руководя командой во время матча, они часто спасали нас от поражений, помогали в трудные минуты, находя нестандартные ходы, – можно

сказать, они играли вместе с нами, и иногда они выигрывали игры, а не мы. Это высший класс тренера».

Но игра когда-то заканчивается. И вот трудная Победа! Овации! Слезы радости! Здесь закономерен вопрос – как тренер это сделал? Кто-то убежден, что это легко и очевидно! Кто-то завистливо шипит: «Мы и сами так можем». Но вот Платонов ушел, и некому повторить даже маленькую толику того, что он сделал. И никто не хочет вспомнить, как он это делал.

Однажды мне удалось уговорить Вячеслава Алексеевича разрешить мне понаблюдать за его работой, побыть рядом с ним на скамейке во время игры. Я хотел ощутить дыхание сражения, понять поведение тренера и игроков. С трибун, как ни присматривайся, на мой непрофессиональный взгляд всегда что-то не доглядишь, не поймешь. Мне очень хотелось очутиться в эпицентре игры, я долго уговаривал друга, не без некоторых колебаний Платонов согласился:

– Константиныч, делаю это в первый раз, ну или почти в первый раз, – поправился он, увидев мое удивленное лицо. – Почему? Матч – это мой электрический стул, мое испытание. Другим здесь нет места. Не хочу, чтобы видели мои страдания.

Игра проходила в Спортивно-концертном комплексе «Петербургский», находящемся возле мемориального «Парка Победы» в Московском районе. Застроить эту пустынную территорию предполагали с пятидесятых годов двадцатого

века. Уже были проработаны эскизы высокой доминаты типа сталинской высотки, но смерть Сталина пресекла эти планы. А после того, как было принято решение провести Олимпиаду в Советском Союзе и речь пошла о новых спортивных сооружениях, это место в одном из лучших районов города оказалось вновь востребованным.

Проект спортивного комплекса разработали советские специалисты – представители ЛензЗНИИЭПА во главе с архитекторами Н. В. Барановым, И. М. Чайко и главным специалистом по конструкциям О. А. Курбатовым, а выполнил строительство трест № 16 Главленинградстроя под руководством главного инженера А. В. Яхонтова. Здание было построено из отечественных материалов. Строительство закончили в конце 1979 года, и стадион открыли 19 мая 1980 года перед Олимпиадой.

Как и ожидалось, новый Спортивно-концертный комплекс, которому по традиции дали имя вождя мирового пролетариата, а потом переименовали в соответствии с новой идеологией новой революции, стал крупнейшим спортивным комплексом Ленинграда. В нем проводились крупнейшие спортивные соревнования по различным видам спорта. Именно в СКК в 1984 году прошел матч, ставший знаковым для Ленинграда: ленинградский «Зенит», обыграл харьковский «Металлист» со счётом 4:1, тем самым впервые став Чемпионом СССР по футболу.

В постсоветский период СКК им. Ленина переименовали

в СКК «Петербургский» (или Петербургский СКК), тем самым отметив возвращение Санкт-Петербургу исторического имени. Однако вместе с первоначальным именем из СКК ушел и спорт. В первые годы после советской власти там еще проводились крупные соревнования, такие как Игры доброй воли 1994, однако всё больше места уделялось концертам и различным шоу. В 1998 году здесь прошел финал Серии Гран-При по фигурному катанию. Кроме того, до недавнего времени каждый год здесь проводился теннисный турнир St.Petersburg Open. Но уже тогда правое крыло заняла «Ярмарка» промышленных товаров, а точнее, рынок. А в 2000 году из комплекса ушли почти все крупные спортивные турниры – главным стал новый Ледовый дворец.

Здание СКК спроектировано в виде огромного цилиндра или Колизея в стиле неоконструктивизма. Центральный вход обращен к Парку Победы, от него идет выложенная асфальтом дорожка, являющаяся своеобразным продолжением парковой аллеи Героев.

Вместимость зала 25 тысяч зрителей. Высота основной части сорок метров, ее диаметр сто шестьдесят метров. Да простит меня читатель, как строитель я не могу промолчать и не отметить достоинства этого вошедшего в историю уникального сооружения.

Играли в тот особо памятный для меня вечер с волейбольным клубом ЦСКА, сильнейшим клубом России. Это сегодня о нем не слышно и на спортивных афишах не встре-

тишь гордую символичную аббревиатуру. В былые годы лучшие волейболисты отечественных клубов почитали за честь играть под знаменами Вооруженных сил. Выступление за ЦСКА было свидетельством «высшей категории» спортсмена-волейболиста, оттуда ему открывалась прямая дорога в национальную сборную.

Главным тренером волейбольного ЦСКА был в это время Олег Алексеевич Молибога, благодаря Платонову мы были знакомы. Человек – гордость нашего волейбола. Игрок сборной Советского Союза в пору ее наивысшего успеха под руководством Вячеслава Алексеевича. Его достижения как спортсмена недостижимы: Олимпийский чемпион, Серебряный призер Олимпийских игр, двукратный чемпион мира, двукратный обладатель Кубка мира, четырехкратный чемпион Европы, чемпион Европы молодежных команд, семикратный чемпион СССР, бронзовый призер чемпионата СССР, Победитель Спартакиады народов СССР, Серебряный призер Спартакиады народов СССР, Победитель Кубка СССР, трехкратный обладатель Кубка европейских чемпионов.

И на тренерской работе достижений предостаточно. А в трудные девяностые вместе с Платоновым тянул лямку второго тренера Сборной страны.

Когда началась игра, я скромно, не шелохнувшись, сидел с краю, недалеко от Платонова, затаив дыхание, наблюдал за ним, поглядывал на трибуны, народу немного, может, ты-

сяча человек, может, две, несколько болельщиков бьют по барабанам, детские игрушки пищалки поднимают настроение. Десятка два парней после каждого удара восторженно кричат, подбадривают зрителей и спортсменов. Работает одна телекамера. Все как обычно. Особого ажиотажа нет.

Это не Аргентина, о которой рассказывал Вячеслав Алексеевич, когда крики страстных аргентинских болельщиков были сравнимы с грохотом Ниагары, с ревом реактивного двигателя и наэлектризованной ярости ансамбля поп-музыки вместе взятых.

Наши играли хорошо, выигрывали, но Платонов практически не вмешивался в игру, сидел тихо, несколько раз что-то сказал Жене Сивкову – второму тренеру. Я хоть и был рядом, ничего не расслышал. В тайм-аутах о чем-то попросил Сашу Богомолова, Семена Полтавского и Олега Согрина, негромко, мне так и не удалось ничего подслушать. После игры я спросил Платонова:

– Почему Вы так вели себя, как будто игра была безразлична Вам? Я же не раз видел, как на матчах с другими командами, понятно, не со всеми, Вы, Вячеслав Алексеевич, не сидели на лавку, постоянно находились в технической зоне, что-то подсказывали игрокам, брали таймауты, порой кричали так, что болельщики удивлялись.

Он улыбнулся:

– Значит, именно в этой игре так было нужно. Когда-нибудь я объясню тебе все эти хитрости. Найдем время, об этом

на ходу не расскажешь.

Время на беседу так и не нашлось. Ответ на этот вопрос я отыскал спустя много лет в книге Вячеслава Платонова. Сейчас, читая записки великого тренера, убеждаюсь в их правдивости. Здесь нет ничего выдуманного, приукрашенного. Даю слово очевидца и свидетеля.

«Продумайте до матча возможные варианты замен, причем самые фантастические. При дефиците времени в ходе поединка, его страшной психологической напряженности эти предыгровые мысли-идеи могут вас внезапно и очень вовремя “озарить” и оказаться единственно верными в данной ситуации.

Как вести себя тренеру во время игры? Сделать непроницаемое выражение лица и не снимать эту маску, пока не прозвучит финальный свисток судьи? Или не обращать внимание на то, как ты выглядишь со стороны, и реагировать на изменение ситуации, как это свойственно тебе в жизни? Склоняюсь ко второму варианту, но, разумеется, контролировать себя, свои эмоции надо жестче, чем на отдыхе, в дружеском кругу или даже на тренировке. Во время игры нельзя впадать в панику и растерянность, терять выдержку и самообладание. Надо всегда помнить, что игрокам на площадке тяжело и они ждут от вас помощи, а не ругани и критики, хотя и это, правда, крайне редко, помогает в отдельных эпизодах. Любите игроков во время матча, жалейте их, понимайте их проблемы, и тогда тон и содержание ваших разговоров

будут на пользу игре. Жесткий тон возможен только когда нарушена тактическая и игровая дисциплина. Хочу дать один банальный совет: берегите нервы игроков и свои. В любом конфликте в ходе поединка будьте мудрее игрока, действуйте только в интересах команды, дела. Если игрок перевозбужден, вы должны быть хладнокровны. Перенесите основное разрешение возникшей в матче проблемы на после игровое время. Первое быстрое решение иногда бывает верным, но не обязательно мудрым. Конкретные, деловые указания, как вести игру, команде и отдельным игрокам, высказанные в дружелюбном тоне, на мой взгляд, лучшая форма общения во время тайм-аутов между тренером и спортсменами».

Я часто вспоминаю ту скамейку, себя рядом с великим тренером, а понимаю только сейчас, какие бури были в этот момент внутри этого человека, сколько эмоций скрывало внешнее спокойствие лица, чуть безразличный взгляд, и как это все действовало на команду, в итоге на ее победу.

Игра, работа с командой приносила Платонову кроме огромных забот, бед, разочарований и большое счастье. Он был благодарен всем своим подопечным, он их любил.

Подбирая материалы к этим запискам, я нашел интервью Вячеслава Алексеевича, данное им после десятого чемпионата мира, который проходил в Буэнос-Айресе в спортивном дворце «Луна-парк». Приведу эти удивительные слова, потому что в них весь Платонов.

«Вроде бы не пристало мне восхищаться своей командой. Кто же не знает, что тренеру по штату положено не успокаиваться на достигнутом, не удовлетворяться сделанным? Поверьте мне – чаще всего нашим чемпионам, корифеям, заслуженным-пере заслуженным, приходится выслушивать от их старшего тренера не комплименты, а критику, ибо предела для совершенствования нет.

Но бывают минуты, часы, целые игры, когда до малейшей зазубринки знакомая команда, вместе с которой падал и поднимался, заблуждался и прозревал, которую знал, казалось, до доньшка, предстает перед тобой в сиянии и блеске, командой твоей мечты, пусть на семьдесят две минуты, но в яви, а не во сне, хоть в третьем часу ночи добропорядочным гражданам полагается смотреть сны...

Счастлив тренер, который видел однажды команду своей мечты, подготовил ее, и не подозревая до конца, на что она способна, воспламененная собственным вдохновением и трибунами...

Семьдесят две минуты длился матч, решивший судьбу чемпионского звания. Такого скоротечного финала не было еще на чемпионатах мира. Я затрудняюсь описать, как играли наши волейболисты, хотя был там, и все три партии до сих пор стоят у меня перед глазами.

Сказать – у нас получалось все, значит ничего не сказать. Один человек, когда он виртуозно владеет своим телом, – мим, акробат, жонглер, гимнаст

– поражает воображение. А тут шестеро творят с мячом, взаимодействуя друг с другом, с противником, со зрителями, нечто абсолютно согласованное, ритмически завораживающее, подчиняющее душу, сердце: танец – не танец, музыку – не музыку, игру – не игру...

Пожалуй, все же игру, ибо игра – это и танец, и музыка, и тайна. Всегда недосказанность...»

В Аргентине, несмотря на все предварительные эксперименты, выбор тренера был, по существу, ограничен восемью спортсменами. Но из них так и не достигли прежних высоких кондиций Дорохов и Селиванов. Значит, осталось шестеро. Причем, если уж быть откровенным до конца, в каждом матче (финал – исключение) у кого-то из этой проверенной шестерки были сбои, кто-то выпадал из ансамбля. Так что при свете дня выясняется, что мои опасения были небеспочвенными...

И все-таки мы победили. Победили по всем статьям! Специалисты признали нашу победу на десятом первенстве мира безоговорочной. Как же вяжется одно с другим – небеспочвенные опасения тренера и безоговорочная победа тренируемой им команды?

В общем-то вяжется. Во всяком случае, одно другому не противоречит. Тренер даже в минуту ликования – ну, понятно, не в самую минуту восторга, а чуть позже, на остывшую уже голову, – обязан думать о завтрашнем дне, должен жить будущим. Тренер, опьяненный победой своей команды, витающий

в облаках радости, быстро опускается на землю и обнаруживает себя у разбитого корыта, еще вчера – не корыта, а клипера, мчащегося под всеми парусами.

Тренер обязан опережать игроков в осознании перспектив игры, команды, в понимании встающих проблем: это его профессиональный долг. Тренер должен жить с “заглядом” вперед и предвидеть возникновение тайфуна задолго до того, как он наберет головоломную скорость.

Несмотря на все свои тревоги, я верил, что потенциал нашей сборной еще не исчерпан и она способна победить в Аргентине. Но о такой безоговорочной победе, признаться, не помышлял...»

Вот он такой – Платонов – великий человек и лучший тренер в мире!

* * *

Непогода в Пулково-2 задержала нас с моей женой Ниной в Пражском аэропорту. Мы изнывали от жары, солнце, хоть и поздней осени, пекло так, что хотелось раздеться, насколько позволял этикет. Но он многого не позволял, поэтому и обливались потом. Сначала рейс отложили на один час, потом на два, затем вылет перенесли на шесть часов. Нет ничего хуже слоняться по чужому аэропорту, хотя коротать время и в родном аэротерминале нелегко. Все они одинаковы неуютны, когда приходится ждать. Кажется, уже изучили все

объявления, рассмотрели все рекламы, купили все, что надо и не надо, в магазинах «дюти фри», насиделись так, что спину не разогнуть. В голове один вопрос: «Ну когда же? И что же это такое? Что мешает посадке в Питере – непогода»? Дождь для Питера – дело привычное. По мобильному телефону родные, ожидающие нашего прибытия, говорят, что у нас там сильный ветер со снегом. Но неужели современному самолету это стало преградой? Покоя не дают опасения и огромное желание поскорее очутиться дома.

Наконец, нас пропускают в «отстойник», через час стали пропускать через рукав в самолет. Взлетел! Вот радость-то! В полете все успокоились, кто-то вздремнул, кто-то читал газеты. Нам с Ниной за наши мучения в питерском аэропорту судьба сделала подарок – встречу с Платоновыми, прилетевшими из Берлина. После первых радостных возгласов и расспросов, откуда прилетели, что видели, его жена Валентина Ивановна шепнула мне: —

Поздравь Славу, он лучший тренер двадцатого века. Вчера в берлинском «Гранд Гала» состоялась церемония награждения.

Как ни тихо она говорила, Вячеслав Алексеевич услышал ее слова:

– Валя, лучший тренер – Ясутака Мацудаира, а я в числе тех, кто отмечен специальными призами за вклад мирового волейбола в двадцатом веке, – поправил спутницу жизни Вячеслав Алексеевич.

Я стал поздравлять Платонова, он, немного стесняясь, волнуясь, говорил мне, словно оправдываясь:

– Ну ладно, ладно, Константиныч, неудобно же, видишь, люди уже стали обращать внимание.

Я понял это по-своему и спросил откровенно:

– Ты что, обиделся, что лучшим тренером планеты по волейболу двадцатого века первым номером назвали японца Мацудайру, а тебя вторым?

– Ну что ты, быть в одной компании с Ясутакой – великое счастье. Он – главный тренер той мужской сборной Японии, которая в 1972 году выиграла Олимпийские игры. На протяжении многих лет господин Мацудайра возглавлял японскую волейбольную ассоциацию и Азиатскую волейбольную конфедерацию, занимал пост вице-президента Международной федерации волейбола (ФИВБ). Но, наверное, главная его заслуга перед мировым волейболом – это создание Мировой лиги, одного из самых престижных мужских волейбольных турниров. Вплоть до начала 90-х годов волейбол был популярен лишь в социалистических странах и в Японии. Мацудайра, бесконечно влюбленный в волейбол, очень хотел, чтобы этот замечательный вид спорта развивался во всем мире. А для этого нужен был крупный коммерческий турнир, за победу и участие в котором национальные сборные получали бы реальные деньги. Таким турниром и стала созданная им Мировая лига. Господину Мацудайре удалось увлечь своим проектом солидных спонсоров, благо тому способствовала

стабильная в то время экономическая ситуация в Японии. Несмотря на то, что сам Ясутака Мацудайра удалился от дел, его детище продолжает жить и до сих пор оправдывает себя во всех отношениях...

Кстати, к нашей стране и, в частности, к нашему городу, господин Мацудайра питает особо теплые чувства, так как считает, что именно в Ленинграде, куда в 1961 году он приехал на стажировку, он постиг таинство тренерского мастерства и проникся идеей беззаветного служения волейболу. Именно в городе на Неве жил человек, которого он считал своим учителем, – это заслуженный тренер Советского Союза, заслуженный мастер спорта, военный хирург, полковник медицинской службы Анатолий Николаевич Эйнгорн. Как написал когда-то известный петербургский писатель и журналист Алексей Самойлов: «Все мы (имеются в виду волейболисты) вышли из шинели Эйнгорна». Мацудайра один из них. По его словам, всеми своими достижениями в волейболе, начиная с олимпийской победы в Мюнхене, он обязан Эйнгорну.

Если говорить об олимпийском драгметалле, у него его больше, чем у меня: кроме золота, есть серебро, две бронзы, а у меня лишь одно золото Москвы-80. Кстати, я расскажу одну историю, и ты поймешь, кто такой Мацудайра. В 1980 году Московскую Олимпиаду вслед за Штатами бойкотировало и правительство Японии. Но федерация волейбола Японии сказала: «А мы поедем!» Президентом федерации

был Мацудайра. Он так решил не из-за симпатий, например, ко мне. Просто он считал, что бойкот – это ошибка, спорт нельзя смешивать с политикой. Понимают такие вещи многие. Но немногие могут выступить наперекор своим правителям. История потом рассудила: Япония была не права, а Мацудайра – прав. Так что быть вторым за таким человеком – большая честь для меня.

– Вячеслав Алексеевич, я знаю, ты был против бойкота Олимпийских игр в Лос-Анджелесе 1984 года.

– Был против, ноу нас не Япония. Я высказался резко, для спортсменов потеря четырех лет – невосполнимая потеря, да и для тренера тоже. А при командных видах спорта эта потеря увеличивается многократно. Меня одернули. Мои слова мне дорого стоили, и, наверное, расплачиваюсь за свои убеждения до сих пор. Повторить демарш Мацудайра в нашей стране было невозможно, но за убеждения или даже мысли попасть в немилость к властям можно было мгновенно. С тех пор, оставаясь главным тренером команды, выигрывая чемпионаты мира и Европы, различные мировые турниры, получая звания лучшего тренера Европы и мира, в родной стране я не в лучших, власти по-прежнему на похвалу и награждения меня не отваживаются. Иногда давали мне награды на уровне запасных игроков. Все это в назидание другим, чтоб знали и помнили о том, что с государственной властью не спорят.

В одном из журналов, уже во время перестройки, меня на-

звали «волейбольным диссидентом» и связали все последующие мои злоключения с моей позицией, противоречащей государственному решению о бойкоте американской Олимпиады.

Писать можно что угодно, но диссидентом я не был, никогда не выступал против существующего режима и не боролся с ним. Ну не будем об этом, столько времени прошло, боль осталась. Но это моя боль.

Сейчас вроде новое время, гласность, демократизация, но уверен, что нынешнее важное для всего нашего спорта решение Международной федерации волейбола о моем награждении пройдет почти незамеченным.

– Да ладно, Вячеслав Алексеевич, все газеты протрубят о таком событии.

– Посмотрим.

Я был не прав: только две питерские газеты написали о присвоении высочайшего звания великому Платонову, официальные власти сохранили молчание. Я говорю с грустью: звание Платонова – разве это не редчайшее событие для нашего спорта? Среди всех российских тренеров по игровым видам спорта лучшими тренерами по волейболу в двадцатом веке названы двое – Вячеслав Алексеевич Платонов – тренер мужской команды и Гиви Ахвледиони – тренер женской команды! Если мне не изменяет память, по другим видам спорта таких достижений у нас нет. Готовя записки, я перерыл тонну литературы, но не нашел других имен, ни в

волейболе, ни по другим видам спорта, исключая хоккей.

Вспомнился «Зенит»: сразу оговорюсь, я болельщик этой команды и желаю ему только блага. После победы в Суперкубке тренеру Дику Адвокату – иностранцу, устроили почести, каких не устраивали ни одному соотечественнику. Пошли даже на исключение из правил, вернее, Закона Санкт-Петербурга, избрав его почетным гражданином города. Ну что тут поделаешь, любим футбол, а особенно иностранцев. Нет пророка в своем отечестве, гласит народная мудрость. Свои они и есть свои, все стерпят, а если от обиды и уедут тренировать спортсменов в другие страны, плакать не будем. Говорю эти слова с горькой иронией.

Не прошло и полгода, как имя Платонова опять прозвучало на весь мир. Он был принят в Зал волейбольной славы – первым из российских тренеров и третьим иностранцем, впереди него были Ясутака Мацудаира и тренер женской команды Японии Хирофуми Даймацу.

Зал волейбольной славы расположен в городе Холиоке, где в 1895 году зародился волейбол. Членами Зала славы являются игроки в волейбол, в том числе и пляжный, тренеры, функционеры, судьи, команды, государственные и общественные организации, оставившие заметный вклад в развитие игры. Первым в Зал славы был принят в 1985 году основатель волейбола Уильям Морган. До 1997 года в зал принимались только представители США.

И опять молчание родной страны. Что это – рядовое со-

бытие? Может, это неистовая зависть спортивных чиновников, которые нашептывают власть предрержащим:

– Да волейбол – разве это игра? Что там сложного? Ну а тренерская работа при этой игре практически не нужна.

Чем больше времени проходит с того морозного декабрьского дня 2005 года, когда Платонов обрел свой последний приют на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры, тем больше понимаешь – немногие ценили его при жизни так, как следовало. Чем больше турниров и матчей на высшем уровне отделяют нас от его побед со сборной СССР и ленинградским «Автомобилистом», тем больше оцениваешь вклад Платонова в историю нашей страны, в ее имидж на международной арене, о котором сегодня мы так заботимся.

Любая победа в спорте, любое звание, отмеченное международной организацией, для спорта, спортсменов и болельщиков необходимый, даже обязательный элемент жизни. Поэтому и непонятна безответная реакция спортивных чиновников страны на уникальные достижения Платонова. Что это – обида? Обиделись, что успехи достигнуты без их участия? А поэтому они решили просто не заметить успеха товарища?

Не могу смириться с тем, что Петербург промолчал. В городе появился лучший тренер планеты двадцатого века, а горожане об этом не узнали. «Зенит» – великая, любимая команда, но не одним «Зенитом» красен российский спорт и наш великий город, хотя футбольному клубу желаю всех благ и успехов. Верю в чудо, что власти Санкт-Петербурга

когда-нибудь вспомнят заслуги Платонова, окажут поддержку питерскому волейболу, такую же, какую получают в Казани волейбольное «Динамо» и в Белгороде «Локомотив-Белогорье», вспомнят, что Петербург-Ленинград дал стране много олимпийских чемпионов, чемпионов мира и Европы. Многих из их числа подготовил Вячеслав Алексеевич Платонов, и к нему, как ни к кому другому, относятся слова Сократа, сказанные об олимпийских чемпионах: «Потому что такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми».

Я был счастлив уже от того, что имел возможность общаться с Вячеславом Алексеевичем лично. Помню, как в теплый солнечный июльский день, который при нашей капризной питерской погоде можно назвать праздником, мы возвращались с Платоновым из Смольного. Встречались с Виталием Леонтьевичем Мутко – тогда вице-мэром города, курировавшим многие вопросы, в том числе и спорт.

Решали наш с Платоновым, вернее, моего треста, вопрос о строительстве жилого дома. Положительное решение предусматривало взаимную с волейбольным клубом договоренность, а именно возможность передачи клубу «Автомобилист» пяти квартир этого дома. Сегодня было принято окончательное, удовлетворяющее обе стороны решение. Мы с Платоновым вышли довольные нашей общей победой и поехали вместе в офис клуба. По дороге остановили машину возле Летнего сада и решили пройтись вдоль летней Невы,

которая в этот день была так величава и спокойна, что иначе, как матушка-Царица, ее нельзя было величать.

Мы шли не спеша, любуясь великолепными видами противоположного берега. Нам с Платоновым редко доводилось быть вдвоем, как сейчас, общаться без неотложного повода. Всегда нас окружали люди, нам приходилось решать какие-либо вопросы то у меня в офисе, то у тренера в клубе, а вот так побеседовать по душам приходилось редко, даже за праздничной рюмкой говорили о делах. Сейчас я воспользовался ситуацией: стал задавать один за другим волновавшие меня вопросы и получил от великого Платонова ответы искренние, обстоятельные, вылившиеся в его монолог.

– Я не ропщу на то, что приходится обивать пороги больших чиновников. Мне и раньше, при Советской власти, доводилось во все вникать, всем заниматься. Ни с каким другим, не первым в клубе человеком, любой наш начальник не желал иметь дело – ниже его достоинства. А о теперешнем времени и говорить не приходится. Но если раньше надо было у власти выпросить квартиру, разрешение на покупку машины, вовремя осуществить запуск тепла в спортзал, то теперь взаимоотношения усложнились. Мы, к сожалению, брошены государством. Спорт, а особенно игровые виды спорта, остались вне его интересов и финансирования. Во всех странах, ну, по крайней мере, в большинстве, государство принимает деятельное участие в развитии командных видов спорта. Такую махину только за счет благотворительности не

поднять. Ведь сегодня не утаишь, что уровень чемпионата России по волейболу снизился. Почему? Потому что у нас один и тот же круг людей переходит каждый год из клуба в клуб, и очень редко появляются молодые спортсмены, действительно перспективные.

Сегодня мы от многого необходимого должны по соображениям экономии отказаться, еще больше забыли, в том числе и о детско-юношеских школах. Игроков стали привозить со стороны, конечно, когда есть деньги. Вот руководители клубов мечтают, ищут спонсоров. Нашел, купил двух-трех игроков, и нет надобности заниматься детским спортом у себя в клубе.

Редкие чудачки увлечены подготовкой ребят и тратят на это свое здоровье. То же относится и к тренерским кадрам, новых имен в этом цехе не появляется. А откуда им взяться? Молодой тренер, как и игрок, должен какое то время поработать рядом с хорошим тренером, чему то поучиться, впитать знания. И только потом – может стать главным. А у нас получился разрыв преемственности. Сейчас игроки с мировыми именами, с огромным опытом игровой практики заканчивают играть. Куда им пойти? Все места заняты. Вот они и играют, пока ноги носят, а потом подаются в коммерцию. А их опыт так и не получает необходимого применения.

(Платонов обладал чувством предвидения, но что бы он сказал сейчас, когда стали приглашать иностранных специалистов-тренеров не только для команд Премьер лиги, но и

для сборных России по волейболу? Наверное, не понял бы и огорчился.)

– Вячеслав Алексеевич, а у тебя нет желания все бросить?

– А у тебя, Константиныч?

– У меня? – я удивленно взглянул на Платонова. Он с вопрошающей улыбкой смотрел на меня. Без раздумья я ответил:

– Думаю, что у нас с тобой разные профессии. Строитель востребован всегда. Хотя и в нашей отрасли мода на иностранцев достигла небывалых размеров. Бывают моменты, когда неудачи доводят до отчаяния. Но работа для меня не только средство, то есть способ заработать на жизнь, а сама жизнь.

– Вот ты и ответил за меня. Тренерская работа – это моя судьба. Я отдал любимой профессии больше тридцати лет. Конечно, можно найти себе какое-то дело, но слишком много сил и здоровья я отдал волейболу, перенес уже три операции. Скажу тебе сокровенное – я очень хочу построить дворец для игры в волейбол.

– Но у Вас есть спортивная база на Вязовой.

– Есть, но ты же знаешь, Михаил Константинович, какая она устаревшая, непригодная для современных спортивных достижений. Потому и хочу дворец.

Я решил подробнее расспросить о новой идее моего гениального друга, но Платонов опередил меня:

– Давай об этом не сейчас, не хочу на ходу.

– Хорошо, – ответил я.

Мы молча дошли до памятника великому Суворову. Здесь я неожиданно для себя прочел запомнившиеся еще с юности слова петербургского поэта Всеволода Рождественского:

*Среди балтийских солнечных просторов,
Пред широко распахнутой Невой,
Как бог войны, встал бронзовый Суворов
Виденьем русской славы боевой.*

Очень эти строки подходили по смыслу к нашему профессиональному разговору, в котором слышались отголоски боевых громов – предвестников славы.

Облокотившись на гранитное ограждение, мы молча смотрели на шелковистое полотно Невы, на то, как легкая волнистая зыбь упрямо следовала за кормой маленького прогулочного катерка, устремившегося к Троицкому мосту. Первым заговорил я.

– Знаешь, Вячеслав Алексеевич, Нева – красивая река, но и труженица великая. Как только Петр ступил на ее берега, она стала главной дорогой, связывавшей столицу со страной. И для сообщения внутри города петербуржцы пользовались водным транспортом. Представь, как скользили здесь прогулочные лодки богатых вельмож – позолоченные, обитые бархатом, накрытые шелковыми палатками. А в это время до пота на лбу, до крови на ладонях трудился работный люд на

торговых судах.

– Да... Михаил Константинович, красивый исторический сюжет, вот бы на денек вернуть эту красоту в наше время.

– Так ведь и мы с тобой красоте и истории служим.

– А как иначе? Ленинград – мой родной город, здесь я родился, вернее, под Ленинградом, в Пушкине. Это сейчас он является районом Санкт-Петербурга, а тогда был пригородом. Начал играть в волейбол за ленинградские команды, сначала СКИФ, потом СКА, заканчивал в «Спартаке», где последние четыре года был уже играющим тренером. Так что юность, да что юность, жизнь прошла здесь, встреча с Валецким, женитьба, рождение дочери – все пролетело как будто за миг.

Платонов замолчал, потом решил вернуться к своей проблеме.

– Ты же знаешь, Константинович, уже при мне волейболисты «Автомобилиста» получили теперешнее свое пристанище на Вязовой. Крестовский остров – место по цене городской земли, пожалуй, самое дорогое.

– Сегодня здесь плотная застройка, жить на Крестовском острове престижно, – продолжил я исторический экскурс. – А раньше – это был район дачного отдыха и спорта. Сразу после Великой Отечественной войны на острове заложили Приморский парк Победы, затем построили стадион имени С. М. Кирова, самый необычный объект Петербурга. Необычность его заключалась в том, что группа архитекторов во главе с А. С. Никольским в основе сооружения поста-

вили намывной кольцеобразный овальный земляной холм. На внутренних склонах холма – трибуны для зрителей, на внешних – 18 лестниц и пандусов. —

Да, – перебил меня Платонов, – это был один из крупнейших стадионов Советского Союза, вместительностью 100 тысяч человек. Перед ленинградцами, пришедшими 30 июля 1950 года на торжественное открытие, предстала идиллическая картина. Представь: к западу сверкала на солнце зеркальная гладь залива, по ней скользили яхты; на южной стороне в легкой дымке мерцал золоченый купол Исаакиевского собора; у подножия восточной части холма зеленели молодые деревья парка, созданного в честь Победы в Великой Отечественной войне.

Теперь стадион устарел, его разобрали и возводят новый. Не знаю, правильно это или нет? Траты даже для великой России огромны. Но остров преобразается, он сегодня весь в новостройках, причем застраивается элитной недвижимостью, а рядом с ней не место руинам.

– Кстати, Вячеслав Алексеевич, – улица Вязовая на Крестовском острове, проходящая между проспектом Динамо и Спортивной улицей, известна с 1911 года, а название было дано ей потому, что на этой улице росли вязы. Это счастливая улица – название ее не менялось никогда.

– Участок по адресу, Вязовая 10, – дополнил со знанием дела Платонов, – был спортивной площадкой, контуры футбольного поля угадывались, но проще всю эту площадь на-

звать пустырем, так как при любом ветерке столбы пыли поднимались и оседали на стоящие вдоль улицы деревья, на Малую Невку. Рядом с мостом через реку находился спортивный зал, в котором тренироваться по современным волейбольным стандартам не представлялось возможным. Вход на площадку отмечен небольшим зданием, в котором располагалась котельная, правда, уже не работающая, а также разграбленная часть помещений, используемых под офис и баню.

Все это убогое хозяйство клуб получил в долгосрочную аренду с правом выкупа. Но и это была огромная победа, и она далась с кровью. Не перечислить всех примененных связей, усердных просьб и прошений, нижайших аудиенций у самых высоких чиновников города: административных, спортивных и профсоюзных. Но от нового спортивного центра все чиновники отмахиваются.

Что я тогда мог ответить Платонову? Только посочувствовал другу.

К разговору о «Дворце» с Вячеславом Алексеевичем мы вернулись скоро, через несколько дней после нашего путешествия по набережной Невы. Приглашая приехать к себе, Платонов не скрывал, по какому вопросу он хотел бы со мной посоветоваться.

День был солнечный, беседой увлеклись мы так, что не заметили, как сделали с десяток кругов по площадке. Точнее, это была не беседа, а монолог, говорил Вячеслав Алек-

сеевич один.

– Очень, Михаил Константинович, очень хочу, – с дрожью в голосе говорил Платонов, – чтобы здесь был центр петербургского волейбола: мужского и женского, классического и пляжного, любительского и профессионального, детского и взрослого. Представляешь, такого нет нигде. Но для этого надо построить игровой зал, обязательно с трибунами для зрителей, создать все условия для полного цикла тренировок, сборов, проведения официальных матчей. И еще много с чем, что необходимо центру.

– Сколько же для этого надо денег?!

– Ты прав, денег у нас нет. Но вот эта вся инфраструктура, хоть и устаревшая, чего-то стоит? Ну, придумай, Михаил Константинович, что можно продать, разрушить, построить, чтоб экономика сошлась.

Я взял время на прикидки, привлек проектантов. Считали, спорили, ноу нас ничего не получилось. Главная прореха в наших расчетах – футбольное поле, его ничем нельзя было застраивать. Не позволял закон, а остальной земли едва хватало на «Дворец», и стройка, как ни крути, становилась убыточна.

Все наши расчеты я выложил перед Платоновым, долго объяснял. Слушая меня, он не скрывал своего огорчения:

– Рассчитывал я на тебя, Михаил Константиныч.

Я чувствовал себя виноватым, но не мог дать согласия на авантюрный, проигрышный с моей точки зрения проект.

Но Платонов – есть Платонов: эта неудача не сломила его, не остановила в стремлении все-таки построить волейбольный «Дворец». Наши отношения после этой незадачи не испортились. Мы по-прежнему были дружны, но разговоров о строительстве объекта своей мечты Платонов не заводил со мной больше никогда. Я знал через его помощников, что он в поиске инвестора. Прочитав в «Строительном еженедельнике» постановление губернатора о строительстве «Олимпийской деревни» по Вязовой, 10, я понял: Платонов опять победил.

Он добился своего. Он один доказал всем, что не надо завидовать «Зениту», которому в Питере повезло, команде оказывают должное внимание и власти, и бизнес, и, как следствие, зрители – на этих трех китах держится современный спорт.

Желание, вера, упорство одного человека способны совершить чудо, и впервые со времен проведения в городе в 2000 году чемпионата мира по хоккею было построено крупнейшее спортивное сооружение. Построено не государством, ему, как всегда, не до волейбола, а сердцем Платонова, любовью единомышленников, щедростью доброжелателей.

Сооружение с полным правом получило имя – «Академия волейбола Платонова».

Академию построила компания «Еврострой». Это единственная строительная фирма Северной столицы, согласив-

шаяся сдать Академию «под ключ», а не выполнить работы на определенную сумму. Взамен на территории, принадлежавшей волейбольному клубу на правах долгосрочной аренды с правом выкупа, «Еврострой» воздвиг жилой комплекс «Олимпийская деревня». Низкий поклон Валерию Геннадьевичу Кравцову – руководителю «Евростроя», осуществившему мечту Платонова. Знаю, какое это непростое дело. Препятствий было невыносимо много, о некоторых писали газеты, о других остается догадываться, порой стройка замирала. Многое было поставлено на кон, но энергия двух увлеченных людей сотворила чудо.

Глядя на это чудо, я задаюсь вопросом, смог бы я сделать такое? И понимаю – нет, не смог. Во-первых, не хватило бы обычной смекалки на идею. Я был приверженцем классических форм, а традиционные проекты здесь вообще не работают. Согласование принятого решения – риск, как правило, имеющий один ответ: «Такого не может быть». Нужно было поменять нормативные акты, хотя бы в порядке исключения. Многое чего было нужно. Понятно, Платонов поставил максимально высокую планку, рисковал своим добрым именем. Фирма рисковала не меньше. Но и здесь состоялась победа Вячеслава Алексеевича, он нашел единомышленника, и, объединив усилия, они победили.

«Академия волейбола Платонова» – уникальный проект. Впервые в Санкт-Петербурге команде по игровому виду спорта созданы на одной территории все условия для полно-

го цикла тренировок, сборов, проведения официальных матчей и реабилитационных процедур. Чисто волейбольный игровой зал высотой 14 м имеет трибуны на 1500 зрителей, современное игровое покрытие, систему освещения и акустики, отвечающие международным стандартам. Академия способна принимать не только матчи чемпионата России, но и матчи европейских клубных турниров, вплоть до четвертьфинала волейбольной Лиги чемпионов.

Кроме игрового зала, в спортивном комплексе на Вязовой улице разместились комнаты отдыха на 120 мест, офисные помещения клуба, конференц-зал, пресс-центр, кафе, ресторан, судейские комнаты, раздевалки, тренажерный зал, реабилитационный центр (баня, бассейн, физиотерапевтический и массажный кабинеты). Легендарный тренер, основатель и первый президент клуба Вячеслав Алексеевич Платонов говорил, что «другого такого дома не будет у волейболистов нигде в Европе, даже в Италии». Лучшая на сегодняшний день волейбольная база России в Белгороде не имеет игрового зала. Из петербургских команд по игровым видам спорта полноценной тренировочной базой сегодня располагает только футбольный клуб «Зенит».

* * *

Весной 2011 года мы с внуком Пашей побывали на волейбольных матчах «Автомобилиста». По прошествии несколь-

ких лет он вновь возвращался в Премьер лигу. В просторной академии нас встретил сам Платонов: долго, молча, стояли мы с внуком перед портретом моего великого друга. Потом я, поклонившись, громко сказал:

– Здравствуй, Вячеслав Алексеевич!

– Дедушка, это Платонов?

– Да, Паша, ты же видел его фотографии у нас дома.

– Видел, но они там такие маленькие.

Внук от меня знал о великом русском тренере. У него хранится волейбольный мяч с автографом Платонова. А я в свое время показывал внуку книгу «Суд над победителями» с надписью автора: «Зарубину М. К. Главному строителю “Автомобилиста” и нашему другу от главного тренера команды и автора этого опуса, с благодарностью и дружбой. В. Платонов».

Мы с внуком благоговейно стояли перед портретом лучшего тренера мира. Не знаю, о чем думал Паша, стоя у этого огромного, выразительного портрета, запечатлевшего Платонова светлым, сильным, милосердным человеком, каким и должен быть лучший в мире тренер. А я сокрушался о скоротечности человеческой жизни, о том, что память – великая сила, способная возвращать к жизни тех, с кем мы не хотим расставаться, кого не имеем права забывать. Вот и Вячеслава Алексеевича я вижу только живым, только победителем. И здание Академии волейбола – свидетельство тому. Внук вывел меня из раздумий.

Паша взял меня за руку:

– Пошли, дедушка, матч начинается.

– Матч продолжается... – поправил я внука и украдкой смахнул слезу.

Государственный человек.

Владимир Яковлевич Ходырев – последний из плеяды советских руководителей Ленинграда

Моя профессиональная судьба с первых трудовых дней складывалась успешно. Я любил избранную профессию, отдавался ей полностью. Рожденный на берегах Илима, в глухой сибирской деревушке, я очень рано покинул ее, поехал учиться, выбрал строительный техникум. Поньше вспоминаю тот трудный момент, когда самолет, уносящий меня в новую жизнь, оторвался от родимой земли. Помню, как сквозь слезы и маленький иллюминатор над крылом аэроплана смотрел я на уменьшающийся, скоро превратившийся в зеленый горизонт мир моего детства. Однако родных мест в моей жизни оказалось много – там, где строил, где вырастали под моим руководством сооружения, там для меня дорогие места.

В конце семидесятых – начале восьмидесятых годов прошлого века я несколько лет работал Главным инженером передвижной механизированной колонны. На самом деле никуда эта колонна не передвигалась, по всем параметрам это было обычное строительное управление, но для того, чтобы

проводить узаконенную доплату работникам якобы за разъездной характер работ, предприятиям присваивались такие расширяющие сферу деятельности названия. В то время, да и в сегодняшнее тоже, дислоцировалась эта колонна-управление в древнем русском, немного нерусском городе Выборге, в результате многочисленных войн и сражений ставшем не только частью нашей земли, но и западным форпостом России. Выборг, согласно Иоакимовской летописи, ведущий свою историю от основателя Гостомысла, заметно отличается от других городов России. В архитектурном плане – это западный город, с обязательной центральной замковой постройкой, ратушей, крепостными стенами. Он является чудом средневековой фортификации, средневекового военного зодчества. Город крепость имеет сложную историю, его бастионы помнят прославленного великим внуком, талантливого военного строителя Абрама Петровича Ганнибала, а акватория залива – победы эскадры адмирала Чичагова. Несмотря на кровопролитную военную историю, Выборг обладает особой романтичностью, потому, наверное, что с уважением и бережностью относится ко времени и вечности, которые соседствуют на его вымощенных булыжником улочках, хранящих эхо шагов крестоносцев, помнящих орудийные залпы советско-финской и Второй мировой войн.

Я очень легко укоренился в Выборге, почувствовал его родство. Ко мне часто приезжали друзья, и мы обязательно шли на Батарейную гору, в Выборгский замок с башней Свя-

того Олафа, на Рыночную площадь и в парк Монрепо. Конечно, экскурсии под моим началом не претендовали на полноту и историчность, но моя любовь к древнему городу, мое возвышенное к нему отношение передавались спутникам и заметно приукрашивали требующий огромных реставрационных работ, ветшающий «мой» город.

Дом, в котором я жил с семьей, располагался на Ленинградском шоссе – самой длинной магистрали Выборга. Она начиналась от Батарейной горы и заканчивалась в старом городе, поэтому я редко ездил на общественном транспорте, обычно до работы шел пешком, наслаждаясь стариной, заряжаясь ее живой энергией. Мне здесь было хорошо. И ничто не предвещало разлуку с любимым Выборгом.

1

Во второй половине дня в моем кабинете как-то особенно радостно зазвонил телефон. Для современной молодежи скажу, что в начале восьмидесятых не было сотовых телефонов. Проводной аппарат являлся и средством информации, и связью с миром. —

Здравствуйте. Это Михаил Константинович Зарубин? — прозвучал в трубке мелодичный женский голос.

— Да. Ваш покорный слуга, — игриво ответил я, представляя на другом конце провода незнакомую миловидную девушку, которой я зачем-то понадобился на закате рабочего дня.

— С Вами говорит секретарь управляющего Трестом номер сорок семь, — более официальным тоном заговорила моя неожиданная собеседница. — Убедительная просьба приехать к нам завтра в четырнадцать часов. Вас ждет управляющий трестом, — строго закончила она наш разговор.

Разочарованно я переспросил:

— Девушка, Вы не ошиблись адресатом?

— Если Вы Зарубин, то не ошиблась, — отпарировала мне секретарь, явно не расположенная к любезностям.

— Да, я Михаил Зарубин. Но зачем я понадобился вашему управляющему? —

Приезжайте, узнаете. — Короткие гудки в трубке свиде-

тельствовали об окончании разговора.

Я был в полной растерянности. Наше управление никогда не работало с названной организацией. Тем более это приглашение показалось мне странным: это был ленинградский трест, а мы выполняли работы по области. Сначала я решил успокоиться и не торопить события, но постепенно любопытство одолело до такой степени, что я решил навести справки у своих ленинградских коллег. От одного из них добился внятного ответа. —

Сорок седьмой трест? Так он – генподрядный, работающий на реконструкции заводов, расположенных на юго-западе города. Строительные площадки на Кировском заводе – его фирменная марка. Таких корпусов во всем Союзе не сыщешь. А тебе там что нужно? – стал интересоваться мой информированный приятель.

– Мне-то ничего. Интересуюсь, потому что управляющий к себе вызывает. —

Управляющий трестом? Ты там в своем сказочном Выборге не стал ли сказочником сам? Вряд ли ты ему как специалист понадобился. У него своих сотрудников больше трех тысяч по штату.

– Наверное, с моим огромным опытом я ему потребовался как консультант? Или он в Выборг на экскурсию собрался, – отшутился я.

Но тревожные мысли не оставляли. «Зачем все-таки меня вызывает этот уважаемый ленинградский начальник?» –

мысленно рассуждал я.

Да, вспомнил: не с его ли машиной мой водитель «поцеловался» две недели назад? Но он уверил меня, что все в порядке, обо всем договорились, все любовно решили. И вряд ли такой высокий начальник будет вызывать по этому поводу меня. Уровень подобных разборок не выше механика.

Спал тревожно. С трудом дождался утра, отправился в путь. В те времена трассы «Скандинавия» не было, а время в пути от Выборга до Ленинграда составляло три, а то и четыре часа.

Здание треста располагалось на Корабельной улице, рядом с Алексеевской проходной. Вход был с улицы, а корпус – уже на территории завода, бок о бок с зуборезным цехом. Я не опоздал, ровно в четырнадцать часов секретарь пригласила меня в кабинет управляющего. Из-за большого стола, накрытого зеленым сукном, встал мне навстречу мужчина выше среднего роста, с темными волосами, виски припорошены сединой. Открытое лицо с лучистыми глазами, волевой подбородок выказывали скрытую энергию. Тонкий, с легкой горбинкой нос делали его лицо привлекательным.

Пытливо на меня поглядев из-под мохнатых седых бровей, он протянул мне руку. Рукопожатие оказалось крепким.

– Здравствуйте, Михаил Константинович. – Он указал на стул. – Вижу, удивлены моим приглашением.

Начальник славной строительной организации доброже-

лательно мне улыбнулся и тотчас перешел к сути дела.

– Чтобы не томить Вас неизвестностью, сразу скажу: по рекомендации моих хороших приятелей Смотровых я хочу предложить Вам работу. Тресту нужен начальник строительного управления.:

Я растерялся до такой степени, что не мог вымолвить ни слова. Да, кроме того, подумал, что мой новый знакомый продолжит речь. Но, видно, он умел ценить свое и чужое время, поэтому прозвучал только краткий вопрос:

– Ну, так как?

Я, пытаюсь собраться с мыслями, закашлялся. Мой собеседник терпеливо ждал. Прошло еще несколько минут, прежде чем мое волнение спало, и мы повели деловой разговор.

Речь пошла о построенных мною объектах, об опыте, полученном при их строительстве. Управляющий трестом, в свою очередь, рассказал о своих планах, о том, какие здания и сооружения предстояло строить управлению, руководителем которого предлагалось мне быть. О бытовых условиях мне было сказано кратко и в последнюю очередь.

– Будешь жить в общежитии, там есть «гостевые» комнаты. Если мы подойдем друг другу, через полгода буду решать вопрос о квартире. Ну как, согласен?

Уже не задумываясь, заинтересованный новой перспективной работой, я по-военному ответил:

– Согласен!

Я понимал, что трудно было ответить и поступить иначе. Да и работа на оборонных объектах уникальна – Не «типовки», которыми я занимался в последнее время. О такой работе, только мечтают.

Это в Выборге, казалось, время не имеет измерения. А здесь, во второй столице страны, в водовороте дел, в паути-не производственных отношений, о времени вспоминаешь только тогда, когда с удивлением смотришь на календарь и восклицаешь: как быстро летит время.

Сутки казались резиновыми – так много дел мне удавалось сделать. Свободных оставалось только несколько часов, и то только для сна. Все остальное время было занято работой. О бытовых неудобствах не жалел. Но разлука с семьей, оставшейся в Выборге, становилась невыносимой. Со-единиться с родными я не мог, потому что у меня не было ленинградской прописки.

Для многих, особенно молодых людей, сегодня непонятно, что такое прописка и почему я не мог по желанию приобрести квартиру в Ленинграде. Да, все это можно сейчас, а тогда – было невозможно. Прописка регулировала миграционные потоки, это был социальный инструмент, с помощью которого государство проводило корректирующую политику. В Советском Союзе штампом в паспорте о прописке определялась вся жизнь советского гражданина: город, в котором он может проживать, жилое помещение, медицинское учреждение, где должен лечиться, ясли, детский сад, школа

для ребенка.

В определенных городах и населенных пунктах прописка была ограничена и требовала особого разрешения высоких инстанций.

К таким городам относился и Ленинград.

Почему именно Ленинград? В семидесятые годы здесь строились новые предприятия, открывались новые производственные объединения, увеличивалось городское население. Хотя официально провозглашался курс на развитие малых и средних городов, на практике люди старались перебраться в крупные индустриальные центры, там было лучшее снабжение продовольствием и промышленными товарами, больше возможности получить благоустроенное жилье, хорошее образование, интересная работа, высокий уровень культуры.

Ограничение прописки ставило барьер свободному потоку, но предприятия добивались права набирать иногородних и сельских жителей, особенно для неквалифицированных, тяжелых и низкооплачиваемых работ, по «лимиту». «Лимитчики» получали временную прописку и место в общежитии. Надежда получить в будущем постоянную прописку и, возможно, собственное жилье приковывала «лимитчиков» к профессиям, которые у местных жителей популярностью не пользовались, однако при этом и они были недовольны набором новых «лимитчиков», видя в них конкурентов в очереди на жилплощадь.

Наверное, были и другие причины ограничения прописки. Сейчас, когда город распухает от наплыва миллионов людей, желающих его покорить, использовать в своих целях, «урвать» от его благ, мало что давая взамен, когда он задыхается от выхлопных газов тьмы автомобилей, становится понятной и оправданной прежняя советская политика.

Мне не была обещана ленинградская прописка с предоставлением городского жилья. Все зависело от многих факторов. От заветного жилья отделяли и испытательный срок, и разрешение власти. Замечу, что жилье предоставлялось бесплатно, ни о каких, как сейчас, миллионах речи не могло быть.

Верил ли я, что это сбудется? Скорее надеялся на чудо, так как стать в то время полноправным ленинградцем, да еще и со своей отдельной квартирой, когда большинство коренных горожан, блокадников ютились в многонаселенных общих квартирах, было, действительно, сродни чуду. Да и в «табеле о рангах» я занимал далеко не первые строчки для властных разрешений.

В начале ноября, поздним вечером, после окончания изнурительного совещания, управляющий трестом попросил меня задержаться. Когда мы остались одни, он сказал. —

Завтра решающий день, буду в Обкоме по твоему вопросу.

Я сразу понял, о чем идет речь, закивал головой, не зная, что сказать.

– Ты мне завтра вечером позвони, – продолжил начальник. – А лучше после работы загляни.

– Да, да, хорошо, – опять закивал я, не находя нужных для данной ситуации слов.

В важный для меня день я спокойно работать не мог, в голове вертелись различные варианты решения моей проблемы. Мучил вопрос, что делать, если не дадут разрешение. Придется уезжать в родной город или продолжать работать?

В обеденный перерыв, вспомнив про слова жены, что я зарос так, словно в лесу живу, а не в Ленинграде, пошел в парикмахерскую. Помню как сейчас: усадив меня в кресло, мастер, пожилая женщина, зачем-то отошла. Ее нет довольно долго. Терпеливо жду, обмотанный белоснежной парикмахерской пелериной. Волнение усиливается, лоб вспотел, страх за свою ленинградскую судьбу стучит в висках, сердце готово вырваться из груди. Вместо успокоения в парикмахерской я получил стресс. Решаюсь: недовольно кряхтя, высвобождаюсь из глубоких объятий парикмахерского трона и иду искать мастера. С возмущением нахожу ее среди группы людей, столпившихся у телевизора.

– Мадам, Вы куда подевались? У меня обеденный перерыв заканчивается! – сурово проговорил я.

От полученного ответа обомлел.

– Не видишь, Брежнев умер?..

– Как умер? Зачем? – задал я глупейший вопрос. Но и без ответа все было ясно: с телевизионного экрана смотрел на

нас «наш дорогой Леонид Ильич», Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, почти два десятка лет достаточно успешно руководивший великой страной.

«Нет! Зачем же ты сегодня умер, дорогой Леонид Ильич? – пронзила мой мозг беспощадная догадка. – Неужели денек подождать не мог? Кто ж в Обкоме в такой-то день документы мои будет рассматривать? Им там теперь не до таких мелочей, как моя прописка...»

Махнув рукой на стрижку, я побрел обратно на работу. Вечером не стал заходить в трест, управляющему тоже не позвонил. Зачем? Понятно, что мой вопрос не решен.

На другой день приехал на работу рано и сразу пошел по объектам. Я уже говорил, что тогда о сотовых телефонах у нас и представления не было, пользовались рацией, и проводная связь не подводила.

Часов в десять я был на строительном объекте, находился на самой верхней отметке, метров тридцать от земли. Вдруг вижу внизу женщину-сигнальщика, красным флажком машет, показывая на нас с прорабом.

– Чего это она? Что-то случилось? Узнай, – говорю прорабу.

Прораб включил рацию, которую мы использовали при монтаже конструкций, о чем говорил, я не слышал, ветер относил его слова. Потом прокричал мне:

– Это срочно. Вас ищет управляющий, звонила из треста

секретарь.

Я спустился вниз быстро, добрался до телефона, с управляющим соединили мгновенно.

– Ну здравствуй, молодой человек, хотя какой же ты молодой, если памяти нет.

– Не понял, – бесстрастно ответил я.

– Чего тут непонятного, мы договорились с тобой вчера созвониться, а по возможности встретиться.

– Да. Но какая же встреча, ведь Брежнев умер.

– Но мы-то с тобой живы. Вот пока живы, быстро ко мне, а то по телефону можешь не так понять.

– А что понять?

Но в трубке уже пульсировали гудки.

Пока шел до треста, не допускал никаких предположений. Зачем волноваться, когда через несколько минут решится моя судьба. В данном случае – не я ей, а она мной управляет.

– Ну наконец-то! – встретил меня управляющий дружеским тоном. – Ты думаешь, я каждый день бываю в Обкоме и подписываю разрешения на прописку. Скажу тебе по секрету, сделал я это впервые. Нет, не присутствие в Обкоме впервые, туда-то меня часто вызывают, а вот разрешение, с которым я набегался по высоким кабинетам там, я получал впервые. Так что поздравляю тебя. Разрешение получено.

– Спасибо! – опять я не нашелся, что ответить. Сердце билось так громко, что мне казалось, за этим громом мои слова будут не слышны. Поэтому я начал изъясняться жеста-

ми: развел руки, распрямил плечи, вскинул, а потом наклонил голову, в общем, выглядела моя благодарность, наверное, очень комично.

Видя мое взволнованное состояние, управляющий достал из кожаной папки, как я смог заметить, огромный лист бумаги с резолюцией, красовавшейся в левом углу. Наискосок было написано: «Жилищному комитету подобрать квартиру». И красивая размашистая подпись.

– А чья это такая убедительная подпись стоит под резолюцией?

– Ходырева Владимира Яковлевича.

– Второй секретарь Обкома партии подписал документ?! – я обомлел от неожиданности и зарделся от самодовольства.

– Перед подписанием он пригласил меня и заведующего отделом. Я спросил у завотделом, есть ли какая то специальная процедура по этому вопросу. «Нет, – ответил тот, – в таких делах определенного регламента нет. Бывает, главный подпишет, а к нам попадает через почту, иногда меня вызывает, уточняет кое-какие детали, а иной раз получаем просто отказ без всяких комментариев. Так что наберитесь терпения, скоро все прояснится».

Пока находился в приемной у Ходырева, там узнал о смерти Брежнева и так же, как и ты, подумал, что всем здесь не до меня. Однако через несколько минут был приглашен в кабинет Владимира Яковлевича. Встретил он меня привет-

ливо, стал расспрашивать о делах. Мы ведь знакомы с ним, Ходырев бывает на наших объектах. Потом достал вот эту бумагу, – управляющий бережно приподнял судьбоносный лист, – и хозяин Ленинграда пытливно спросил меня:

«Скажи мне пожалуйста, что, в нашем городе не найти умного, грамотного начальника строительного управления, которому не требуется прописка? А почему ты сам их не растишь?»

«Владимир Яковлевич, только что поменяли руководителей двух моих управлений. Главк их назначил управляющими трестами, мы заменили их своими работниками».

«Да?» – он вопросительно посмотрел на заведующего отделом, а тот кивнул головой.

«В управляющие, говоришь, пошли? Хорошее дело, – продолжил Ходырев. – Молодцы. Ладно, раз двух управляющих вырастил!» Он взял ручку и, подумав мгновение, нанес вот эту резолюцию.

– Так что будем считать, повезло нам! – закончил разговор со мной управляющий трестом. Если бы Ходырев сказал бы «нет», то дальше нам идти было некуда: первый секретарь такие вопросы не решает...

Вот так состоялось мое первое, отдаленное знакомство с Владимиром Яковлевичем Ходыревым, подарившим мне ключи от самого лучшего города в мире. Этот город стал родным для моих детей, а для внуков он стал «малой родиной» – они здесь родились, трое уже окончили университет и рабо-

тают на благо Санкт-Петербурга и России. Появились и правнуки, которые будут гордиться высоким званием «коренные петербуржцы» и передавать его по наследству, как титул, требующий постоянного подтверждения, выражающегося в служении этому городу, в жертвенной к нему любви.

2

Годы я считать не люблю, да и некогда. О том, что жизнь быстротечна, догадываюсь только по своим юбилеям, которых прогремело над моей головой уже немало. Мне ближе профессиональные успехи, вехи моей строительной биографии. Такой вехой считаю личное знакомство с Владимиром Яковлевичем. Я всегда относился к его деятельности с повышенным вниманием. Иногда я случайно встречал его на заводе, когда он сопровождал какого-нибудь высокого гостя. Всегда хотелось подойти, поздороваться и пожелать удачи и здоровья этому дорогому для меня человеку. Семь лет Ходырев руководил городом на Неве. Сейчас его называли бы губернатором, а тогда – он был председателем Лен горисполкома. Есть что вспомнить об этом руководителе. Не иссякают добрые о нем слова.

Сейчас миллионы петербуржцев пользуются его благами, но мало кто помнит, что именно в период работы Владимира Яковлевича на посту градоначальника были открыты станции метро «Площадь Александра Невского-2», «Проспект Большевиков», «Пионерская», «Улица Дыбенко», «Рыбацкое», «Озерки», «Проспект Просвещения». Столько станций подземки не вводил в эксплуатацию ни один из его предшественников, да и преемников тоже. Началось строительство дамбы и новых корпусов госуниверситета, верующим

вернули храмы, а улицам – прежние названия. Были созданы первые совместные предприятия, появилась первая в стране Ассоциация коммерческих банков, а в Горисполкоме – Управление внешних экономических связей. Именно он во времена позднего СССР один из немногих руководителей стал интересоваться растущей экономикой Китая, пять раз посещал Поднебесную, трижды встречался с лидером Цзянь Дзе Минем, восстановил побратимские связи с Шанхаем.

В начале двухтысячных я был избран членом Общественного Совета при Губернаторе Санкт-Петербурга. В совет входило много достойных людей (с 2017 года – Общественный Совет преобразован в Общественную палату Санкт-Петербурга). Членом Совета являлся и Владимир Яковлевич Ходырев. Могу сказать, что его присутствие не сводилось к роли «свадебного генерала». Он продолжал оставаться неравнодушным человеком, который по-прежнему легко ориентируется в нюансах того, как и чем живет наш город. На его авторитетное мнение опираются эксперты. Он ведь не просто критикует позицию чиновников – он предлагает конкретные шаги по выходу из сложившейся ситуации.

В Совете мы впервые разговорились, я тогда рассказал ему о той большой роли, которую он сыграл в моей судьбе. Улыбнувшись, Владимир Яковлевич похлопал меня по плечу:

- Это ж здорово, что так все получилось, я рад за тебя.
- Вам спасибо.

– Ну и мне тоже, – улыбнувшись, согласился он.

Однажды, дожидаясь кого-то из членов комиссии, мы разговорились с Владимиром Яковлевичем о жизни.

– Не видел Вас давно, не болели, Владимир Яковлевич?

– Нет, я здоров. Посещал станцию «Мирный» в Антарктиде.

– В Вашем-то возрасте?

– А что мой возраст? Нормальный. Успехи и свершения не от возраста зависят, а от непреодолимого желания победить. И самого себя – тоже. Мы отмечали пятьдесят лет первой советской антарктической станции «Мирный». Надо сказать, что за полвека она не прекращала работу ни на день.

– А Вы какое отношение имеете к станции?

Ходырев улыбнулся:

– Я ее строил. Был участником Первой комплексной антарктической экспедиции, должность у меня была тогда штурман дизель-электрохода.

– Чудеса! – восхищенно произнес я.

– А ты думаешь, что я все время на партийной и государственной службе был? Нет, все как у большинства государственныхников.

Как будто что-то вспоминая, он помолчал, потом продолжил:

– Я родился в Сталинграде. Жили мы как раз напротив легендарного Дома Павлова, а чуть ниже была небезызвестная мельница Гергардта. Хорошо помню немецкие бомбеж-

ки – мы с мальчишками дежурили на крышах, лазали по их крутым скатам, несмотря на строгие запреты взрослых. 18 августа 1942 года, за два дня до того, как фашисты сравняли Сталинград с землей, мою семью эвакуировали по Волге. Нас тогда было шестеро: бабушка, мама и четверо пацанов. Отец умер еще в 1941-м. Нас переправили через Волгу и дальше, на станцию Палласовку. Там распределили по теплушкам и повезли в Узбекистан. Приехали в город Чимкент, хотели остаться, а там даже на перрон не выйти, так много эвакуированных. Решили мы тогда ехать дальше на том же поезде. Высадили нас в приказном порядке в городе Джамбуле Казахской ССР, где мы прожили всю войну и встретили Победу. Конечно, было там всякое, ведь война... Но, несмотря ни на какие лишения, мы, школьники, продолжали учиться. Я не потерял ни одного года! В 1947 году вернулся в Сталинград. Весь квартал, где стоял наш дом, немцы разбомбили, превратили в неподдающиеся восстановлению руины. Только полуразрушенный Дом Павлова уцелел. К счастью, дом бабушки в пригороде был в жилом состоянии – у нее поначалу и жили. Потом сестра отца вышла замуж, ей с мужем дали большую комнату. Родственники отгородили мне угол – так я и оканчивал школу в углу за занавеской.

– А в Ленинград как попали, Владимир Яковлевич? Здесь ведь после войны трудно жилось.

– Это достаточно простая история. В Ленинграде тогда жил родной брат моего отца. Он был летчиком, один из ор-

ганизаторов Академии гражданской авиации на Литейном проспекте. В морское училище меня потянуло почему? Во-первых, там учился мой старший брат, а также сын дяди, во-вторых, в Высшее морское арктическое училище брали на государственное обеспечение, то есть не только учили, но и обували, одевали, кормили-поили, да еще и стипендию давали. В послевоенные голодные годы для мальчишки это было спасением.

Через два года после меня в Ленинград приехал учиться еще один мой брат, который поступил в Училище подводного плавания имени Ленинского комсомола. Так что все мои братья и я – моряки. Меня привлекала не только романтика, но и морская наука. Поэтому после окончания училища я поступил в аспирантуру в ЦНИИ морского флота.

– Неужели в те трудные годы правительство задумывалось о развитии науки, то есть не о насущном, а о будущем? – искренне удивился я.

– Да, и о науке не забывали. Сразу после войны началось перевооружение торгового флота: на военных судах уже стояли гироскопические курса указатели, а на торговых кораблях – их не было. И наш отдел судовождения как раз начал перевооружать транспортные суда современным на тот момент навигационным оборудованием. Мы сделали с ЛИТМО малогабаритный гироскопический курсоуказатель, который было необходимо испытать в разных широтах. Договорившись с Министерством морского флота СССР, поставили опытный прибор на ди-

зель-электроход «Лена», меня назначили ответственным наблюдателем и отправили в Антарктику.

– Это Ваше первое посещение ледового края? – поинтересовался я, чувствуя, что Ходыреву есть еще что ВСПОМНИТЬ.

– Нет, конечно. К тому моменту я уже прошел пять навигаций в Арктике. Но в Антарктиде мы столкнулись с массой неожиданностей и неприятностей. Так, например, мы думали, что лед там такой же, как в Арктике, – прочный, паковый. Но оказалось, что он фирновый, то есть зернистый. Наметет снег на лед, солнышком его чуть согреет – корка образуется. Затем опять снега наметет. В итоге получается эдакий «слоеный пирог», который не выдерживал тяжести наших тракторов, ломался, оседал. К берегу мы причалить не могли – стояли среди льдов, выгружали всё необходимое на сани-волокуши и тракторами тащили их наверх. Трудная операция, опасная для жизни. На моих глазах погиб Иван Хмара – провалился под лед, вместе со своим трактором. В общем, всякое было...

Я слушал этот рассказ эмоционально, переживая вместе с рассказчиком, ощущая ледяное дыхание таинственного края. Поэтому, подернув как будто озябшими плечами, спросил о холоде на этом континенте.

– Стужа – это особый разговор, особые переживания – задумчиво произнес Владимир Яковлевич. – Помню, мы пришли в Антарктиду в декабре 1955 года, когда в Южном полу-

шарии лето. Так что лютых полярных морозов еще не хлебнули. Почти месяц выгружались. За январь и февраль построили целый поселок – станцию «Мирный», потому что все работали по 12 часов, невзирая на наши чины и звания. Ну а в середине марта мы ушли, оставив более ста зимовщиков с полным снабжением. Кстати, в декабре 2014 года я был на станции «Новолазаревская» в Антарктиде. Захотел проверить спустя 59 лет – на месте она или нет. Убедился, что все на месте, посмотрел, как сейчас там найти ребята живут и трудятся, пообщался с ними и со спокойным сердцем, вернулся домой. Хорошо мы тогда работали, на совесть строили, с ответственностью за полярников. Удивительное было время, интересная работа.

– Владимир Яковлевич, зачем же вы пошли на партийную работу? Неужели Вас кто-то арканом тянул?

– Неудачное сравнение. Аркан не набрасывали, канатом не тянули. Ты же должен знать, как это происходит, ведь сам членом партии был?

– Да, состоял в ее рядах.

– Тогда должен знать про партийную дисциплину.

– Уж что-что, а эта дисциплина мне знакома, Владимир Яковлевич.

– Больно били?

– Да нет, мне по касательной доставалось.

Ходырев задумался, покачиваясь в кресле, отдохнул от трудного рассказа, затем открыто взглянул на меня и про-

должил:

– Я вступил в ВКП (б) в 1953 году. Когда мне сказали, что надо поработать в партийных органах, воспринял как приказ. Однако работа оказалась интересная, связанная с курированием практически всей отрасли морского и речного флота в Ленинграде, то есть любимое дело бросать не требовалось. Наоборот, многому научился, расширил кругозор и связи. Я, кстати, в свое время получил первую государственную награду – медаль «За трудовое отличие» – за участие в организации работы судов Балтийского пароходства в период Карибского кризиса. В партии не было никакого рабства. Я согласовал с партийным начальством и после шести лет работы в Обкоме свободно вернулся к научной деятельности – Первый секретарь Обкома Григорий Васильевич Романов отпустил меня, чтобы я мог защитить диссертацию.

Работал в Институте водного транспорта начальником лаборатории средств электронавигации судов смешанного плавания – тогда как раз создавался новый тип судов «река-море». После защиты диссертации мне предложили возглавить ЦНИИ морского флота. Правда, надолго там задержаться не дали – вызвали в Обком и сказали, что рекомендуют меня для избрания первым секретарем Смольнинского райкома КПСС. Как меня ни отстаивало Министерство морского флота СССР, но Романова, который был для меня большим авторитетом, переубедить не удалось. Пришлось вернуться на партийную работу. Рад только, что успел за короткое вре-

мя создать филиалы ЦНИИ в пяти портовых городах страны.

– Но вы же не солдат, зачем было отрываться от любимого дела?

– Просто у нас в те годы не было принципа: это хочу делать, а то – не хочу, здесь зарплата больше, а там – меньше. Но был приказ и понятие «надо!». Как говорится, свобода – осознанная необходимость. Эту необходимость я осознавал отчетливо.

3

Несколько лет назад к юбилею Владимира Яковлевича Ходырева администрация Кировского района Петербурга совместно с Общественным Советом и специальной комиссией вынесли решение о присвоении ему звания Почетного гражданина района, в котором располагалось и мое предприятие. Решение это было на радость единодушным. Да и о чем можно говорить: Ходырев – живая легенда нашего города. Главе администрации района и мне поручили поздравить Владимира Яковлевича и вручить награду.

Встретил он нас радушно, пригласил за стол, стал спрашивать о делах в районе, о проблемах, стоящих перед нами. Послушав главу, не забыл и обо мне.

– А у тебя как стройка идет, Михаил Константинович?

– Как будто нормально, не считая кое-каких проблем с град защитниками. Вы этих ребят не застали. В советские времена никто не протестовал, перед строительными площадками живые цепи не выстраивал.

– Ну напрасно ты так!.. Вспомни снос гостиницы «Англетер». Это место всегда притягивало к себе поэтов, писателей, музыкантов, да и всю творческую интеллигенцию. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Исаакиевская площадь, два шага от Невского проспекта, фешенебельный ресторан – где ж еще общаться питерской богеме, как не здесь, где

останавливались Антон Чехов, Айседора Дункан, провел последние часы жизни Сергей Есенин? Но никто из защитников не подсчитал, сколько лет этому строению, возведенному в первой половине XIX века, бывшему изначально простым доходным домом, перестраивавшемуся, надстраивавшемуся, пережившему революции и блокаду. Люди как будто забыли, что рано или поздно все ветшает. И это, можно сказать, антикварное сооружение, всемирно известная гостиница, оказалась на грани обрушения.

– Не верится, я же вижу, как прекрасно это здание, визитная карточка Санкт-Петербурга!

– В тридцатые годы прошлого столетия, – прервал мое восхищение Ходырев, – в гостинице не осталось ничего от былой, так называемой буржуазной роскоши: была разрушена система технических коммуникаций, включая вентиляцию, остался только один телефонный аппарат – на втором этаже, а знаменитый на всю Европу ресторан с помощью перегородок поделен на номера. В конце пятидесятых в гостинице провели реконструкцию, но весьма своеобразную: помимо стандартных номеров, здесь соорудили двенадцати местные номера общежитского типа – все для трудового народа. В большинстве номеров не было ванных комнат, а во всем отеле ни ресторана, ни кафе. К восьмидесятым здание признали непригодным, по существу аварийным, и гостиницу пришлось закрыть.

– Но ведь в восьмидесятые уже существовали новые стро-

ительные технологии, были разработаны технические методики, которыми мы отчасти пользуемся поныне. Да и за помощью к капиталистам можно было обратиться, – заметил я со знанием строительного дела. Те годы помню хорошо, я уже был вполне квалифицированный, грамотный, опытный строитель.

– Да, Вы правы, Михаил Константинович, город тогда заключил договор с финнами о том, что к определенному сроку они должны получить это пятно под застройку. То есть – все снести, стереть с лица земли и застроить новоделом. И это в сердце города, в красивейшей и важнейшей его части. Кажется, непостижимая жестокость Иванов, родства не помнящих! Но, как я убедился позже, это трудное решение было вызвано объективной необходимостью. Я хотел, чтобы реконструкция гостиницы проводилась максимально щадящим образом. А тут начались круглосуточные пикеты, митинги, шквал протестов против сноса. С другой стороны – ко мне с правительственного уровня поступают категоричные предостережения: «Владимир Яковлевич, если Вы сейчас не освободите пятно, государство получит по неустойке огромный штраф». В общем, я оказался, как говорится, между молотом и наковальней.

Решил еще раз сам все проверить, пощупать. Пришел в гостиницу, смотрю – кругом разруха, взял в руки один из вывалившихся кирпичей, он у меня прямо в руках и рассыпался, прикоснулся к стене – шатается, все валится. И тогда я уве-

ренно приказал: «Снесите!» Что тут началось! Не передать: словно шлюзы открылись. Все, кому надо и не надо, влились в демонстрацию с устрашающими плакатами. Сколько речей высказано, сколько новых политиков проклюнулось на этом выгодном для них протесте. Но я был непреклонен, мы вовремя предоставили пятно финским строителям, и страна не заплатила тяжелейшую неустойку. Однако признаюсь, что я виноват только в том, что при строительстве была ликвидирована богемная достопримечательность города – так называемая «шель» между «Асторией» и «Англетером», где находилось популярное кафе. Сегодня «Англетер» блистает в своем историческом виде, таким он был в конце девятнадцатого века. Уверен, таковым он останется на долгие годы!

– Я знаю, что Вам далось тяжело внедрение идеи дамбы, которая сегодня успешно защищает Петербург от наводнений, а еще связала город с Кронштадтом.

– Да, вокруг строительства дамбы наши оппоненты такую шумовую завесу устроили, что страшно вспомнить. Оказывается, неспроста: дыма без огня, действительно, не бывает. Поджигатели квалифицированно действовали. Сейчас мало кто знает, что накануне выборов в народные депутаты Верховного Совета в сентябре 1989 года в Риге работники Госдепа США целый месяц проводили семинар с руководителями народных фронтов республик Советского Союза, обучали их подрывным методам идеологической работы. Мне показывали документы, рассказывающие об этой «уче-

бе»: коммунистов надо шельмовать, внедрять в умы обывателей любую «дезу», от которой потом не отмоешься. В общем, делать всё, чтобы дискредитировать существующую власть, чтобы пришли те, кто нужен, чтобы начался развал Советского Союза.

Но с дамбой мы встали насмерть. Сорок институтов делали проект! Построили огромный макет этого уникального сооружения в здании на Гражданском проспекте – там сейчас находится «Максидом». Испытывали, наблюдали – никаких застойных зон, которыми стращали демократы и экологи, там не образовалось. Я очень рад, что достроили дамбу, жалко, что не в оптимальные сроки. Затянули строительство мои преемники.

Всё, что вокруг нее в те годы творилось, было сплошной политикой. Теперь наш топкий от природы город надежно защищён от наводнений сооружением, не имеющим аналогов в мире. Сегодня мы наблюдаем по телевизору, какие ужасные затопления могут быть от меньших, чем великая Нева, речек, какие страшные могут быть последствия, тем более в наши времена неустойчивого, изменяющегося климата. А Петербургу ничего не угрожает и петербуржцам тоже. И мне радостно осознавать, что доля и моего сердца есть в этом строительном подвиге.

Но поднаторевшие политики и сегодня ищут спорные объекты, на развалинах которых проверяют грязные американские технологии, искусно применяют их в своих корыст-

но-политических интересах.

– Да и сейчас пользуются, Владимир Яковлевич. Взять хотя бы историю с передачей Исаакиевского собора Церкви. Казалось бы, чего проще – отдать ценность тому, кому она всегда принадлежала, то есть Русской Православной Церкви. А вон какие вопиющие монстры повылезали. Удивительно то, что несогласных крикунов много-много меньше, чем людей разумных. Но и к воплям этой кучки «либеральных политиков» власти прислушиваются и отменяют свои разумные решения.

– А ты как хотел? Политика всегда была делом нечистым, тут все методы хороши у людей бессовестных. Знаю, что и сейчас отдельные партии, и движения на существующих конфликтах и на столкновении интересов жителей зарабатывают очки, особенно перед выборами. Я всегда говорил, мнение людей необходимо знать. В диалоге появляются дельные мысли, рациональные зерна, но не надо это увязывать с политикой.

Ведь чего скрывать: у вас на стройке – застройщик, инвестор, эти ребята неустанно ищут лазейки в законодательстве и пути обхода запретов.

– Владимир Яковлевич, – возмутился я некорректным примером, – ну о чем Вы говорите?! По Вашему мнению, город строится за счет бюджетных средств, а мы, «враги», только и ждем, где «урвать»?

– Михаил, ты меня не передергивай. Конечно, ты честный

руководитель. Но я-то немного больше знаю, чем ты. Я почти уверен, что губернатор при всей его власти не определяет градостроительную политику сам. Есть мощные лоббистские структуры, за которыми стоит алчный строй бизнес. С помощью «своих» людей в аппарате проекты облекаются выгодным лоббистам пакетом документов и согласований.

– Наверняка вы говорите об историческом центре. Но и наше строительство в спальных районах города вызывает не меньший всплеск протестов. Тут-то чего делить? Какие-то неизвестные люди придумывают чудовищные небылицы про подземные реки, плывуны, про обвалы и завалы. Фальсифицируют хорошее дело, прямо как идеологические диверсанты или таинственные тролли в Интернете.

– Ну а ты как хотел? Если в твоём дворе будут что-то строить, тоже недовольным будешь, правда, на демонстрацию протеста не пойдешь, умом понимаешь, все-таки сам строитель. А жители здесь долгие годы собак прогуливали, парковочку само стройную завели, место под шашлычки огородили; В общем, все удобства соорудили. Пустили корни, землю стали считать своей собственностью. А тут вдруг ты с забором появляешься. Конечно, покричать надо, может, власть испугается и опять все по-старому останется. Но таков закон жизни – «все течет, все меняется», как сформулировал его древнегреческий философ.

А чтобы не было непонимания и недовольства, нужна постоянная информация: что проектируется, что строится, ко-

гда сдается. Нужно давать запас по времени, чтобы узнать альтернативные точки зрения, обсудить и оценить их, может, что-то в проекте подправить. Идеального рецепта решения, который бы подходил для любой точки зрения на градостроительную политику, конечно, нет.

– То о чем вы говорите, Владимир Яковлевич, мне понятно. Все вопросы необходимо решать до выхода разрешения на строительство. А если оно есть, неукоснительно начинается отсчет времени строительства, сроки которого нарушать нельзя. И в это-то время «протестанты» начинают устраивать барьеры. При этом и слушанья были, и информация была, даже в Интернете.

– Ладно, Михаил, у нас с тобой разговор, словно докучная сказка «про белого бычка». Я знаю и практику, и теорию этого нелегкого дела. Ты тоже знаешь. Нового я тебе ничего не скажу. И сегодня мне приходится соприкасаться со строительством отдельных объектов в городе. У меня контакт со всеми главами районов.

Ходырев встал, подошел к окну, как по клавишам, постукал пальцами по подоконнику, посмотрел на улицу.

Затем, повернувшись ко мне, сказал:

– Вот насчет информации о строительстве. Еще до моего прихода на должность председателя Ленгорисполкома был разработан план комплексного экономического и социального развития, который я тоже всячески поддерживал. Система была такая: мы готовили для строительства террито-

рию с инфраструктурой, а затем возводили в каждом квартале жилье и необходимые социальные объекты: поликлиники, магазины, детские сады, школы. За это большая группа ленинградских специалистов получила Государственную премию. Все этот принцип поддерживали. Вот бы сейчас вернуться к подобной технологии, вряд ли бы кто протестовал.

– Сейчас, Владимир Яковлевич, редко кто кварталами строит: трудно, дорого, нет гарантии продаж. Поэтому все торопятся, хватают «куски» на лету. Очень любят в обжитых местах дома ставить.

– Я против уплотнительной застройки, тут люди правы. А застройщикам совесть надо иметь. Надеюсь, Михаил, ты не из таких? А?

– Нет, он не из таких, – ответил за меня глава Администрации, присутствовавший при разговоре.

– Ну вот и хорошо.

Мы поняли, что встреча окончена, и стали прощаться. Владимир Яковлевич проводил нас к машине. По дороге продолжили разговор о кадрах, о непрофессиональных решениях, даже на государственном уровне.

– Одного не пойму, – вдруг горько вздохнул Ходырев, – ну, ладно, поменяли строй, идеологию убрали, но зачем же добротное ломать, качественное перестраивать? Вместо того чтобы создавать, начали разваливать. Нарушили систему подготовки кадров. Я ставлю неутешительный диагноз нашему времени – непрофессионализм. Не хватает людей с ком-

плексным видением проблемы, которые могли бы не только решить ее, но и предвидеть ее последствия в перспективе.

Радуюсь, что мы начали вести независимую внешнюю политику, что обновили вооружение армии, но надо не забывать и о людях нашей страны, об их интересах. В военной сфере у нас высококлассные специалисты. А в других отраслях? А в политике? Почему леса горят? Потому что сократили лесников. Почему у нас в этом году смертность выросла? Да потому, что мы оптимизировали медицину, то есть сократили количество медучреждений, понизили качество врачебной помощи. Убежден, руководить любым предприятием должен профессионал, а не менеджер, человек с опытом, а не безответственный юнец. Думать надо о государстве. О государстве! А уже потом о себе.

Ходырев дружески похлопал меня по плечу, оптимистично и крепко пожал руку.

Эта встреча с выдающим человеком нашего времени была для меня знаковой, утвердившей меня во многих моих вопросах, а главное, в том, что я должен неколебимо стоять в своих убеждениях, бескомпромиссно отстаивать их. Именно это главное требование нашего времени. – не кривить душой, не предавать и не продаваться. Но почему «нашего»? – подумал я про себя. Не нашего, а моего времени. Это я несу личную ответственность за свои поступки, это мои дома будут оценивать горожане своими жизнями. Это мои друзья, учителя и руководители учили меня уму-разуму, который

имеет и нравственное, и духовное содержание. И наука эта – самое мое большое богатство.

Добрые слова на память. О директоре Кировского завода Петре Георгиевиче Семененко

Моя жизнь во многом связана с Кировским (Путиловским) заводом, который можно назвать зримой историей России. Это старинное предприятие, шагнувшее в третий век своего существования, всегда занимало особое место в отечественной оборонной промышленности, родоначальником которой завод, по сути, и является. Многие русские победы на фронтах во все времена связаны с качественной военной продукцией предприятия. Ружья и танки, миноносцы и башенные орудия, созданные здесь, не раз показывали свою силу в сражениях с врагом. Завод всегда являлся и опытной лабораторией, в которой многое разрабатывалось впервые, как, например, подъемные краны или знаменитые мартеновские печи. Сокровищем России можно назвать этот завод, богатством которого являются его труженики специалисты и его выдающиеся руководители, не допустившие гибели предприятия ни в страшные блокадные дни, ни в жестокие перестроечные времена.

1

На моей памяти «Кировским заводом» руководили три генеральных директора: Муранов, Чернов и Семененко. С первыми двумя я встречался в цехах, где шла реконструкция силами нашего строительного Треста, а также на еженедельных производственных совещаниях. Я работал начальником генподрядного управления и отвечал за определенный участок работы. Бориса Александровича Муранова и Станислава Павловича Чернова запомнил как умных, ответственных руководителей, которые много мне преподали управленческих уроков. И сегодня, при наших редких встречах, кланяюсь им с благодарностью за полученную науку руководить.

При всем моем уважении к этим людям я не принадлежал к числу их близких знакомых, связывали нас в основном производственные отношения. А вот с Петром Георгиевичем Семененко с самого начала всё сложилось по-другому. Мы познакомились, а потом и подружились, когда его назначили директором танкового производства. Я твердо был уверен, что он человек военный, наверняка танкист: офицерская выправка, чеканный шаг каково же было мое удивление, когда Петр Георгиевич шепнул мне по секрету, что до своего назначения танк видел только на картинке.

Он был гражданским человеком, но всю жизнь служил Родине. Родился в Донецкой области, окончил Ленинград-

ский кораблестроительный институт, в 1970 пришел на Кировский завод сменным мастером. В 1987 году назначен его директором. В 90-е эта должность называлась – генеральный директор ОАО «Кировский завод». О том, как он служил Родине за 18 лет руководства предприятием, можно представить по его заслугам и званиям. Семенов стал председателем Совета директоров, член корреспондентом Санкт-Петербургской инженерной академии, вице-президентом Союза промышленников Санкт-Петербурга, членом Совета по промышленной политике при правительстве РФ. Я не перечисляю здесь многочисленные его награды.

Мы с Петром Георгиевичем были ровесники. Однако он всегда казался мне значительно старше, дальновиднее, что ли, умнее, и вообще обладал качествами личности, которыми и я хотел бы обладать. По служебной лестнице мы поднимались почти синхронно: он стал главным инженером на заводе, я – в тресте. Его назначили генеральным директором объединения, меня – управляющим 47-м Трестом. Так, рука об руку, мы проработали вместе пять лет. Много это или мало? Сейчас мне кажется, очень мало.

Мне, как строителю, интересно было строить и реконструировать Кировский завод. Что ни построишь – все впервые, всё уникально. Любой профессионал мечтает о таких объектах. Можно сказать, повезло, в тридцать шесть лет я стал возводить цеха знаменитого завода, будучи руководителем строительного управления. Сейчас, когда я иду мимо Киров-

ского, меня переполняет гордость за то, что немалая доля моего труда вложена в жизнь этого процветающего промышленного гиганта, несколько веков символизирующего военно-техническую мощь России.

Да, немало здесь сделано и под моим руководством. Один огромный цех чего стоит, который построили за год (!), хотя никто не верил, что у нас это получится. А идея проста – по четкому совмещенному графику одновременно работали строители и монтажники трех десятков специальностей: на крыше вставляют стекла в фонари, под перекрытием идет окраска, тянут провода, прокладывают паровые и воздушные магистрали, монтируют станки, заливают пол.

Петр Георгиевич Семененко был человеком требовательным, не терпевшим расхлябанности в работе. Он мог строго спросить за порученное дело, однако славился доброжелательностью, заботой о людях, смелостью в решении деловых вопросов. Он не вмешивался в оперативную работу треста, ему хватало своих проблем, но все важные вопросы держал под контролем. Директор завода не терпел «долгострой», во всем любил порядок. Эта его черта была, пожалуй, стержневой в характере. Нам, строителям, а особенно заводским работникам, приходилось нелегко. Огромная территория Кировского завода – это десятки улиц, переулков и проездов, и везде должны быть асфальт, зеленые насаждения и чистота. Грязь на территории завода директор воспринимал как личное оскорбление.

Надо сказать, Петр Георгиевич знал цену словам. Я не слышал, чтобы он кого-то принародно отчитывал, как это иногда позволяли себе другие руководители. Например, Станислав Павлович Чернов мог в запальчивости сломать шариковую ручку или разбить телефон. Семенов, если был кем-то недоволен, просил после совещания его остаться, и дальнейший разговор проходил уже за закрытыми дверями.

Умеющий работать с большим коллективом, он вел себя уверенно с любым начальством, даже с высочайшим руководством: президентом, премьер-министром, губернатором. Никогда не заискивал, ни перед кем не лебезил. Это качество генерального директора стало спасительным для завода, когда в стране началось то, что вошло в историю как «перестройка».

Что стояло за расхожим термином? Едва ли кто-нибудь отчетливо это себе представлял. Ну, конечно, все согласно повторяли вслед за его родоначальником: гласность, выборность, свобода совести, вероисповеданий, отсутствие цензуры и другие звучные слова. А что же в экономике? Как перестраиваться Кировскому заводу? Что конкретно и зачем перестраивать, когда уже развернуты все основные производственные мощности, выведены на проектные нормативы тракторное и, как тогда говорили, специальные производства, а главное, достигнута мечта каждого производственника – строгая подекадная ритмичность? То, что реформы в

стране неизбежны, понимали многие, тем более после убедительных, хотя и косноязычных речей нового генсека, не сходявшего с экранов телевизоров: И многие из этих многих, как люди, привыкшие к дисциплине, ждали указаний сверху, будучи уверенными, что этот «верх» все знает и подскажет. Но «сверху» кроме демагогии ничего не поступало. Отсюда упущенное время и колоссальные потери в последующий период, когда экономические реформы страны негде было применить, потому что не оказалось самой страны, в которой начиналась «перестройка», не ради блага, как потом выяснилось, а ради красного словца.

Благодаря Семененко объединение «Кировский завод» миновала тяжелая судьба многих предприятий оборонного комплекса, перестройка хоть и задела производство, но не уничтожила его. И тот факт, что Петр Георгиевич не очень-то оглядывался на начальство, тоже сыграл свою роль в спасении завода. На «Кировском» еще на начальной стадии реформ нашли оптимальное сочетание производства военной и гражданской продукции. Можно привести много примеров: на зарубежных рынках пользовались спросом новейшие тогда модификации трактора «Кировец», а за линейки колесных машин для дорожного строительства Семененко был удостоен Государственной премии РФ. Следует вспомнить и выпуск бронированных автомобилей или изготовление уникального оборудования для завода по сжиганию донных осадков. И многое другое.

Все, кто работал с Петром Георгиевичем, обязательно отмечали в нем поразительное чутье новизны. Это была природная интуиция, позволявшая ему принимать сложные и неоднозначные решения. Во времена перестройки было невозможным даже краткосрочное прогнозирование, самые светлые умы путались в расчетах и ошибались в прогнозах. Тут могла помочь только интуиция. Петр Георгиевич был одарен так, что мог видеть то, чего еще никто вокруг не видел. А он, не боясь неизвестного, всегда знал, что необходимо делать на заводе в первую очередь. Он ставил цель и двигался именно в ее направлении. И почти не ошибался.

Петр Семенович знал, как разговаривать с людьми, со своими сторонниками и с противниками, умел переубедить, умел сблизить позиции с оппонентами, но при этом оставался верен своей идее, продуманной и просчитанной. Это незаменимое качество я назвал бы определяющим в ситуации, когда возникает необходимость найти общую точку зрения. Он сумел объединить огромный коллектив ОАО «Кировский завод» в тяжелейшие 90-е. За 18 лет руководства Семенович виртуозно преодолевал все финансовые кризисы, вовремя выплачивал рабочим зарплату, пресекал малейшие поводы для скандалов и разборок, а прибыль завода исчислялась миллиардами.

Сегодня, когда на дворе другой век и другая реальность, понимаешь, что именно организаторский, консолидирующий талант генерального директора спас завод от распада.

Завод не разделился на отдельные производственные фрагменты, и его директор оставался Директором до дня своей трагической гибели.

А в 2016 году по инициативе людей, близко знакомых с Петром Георгиевичем Семененко, городское правительство присвоило его имя большому скверу в Кировском районе. Один гектар земли на участке между улицами Червоного Казачества, Портовой, Кронштадтской и Автовской носит теперь имя первого генерального директора ОАО «Кировский завод» Петра Георгиевича Семененко, моего учителя и друга. Хорошо, что есть в Санкт-Петербурге место, где я могу в уединении, под шелест осенней листвы вспомнить дорогого мне человека, выдающегося деятеля, много послужившего городу и Отечеству.

2

Я очень люблю осень, особенно яркую ее пору, когда смотришь на природные краски и удивляешься: откуда взялось это разноцветье листьев? Эта терпкость запахов? Зачем так изыскана палитра? Зачем так сложен спектр звуков, которые источает дрожащая на ветру листва? Может, Господь специально радуется нас перед грядущей зимой, чтобы мы, налюбовавшись, запаслись этой красотой и, согреваясь ее образами, не отчаялись в зимние времена, не потеряли веру, надежду и любовь?

Я люблю гулять в сквере имени своего друга. Кажется, здесь я слышу его убедительный голос, различаю теплые нотки тембра. Останавливаюсь, набираю букет из листьев, любуюсь каждым по отдельности листком, сожалею о мимолетности красоты, которая может стать вечной только в духе и в творчестве. Приходя сюда, я думаю об одном и том же: как остановить чудесный миг или хотя бы ненадолго его продлить? Только на бумаге! Только красками любви и красоты. Именно этими красками творятся такие шедевры, как, например, этот, бунинский:

*А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.*

*Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой...*

В ноябре у нас уже почти зима, вернее, грустное предзимье. Ночью температура опускается ниже нуля, да и днем заморозки не редкость. Уже не листва шуршит под ногами, а трещит ледок в лужах. Почти каждый день дождь, снег, дождь, снег. Ветер срывает с деревьев последние листья, и те, кружась, улетают в небытие...

В тот год снег выпал в начале ноября. Гидрометцентр сообщал, что в северо-западные районы России вторгся арктический воздух. Удивительно, еще вчера было тепло, грело солнце, а утром я бреду на работу по глубокому снегу. Уже в коридоре я услышал телефонную трель в приемной своего кабинета. Поднимаю трубку. Управляющий трестом просит зайти. Для меня это приглашение неожиданно. Никогда еще первое лицо не приглашало меня «на ковер» так рано. Что же могло стать причиной? Капризы погоды застали строителей врасплох? Коммунальные службы запаниковали? Захожу в кабинет.

– Здравствуйте, Григорий Никифорович! – не очень бодро приветствую своего начальника.

– Здравствуй. Садись, придвигайся поближе ко мне и слушай. Вчера принято решение о сдаче в эксплуатацию цеха ходовой части. К празднику, к 7 ноября! – сделал он акцент-

ное ударение на последнем предложении.

Я не сразу понял смысл сказанного, недоуменно пожал плечами. Управляющий попытался уточнить:

– Строительство объекта ведёт твоё управление, так ведь?

– Так, – похрипывая от волнения, подтвердил я.

– Готовь документы к сдаче.

– Так сдача только в первом квартале следующего года.

– Спасибо, что напомнил. Повторяю: высокое начальство решило сдать объект раньше. Нужно подарок Родине преподнести к празднику. Или ты против?

– Я не против подарка, но цех сдавать рано. Да это и невозможно.

– Ты как-то медленно соображаешь, – уже начал раздражаться управляющий. – Решение приняли на «верху», – для большей убедительности он произнес главное слово по слогам и показал указательным пальцем в потолок.

Я молчал. Если так решили, наверняка с руководством завода было согласовано. Но от этого мне не становилось легче. Сдавать, хоть и на бумаге, огромный цех было достаточно проблематично. Надо было перекраивать весь график производства. На первый план выходили отделочные работы, создававшие «товарный» вид. Однако этот вид разрушался при прокладке электрических кабелей, других технологических проводок, и, в конечном счете, «товарный вид» приходил в плачевное состояние. Отделку придется выполнять заново. Но самые неприятности начнутся при штурмовщи-

не. На объект нагонят массу людей, половина которых будут слоняться без дела. Каждый день совещания и отчеты, стоит крик, ругань, матерщина. Как правило, работу это не убыстряло, потому что последовательность действий нарушалась и восстановить ее уже не было никакой возможности.

– Ну, чего молчишь? – прервал мои раздумья управляющий.

– А что говорить? Свое мнение я высказал.

– Оставь своё мнение при себе. Выполняй приказ! – повысил голос начальник.

Я встал, собираясь уйти, но управляющий властно показал рукой на стул и как-то устало и доверительно сказал:

– Пойми меня правильно. Я знаю, будет нелегко, но все-таки надо сделать в сокращенный срок и качественно... Обкому партии отказать невозможно.

– Сколько у нас времени?

– Месяц, но акт государственной комиссии должен быть подписан в начале ноября. Сам понимаешь – к празднику.

Я вновь сел, снял очки, долго протирал их платком, затем умоляюще посмотрел на управляющего.

– Но вы же понимаете, что это невозможно?

– В своей жизни я много видел и возможного, и невозможного. Нужно!

После этого неоспоримого довода я собрался уходить, но у дверей остановился и сказал:

– На третьем производстве неделю назад сменился дирек-

тор. Вместо Писаренко назначен Семененко Петр Георгиевич. Вы знаете его? При подписании акта надо начинать с него.

– Мы с ним мало знакомы. Я помню его по корпусу «Б», он был главным строителем на «Акуле». Встречались редко, проект уж больно был секретный. Так что иди, знакомься. Мы тоже не сторонние наблюдатели, где надо, поможем.

* * *

Я впервые шел к руководителю танкового производства. Конечно, танки собирают в цехах, чертежи узлов разрабатывают в конструкторском бюро. В приемной даже макетов танков нет, всё обычное, конторское. Заходят люди, звенят телефоны, секретарша пьет чай. Всё как у нас в тресте.

Но я знал, здесь происходит невидимый процесс, результат которого вполне осязаемый, видимый даже издали. Все направлено на выпуск самых совершенных машин – танков, которые на заводе называли «изделиями». Цех, который решили сдать досрочно, в подарок Родине, будет основным при производстве ходовых частей новейших боевых машин.

– Заходите! – приветливо кивает мне секретарша, показывая на дверь кабинета. Я неловко вскакиваю с дивана, где длилось мое недолгое ожидание аудиенции, и пытаюсь четким шагом подойти к двери, но от волнения что-то у меня не получается, наваливаюсь на дверь, но открыть ее не могу,

секретарша бросается мне на помощь, и вдвоем мы буквально вваливаемся в кабинет директора.

Безмолвная сцена длится недолго. Я быстро прихожу в себя и четко выговариваю:

– Здравствуйте, Петр Георгиевич!

Из-за стола поднялся высокий, плотного телосложения мужчина. Он улыбнулся приветливой белоснежной улыбкой и громким, командирским голосом ответил на мое приветствие.

– Подходите поближе, садитесь.

Я сел за низенький и короткий стол-приставку.

– Рассказывайте, что привело Вас ко мне.

Я рассказал. Он слушал, не перебивая. Осознав проблему, Семененко встал, подошел к сверкающему чистотой окну и очень учтиво, даже с некоторым сожалением сказал:

– Вы знаете, цех нам нужен, нужен как воздух. План следующего года сверстан с учётом его работы. Потому он нужен не на бумаге, а функционирующим. Как у вас со временем?

– С каким временем? – не понимая, переспросил я.

– Сейчас Вы свободны?

– Да.

– Пойдемте в цех.

Цех, втиснутый между двумя старыми цехами и железнодорожным подъездным тупиком, возвышался над соседними сооружениями. Выглядел он убедительно. Лицо любого

здания – это фасад. Как человека «встречают по одежке», так и первое знакомство со зданием начинается с оценки его внешнего вида.

Фасад нового цеха был выполнен в классическом производственном архитектурном стиле. Мы остановились перед мощным сооружением, любуясь его видом. —

Хорош! – довольно произнес Петр Георгиевич.

– Да! – в той же тональности ответил я. – Вот если бы внутри он был так же красив...

– А что там особенного внутри? Я промолчал. И мы продолжили наше экспромт путешествие.

Внутри было прохладно, тепло в помещения завода начали давать только сегодня, основной приток через калориферы еще не действовал, как всегда, что-то было не доделано, не отлажено.

В цеху работали сотни людей; шел монтаж мостовых кранов, тянули провода, устанавливали распределительные щиты, по кронштейнам укладывались трубопроводы. Отделочники, переругиваясь с рабочими других специальностей, пытались делать мозаичные полы. При сдаче любого объекта вдруг выявляются проблемы, которых не было видно при проектировании и строительстве. Следствием аврала становятся суета, несогласованность в работе, нарушается строгая дисциплина, ослабляется материальная и хозяйственная ответственность. К примеру, построены десятки подстанций, а электромонтажники не работают, простаивают. Почему?

Оказывается, не закончена штукатурка, покраска, не запираются двери. Уложены сотни кубометров бетона, но не сданы под монтаж фундаменты из-за отсутствия паспортов на оборудование, застрявшее в Свердловске. И вот так, по мелочам, вырастает гора неразрешимых проблем, в путанице каждый «узелок» требует внимания, времени для того, чтобы его развязать и наладить оптимальный процесс.

Мы обошли с Петром Георгиевичем цех, заглянули в каждый угол, поднялись по металлическим лестницам и посмотрели с высоты подкрановых путей, забрались в темные венткамеры, где директор, к моему удивлению, вытащил из кармана фонарик и стал рассматривать внутреннее оборудование.

Когда мы вернулись в его кабинет, он спросил:

– Сколько времени нужно, чтобы закончить работы? Только честно.

– При ежедневном контроле два месяца.

– Что такое ежедневный контроль?

– Утром и вечером совещания, увязывающие работу субподрядных организаций и заказчика. При этом нужны жесткая дисциплина и контроль за выполнением дневных заданий.

– А кто будет устанавливать дневные задания?

– Специалисты, увязывающие графики производства работ.

– А они есть, эти специалисты? И почему они раньше это

не делали?

– Дело, которое мы обсуждаем, по своему техническому алгоритму уникальное. У всех специалистов есть повседневная работа. Сами задания – это не панацея. Оптимальная очередность их выполнения – вот в чем СЛОЖНОСТЬ.

– Вы способны потребовать?

– Есть отдельные виды работ, где я бессилён.

– Почему?

– Задействованы московские организации, они работают только по указанию министерства.

– И сколько таких организаций задействовано?

– Две.

– У них большой объём работ?

– К счастью, они заканчивают. Однако, Петр Георгиевич, наши работы тоже заканчиваются, а сразу за нами вступаете в дело вы.

– Как это? – Мы делаем инфраструктуру цеха, монтируем оборудование и сдаем его вам в пусконаладку. Это оборудование составляет тридцать процентов от общего объема. Остальные станки вы демонтируете из других цехов и устанавливаете сами, и на это тоже уходит два месяца.

– То есть ты хочешь сказать, что строительство будет окончено в марте?

Он задумался, помассировал лоб внушительного размера трудовой ладонью.

– Сколько Вам лет? – неожиданно обратился он ко мне.

– Что? – переспросил я.

– В каком году Вы родились?

– В сорок шестом.

– Значит, мы одногодки.

– А от этого что-то зависит? – решил я слегка пошутить, чтобы ослабить напряжение разговора.

– Не знаю, но мне приятно, что мы с тобой ровесники. – Директор перешел на «ты», видимо, имея в виду наш возраст. – Завтра в это же время будь у меня.

На другой день я снова пришел на встречу, был подготовлен график окончания работ, подсчитано необходимое количество работников. Получалось так, что с большим трудом, при трехсменной работе без выходных, сдача цеха к концу года становилась возможной.

С Петром Георгиевичем мы поприветствовали друг друга, как старые знакомые. В таком же дружеском настроении проходил и дальнейший разговор.

– Знаешь, о чем я подумал?

– Конечно, нет, – уверенно ответил я.

– Садись, расскажу. Понимаешь, ты удивил меня тем, что цех сдается в пусконаладку.

– Всегда так делается, новый цех – не исключение.

– А если совместить в оставшиеся два месяца наши и ваши работы?

– Как это?

– Просто совместить.

– Но мы нарушаем...

Он прервал меня, не дав договорить.

– Что нарушаем?

– А хрен его знает, много чего нарушаем, а главное, так никогда не делали.

– Не делали, так будем, – весело парировал он.

– Представляете, какая каша заварится?

– Представляю. Ты свою работу делай, а я свою, и всё у нас получится.

– А секретность, а первый отдел, как они посмотрят?

– Оборудование и станки обычные, секретных нет, да если бы даже и были, разве трудно декорации сделать?

– Элементарно.

– Ты согласен?

– Да.

– По рукам.

* * *

В разговоре наше оригинальное решение показалось возможным. Но на деле!.. Оригинальные начинания сразу дали сбой. Неожиданно для меня и для Петра Георгиевича интересы работающих заводчан и строителей не совпали. Появились взаимные требования, упреки, нежелание идти на компромиссы.

Кадры – стратегический, приоритетный вопрос всякого

строительства. Он имеет особенное значение при строительстве цехов со сложнейшими агрегатами, станками, приборами, системой питания. У меня по опыту работы возникало подозрение, что отдельные руководители недостаточно компетентны, не в состоянии справиться с объемом работ, и поэтому появилось убеждение, что надо кое-кого заменить. Поделился своими наблюдениями с Петром Георгиевичем.

– Сколько у Вас инженерно-технических работников на строительстве цехов?

– Сорок человек.

– Возьми моих еще десяток. В итоге будет пятьдесят. Соберем всех мастеров, прорабов и бригадиров, расскажем, что мы с тобой затеяли.

– Может, прямо в цехе?

– Давай в цехе.

Когда начал говорить Семененко, все разговоры стихли разом. Он не жонглировал профессиональными терминами, не угрожал, но говорил понятно и проникновенно. Цель совместной работы, убеждал он собравшихся специалистов, – сдать цех в декабре, и не под пусконаладку, а уже в работу. В январе детали из этого цеха должны поступить на сборку.

Многие знали, кто такой Петр Георгиевич, однако некоторые строители видели и слушали его в первый раз. Долго в тот вечер обсуждали дела, подробно, заинтересованно. Удача, что договорились о главном – не расформировывать бригады, не перемешать рабочих из одной бригады в дру-

гую, пока она не закончит свои работы. И еще много проблем рассмотрели мы в тот запомнившийся мне, революционный день. Все наши решения оказались новаторскими, методологией будущего. И работа пошла.

В декабре цех заработал. Мы обошли с Петром Георгиевичем наше детище, поднялись на ярусную площадку. С высоты лучше была видна целостность этого сложного единого технического механизма, его целесообразная красота радовала глаз. И погода в тот день радовала и глаз, и сердце.

Декабрьский день был ослепительно солнечным, казалось, весна подарила зиме к Новому году огромную охапку своего света. Еще вчера на улице было пасмурно и сыро, а сегодня под аккомпанемент ветра на свежем снегу вальсируют причудливые тени деревьев. Мы полюбовались этой завораживающей картиной и распрощались. Петр Георгиевич пожал мне руку со словами:

– Спасибо за доброе дело.

3

Советы трудовых коллективов предприятий, созданные на заре перестройки и гласности, для руководителей больших и малых организаций были как бельмо на глазу. Эти искусственные образования, должны свидетельствовать о тотальной демократизации жизни, не умели и не хотели работать, зато хорошо научились по делу и без дела требовать. Большинство в советах составляли рабочие, поэтому любое заседание заканчивалось распоряжением или приказом. Требовали повышения зарплаты, требовали чаще менять спецодежду, требовали платить за лечение зубов, выдвигали всевозможные нецелесообразные предложения. Совет никогда ни за что не отвечал. Он даже свое название не оправдывал. И вот такой некомпетентный орган должен был решить весьма сложный вопрос: как акционироваться тресту? У меня, специально изучавшего эту проблему, было много сомнений. Дело в том, что полностью отсутствовали какие-либо нормативные акты, на которые можно было опереться. Приходилось советоваться с коллегами, изучать опыт других предприятий, что-то выдумывать, импровизировать.

Конечно, не хотелось разваливать трест на части. Многие думали так же, но полного согласия в нашем маленьком строительном государстве не было. Четыре начальника строительных управлений считали иначе. Причем каждый из них

заручился поддержкой «своих» членов совета. Не стесняясь, они ввалили рабочим, обещали богатую жизнь при акционировании «по отдельности». Приводили примеры успешных акционировании, где, по их словам, наступил «рай земной». Но я-то знал, что это не так, поэтому использовал весь свой авторитет, чтобы разъяснить, убедить трестовский народ, остановить это безумие. С членами Совета обсудили проблему и договорились встретиться через два дня, чтобы окончательно решить судьбу нашего еще достаточно успешного предприятия.

...Я вышел из управления уставший. Голову пронзала боль. Отпустив машину, решил пройтись по свежему воздуху. Совещание трудно было назвать удачным, рой тяжелых мыслей, круживших в мозгу, повлиял даже на мою поступь, она стала тяжелой и медленной. Я не ругал оппонентов, только удивлялся, как они не могут понять, что надо развиваться, что нам нужны перспективы. А они хотят просто разнести организацию по карманам, проесть свой «золотой запас». Мне самому необходима четкая концепция, если я пытаюсь оказать влияние на других. Мне нужно самому хорошо представлять, куда двигаться, и только тогда можно уверенно вести за собой других. А знаю ли я сам, куда идти? Чего я добиваюсь, используя свой личный авторитет и опыт?

За этими раздумьями не сразу я услышал, что кто-то окликает меня по имени-отчеству. Оглядевшись, никого не увидев, стал спускаться в подземный переход, что под про-

спектом Стачек. Но оклик повторился. Обернувшись, увидел машину и выходящего из нее Генерального директора Кировского завода Семененко. Его трудно было с кем-нибудь перепутать, он отличался практически от всех, кого я знал. Среди моих знакомых таких статных, бравых мужиков, как он, не припомню.

– Петр Георгиевич, вот уж не ожидал тебя увидеть! – радостно подался я ему навстречу.

– Ты думаешь, я ожидал с тобой свидеться? Вижу, ты сильно о чем-то задумался. Чуть машину мою не сбил, – улыбаясь, пробасил мой знаменитый знакомый. —

Да, вот решил пройтись после страстного, изнуряющего заседания Совета трудового коллектива.

– А ты разве не знаешь, что после заседания этого Совета пешком ходить нельзя?

– Почему?

– Опасно для сердца руководителя, которое этот Совет изматывает до предынфарктного состояния.

– Нет у меня еще такого опыта.

– А я этого опыта набрался. Сказать честно, это были самые тяжелые для меня времена, времена так называемого Совета трудового коллектива. Что это за зверь такой, никто толком не знал. Все решения сводились к одному: «дай, дай, дай».

– Значит, и у вас на заводе было то же самое?

– Не сомневайся. Везде так было, где работали эти народ-

но-революционные советы, которые ради личных выгод интересы производства не пощадят. Ладно, не грусти, садись в машину, доедем до скверика в Автово, там и обсудим наши беды.

Сквер находился за железной дорогой, что вела на станцию Автово, сразу за переездом.

– Давненько я здесь не был, – пробираясь через кустарник к уединенной скамейке, говорил на ходу Петр Георгиевич.

– Скажи я кому, что с директором Кировского завода по кустам лазаю, не поверят, – подбодрил я его в поиске укромного места.

– А чего тут плохого? Раньше я здесь часто сиживал. Вон, посмотри, у кладбищенской стены гаражи стоят, там и мой где-то притулился...

– У тебя там гараж?

– А чего ты удивляешься? Я что, сразу генеральным стал? После института работал сменным мастером в цехе турбинных лопаток. Видел, что происходит на заводе, наблюдал и днем, и ночью. Потом был заместителем начальника цеха по производству. Начальником цеха трансмиссии. Численность подчиненных – больше тысячи человек. Криков и ругани наслушался на всю жизнь. Тогда к такой должности персональная машина не полагалась. Жили как все, по доходам. Ну, рассказывай про свои беды, тут нам никто не мешает.

– Знаешь, Петр Георгиевич, в последнее время я как машина стал: это надо сделать, то успеть, и еще что-то грядет.

Времени на всё не хватает, а тут как снежная лавина – акционирование. Как будто кому-то фитиль к одному месту поднесли, начальство угрожает, торопит. Будто мы большие специалисты в этом деле, знаем, как акционироваться, что акционировать. Кто говорит, надо весь трест сохранить как единое целое, кто-то утверждает, что каждое строительное управление должно быть самостоятельным... Где правда, не знаю.

– А ты говоришь, бед нет. Сам-то как считаешь?

– Я хочу, чтобы трест был единым и неделимым.

– А всё продумал?

– А что тут продумывать?

– Ну, хотя бы составил грамотный бизнес-план, в котором должно быть просчитано всё: и снабжение, и сбыт, и стройка, и наличие заказов, и количество рабочих.

– Это у тебя сбыт, у меня стройка.

– Это в плановой экономике у тебя стройка, а когда частником станешь, всё, что построишь, сбывать надо.

– Кирпичную кладку или монолитный бетон сбывать, что ли?

– Готовую продукцию.

– Да, Петр Георгиевич, какая-то неразбериха.

– А как ты хотел? Вчера ты руководил государственным строительным трестом, а сегодня ты – акционер, частник, капиталист – называй, как знаешь. В акционерном обществе складываются капиталы многих участников, с ними нужно

считаться. Подтверждение денежных вложений – акция.

– Послушай, о чем ты говоришь? Какие капиталы, какие денежные вложения, кто их даст?

– Акционеры, а кто же еще? Капиталист, если он не вор, по-другому ни откуда денег не добудет.

– Но ведь акционерами должны быть сотрудники треста, – сопротивлялся я, цепляясь за свои советские привычки.

– Если не будут платить, значит, они не акционеры.

– А кто будет акционером?

– Любой, имеющий желание и деньги.

– Ужас, что такое, совсем всё запуталось!

– А ты разложи всё по полочкам, посади рядом экономистов, просчитай. Сколько денег нужно для выкупа имущества, где взять их, можно ли вынуть из прибыли? Кто будет кредитовать? Какое общество вы создаете, открытое или закрытое?

– Подожди, от кого закрытое?

– В закрытом обществе могут быть только работники треста.

– А в открытом?

– Да хоть вся Россия.

– А где лучше?

– Там, где нас нет.

– И то верно. А как у тебя дела на заводе?

– Ну, что у нас? Такие же проблемы, их нужно решать... –

Семененко задумался и вдруг сказал: – Ты знаешь, вспоми-

наю свою работу главным инженером с таким удовольствием... Я уверен, что это самая интересная, творческая должность на заводе. Только главный инженер определяет техническую политику...

– Что это ты вдруг вспомнил?

– О хорошем всегда приятно вспомнить. Сейчас кипение «первичного бульона» на заводе закончилось, совет трудового коллектива канул в Лету. Кировский завод остался единым, цельным, не разграбленным, не убитым. Смотрю на смежников: кругом неразбериха, непонятно, кто командует, кто работает. Появились новые люди, директора-владельцы, в основном они не разбираются в производстве, главное – продать. Какого качества – это десятое дело. В любое предприятие, а особенно у нас в России, нужно вкладывать огромные деньги. Если даже часть денег с предприятия выводится, оно обречено на прозябание или гибель.

– Но Вас-то это мало касается, Вы ведь неплохо оснащены.

– Нас это очень даже сильно касается. Оборудование устарело. Станкостроение в мире движется семимильными шагами, а мы по эффективности труда отстали от конкурентов в разы, то есть на десятилетия.

– Да ладно придумывать! Кировчане отстали? От кого?

– От передовых заводов мира.

– От иностранных, что ли?

– От них.

– Но мы всегда были в отстающих.

– А можно идти впереди, не отставать, а обгонять. Разве нельзя приобрести такое же оборудование, что у них? Мы знаем, где оно выпускается, тайн здесь нет.

– Эко, куда замахнулся! Сейчас Министерства оборонной промышленности нет, кто выделит вам деньги?

– Надо свои зарабатывать. Зарабатывать – самим, понимаешь, никто не мешает. И мы это делаем, в прошлом году капиталовложений в средства производства вложили вдвое больше, чем при советской власти.

– Сейчас редко кто столько вкладывает в развитие.

– А я не о наших заводах говорю, наши конкуренты не здесь, а там, в развитых капиталистических странах. И скорость развития у них выше. Поэтому мы должны двигаться по пути кардинального технического перевооружения и эффективной организации труда. Роль человека на производстве нужно принципиально изменить. Надо планировать весь рабочий цикл. Нужно знать, сколько качественных деталей получим за час, смену, месяц. А для этого необходимо учить рабочих, но не так, как мы делали раньше, по-дедовски, а с учётом понимания новой техники. Люди должны знать, насколько ответственной становится их работа.

– Да, Петр Георгиевич, похоже, мои беды по сравнению с твоими – мелочь. —

У каждого из нас свои проблемы.

Разговор прервался. Приятно было послушать умиротво-

ряющий шум листвы окружающих нас деревьев, которые в этом месте были особенно высокие, мощные, густые. Они как будто нас подбадривали, поддерживали, олицетворяли собой мощь и выдержку, подобающую человеку. Уж не души ли героических ленинградцев, покоящихся в этих местах в блокадных могилах, вселяли в нас уверенность в необходимости и правильности нашего профессионального служения, производственного подвига во благо неизбывной России?

После символической минуты молчания говорить стало легче.

– Хорошо мне с тобой. Спасибо, что нашел время, Петр Георгиевич. Я часто встречаюсь со своими коллегами, но такого разговора как-то не получается. Я догадываюсь, почему. Одна из причин – закрытость нашего треста. Мы работали на оборонных объектах, а здесь лишние разговоры были наказуемы. Хотя стройка есть стройка, где бы ни была. Я уверен, что по контурам цеха не узнаешь, для чего он строится – для производства танков или тракторов.

– Сейчас другое время. Закончилась эпоха плановой экономики, начались бурные времена вхождения в рынок, и надо принимать не спонтанные, а обдуманые, правильные решения.

– Ну, если рынок, то и законы управления другие.

– Не надо путать штатное расписание с управлением. У нас стиль управления на заводе отработан годами: полная демократия при обсуждении будущего решения и его едино-

личное принятие. Заговорил я тебя, пошли.

– Знаешь, сейчас я стал постарше, но всё равно, когда приезжаю на стройку, смотрю с наслаждением на работу каменщиков. Мне нравится наблюдать, как кирпич за кирпичиком вырастает стенка. Так же и в нашей жизни: знания, которые мы получаем, дают нам необходимый жизненный опыт – это тоже наши кирпичики.

– Я не строитель, но скажу тебе по секрету: мне так хочется, как в молодые годы, встать за станок в ночную смену и выполнить задание наравне с опытными рабочими. Услышать от них добрые слова. Как жаль, что этой радости я уже никогда не смогу себе позволить.

Мы еще долго прощались, пожимали друг другу руки, что-то опять вспоминали. Сумерки и медленно разгоравшиеся фонари сигнализировали, что время нашей встречи истекло. Мы послушно побрели разыскивать оставленную неподалеку машину...

4

В приемной генерального директора производственного объединения «Кировский завод» Петра Георгиевича Семененко было, как всегда,людно. Помощник генерального, увидев меня, тут же подошел и любезно спросил.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего, слава Богу. Хочу увидеться с Петром Георгиевичем, мы договорились с ним по телефону.

– Подождите минутку, Петр Георгиевич скоро освободится.

Он не успел еще договорить, как на пороге кабинета показалась высокая фигура генерального. Увидев меня и извинившись перед очередным посетителем, он махнул мне рукой.

– Заходи.

Уже в кабинете, когда сели за стол-приставку, протянул свою широкую, как лопата, ладонь.

– Здравствуй, дорогой. Рассказывай, что привело, какие ко мне вопросы? Мы же не виделись, наверное, с полгода?

– Пришел проститься, Петр Георгиевич!

– Не понял. Куда это ты собрался? В строительный комитет забирают?

– Да никуда меня не забирают.

– Тогда зачем прощаться?

– Правление приняло решение переехать с территории Кировского завода. —

Причина?

– Вы же знаете, объемов нет, работаем где можем. Управление механизации – на заводе. Чуть ремонт – проблема въехать, выехать. Снабженцы – на заводе, конторы строительных управлений и треста тоже у вас. Все здесь, только нет работы. Можно ли строить на Невском, а переодеваться после работы ехать на Стачек?

– Насчет Невского пример неубедительный. Вы ведь и в прежние времена в различных местах работали, а располагались здесь, и мы друг другу не мешали.

– Но сейчас, кроме конторских помещений, всё свободно: бытовки на двух этажах, склады. А за всё надо платить.

– Надо, я ведь тоже плачу.

Мы помолчали. Семенов по привычке подошел к окну, там ему легче думается. Я встал рядом. Мы несколько минут вместе наблюдали, как трактора с главного конвейера отправлялись на погрузочную площадку. Красивое, надо сказать, зрелище. Одухотворенная трудом человека техника, кажется, оживает, получает свой характер и судьбу.

– Пользуются спросом? – кивнул я на эти лайнеры полей.

– Пока да.

– Неужели не нужны будут?

– Если не будет крупных хозяйств, частники такую покупку не осилят.

– А кто же землю пахать будет?

– Как раньше, лошадки, – невесело пошутил Семененко.

– Смеетесь?

– Скорее плачу.

Еще немного помолчали, а когда молчание стало уже неловким и даже в какой-то степени тягостным, стали прощаться. Уже взявшись за ручку двери, я обернулся, услышав:

– Задержись, пожалуйста, Михаил Константинович. Зачем так прощаемся, как неродные? Давай пройдемся по заводу.

– С удовольствием, но у Вас же дела.

– Это тот случай, когда любые дела подождут.

Выйдя в приемную, генеральный подозвал помощника и что-то шепнул тому на ухо. Вышли на улицу. Рядом с заводоуправлением стоял новый цех-красавец. Заглянули. По неутомимому конвейеру двигались, то поднимаясь, то опускаясь, детали – верхняя одежда тракторов. Здесь придавали им лоск и товарный вид.

– Я помню, как мы начинали строить этот цех, на месте яблоневого сада. Экологи и профсоюз были категорически против, проектировщики категорически за, а мирил всех партком. Часа три ругались, пока приняли решение. Деревья пришлось аккуратно пересадить...

– Я тоже помню то время, был директором третьего производства. Это событие весь завод всколыхнуло. Никто в стороне не остался. А мне и сейчас, говоря по правде, жалко тот

яблоневый сад. Хотя его судьба сложилась удачнее, чем знаменитого сада Раневской. Все-таки человечество становится более гуманным.

– А вот и цех ходовой части, – указал я ладонью, – мы с тобой именно здесь познакомились, Петр Георгиевич.

– Значит, и ты помнишь? Ну и как прошла эта встреча? Надеюсь, ты не очень обиделся?

– На всю жизнь благодарен.

За разговорами не заметили, как зашли в прокатный цех. Сразу ослепили огненные слитки, они медленно плыли по вальцам, излучая вокруг какой-то призрачный, сказочный свет. Такой, наверное, в закромах Хозяйки Медной горы томится. У глухой торцевой стены лежали многотонные штабеля уже померкшего, остывшего металла. —

Здесь всё так же красиво, – я посмотрел на механизмы прокатного стана. – За строительство этого стана наш бригадир, Василий Иванович Гвоздарёв, получил звание Героя Социалистического труда. Первым из работников строительного треста.

– Но и заводчане не были забыты. Иван Яковлевич Прокофьев тоже получил Героя, – добавил Петр Георгиевич. – Прокатный цех – главное дело вашего треста?

– Ну почему же? Я бы так не сказал. Да что там говорить, зачем перечислять, сколько дел переделано и как определить степень их важности. Это прокатка и мартен на слуху. А цеха танкового производства? Кто про них знает? А корпус «Б»,

где подлодки оснащались турбинами? На каких весах определить, что главнее?

Только тогда, когда увидели, что на нас медленно надвигается новенький «Кировец», надевая по ходу движения детали, необходимые ему для дальнейшей трудовой жизни, поняли, что оказались у раскрытых ворот главного тракторного конвейера.

– Петр Георгиевич, когда-то с этой линии выходили на просторы Родины несколько тракторов одновременно.

– Да, времена меняются. Крупных сельхозпредприятий нет, а мелким наш трактор не по карману. Тяжело сейчас всем, даже тракторам, так что и мы – не исключение. Мощности, занятые когда-то под оборонку, пустуют. Представляешь, знаменитые танки Т-80 стали вдруг не нужны. Печальная и страшная картина... Ясно одно, государство нам сейчас не помощник. Приходится все менять, приспосабливаться. Главная ставка делается на производство металлопроката. Провели акционирование, бывшие цеха стали заводскими «дочками». Предотвратили банкротство, разобрались с «рейдерами».

– Как думаешь, Петр Георгиевич, стройка хотя бы года через два продолжится?

– Думаю, нет. Проблем у завода много, сейчас главное – заказы и замена устаревшего оборудования. Зданий, что Вы нам понастроили, надолго хватит. Память хорошую по себе оставили.

– И на том спасибо.

– Давай без обид. Сколько трест занимался строительством на заводе.

– Тридцать лет.

– Так что же ты хочешь? Сейчас на заводе не увидишь ни одного старого цеха, все новые здания.

Беседуя, мы остановились и, запрокинув головы, еще раз полюбовались величественными, грозными зданиями цехов.

– Ну вот, Петр Георгиевич, посмотри, – показал я на ближайший цех, – как соседствуют века. Правда, немного поправить надо фасад и кровлю. А так – прекрасный образец промышленной архитектуры девятнадцатого века. Сохранили, не сломали.

– А ведь действительно красиво. Сколько хожу здесь и не замечал...

* * *

Пройдя мимо танкового КБ, перейдя через железнодорожные пути, мы вышли к заливу. Заметили это, когда у ног шумно вспенился прибой. Видимость была прекрасная, ветер легкий, как и прибрежные волны. Вдали были видны красно-зеленые порталные краны в Лесном порту. И огромный белый пассажирский лайнер на рейде. Вот такой проникновенной живой картиной, открывающейся в бесконечную даль, закончилась эта прогулка.

Обратно к заводууправлению пошли быстро. Все главное было сказано, невысказанное – прочувствовано. Но оказалось, наше прощание еще не закончилось.

– Зайдем на минуточку ко мне, – настойчиво попросил меня Семененко. —

Да я итак у Вас большую часть рабочего дня занял.

– Зайдем, заодно и дождь переждешь, а не перестанет – машину дам добраться.

Действительно, начался дождь, он, как театральный занавес, разделил акты нашей жизни, которая продолжала преподносить мне приятные минуты.

Мы, минуя приемную, вошли в комнату отдыха, что была за директорским кабинетом. Небольшой стол был накрыт на двоих. Сияла кружевная белая скатерть, оттененная красными тканевыми салфетками, аккуратно разложенными рядом с тарелками. В центре стола – разноцветные листья клена рассыпались фейерверком из высокой хрустальной вазы, касаясь тарелок из белого фарфора. Празднично, торжественно, грустно. Обильная разнообразная закуска состояла из рыбных деликатесов, овощного салата и фруктового десерта. Крепкие напитки, расположившиеся на маленьком сервировочном столике, были в избытке.

– Что будешь пить?

– Водку.

Семененко наполнил рюмки.

– Ваш трест строил завод тридцать лет, я пришел сюда по-

сле института двадцать три года назад. Когда работал мастером, а потом начальником цеха, то думал, что ваш трест – хозяйственная заводская единица, настолько мы были близки. А когда стал начальником производства, понял, что родители у нас – разные. И судьбы, значит, разные. Мы состоим в министерстве оборонной промышленности, вы – в министерстве строительства. Но какая разница? Мы вместе делали одно дело, так что давай выпьем – за мой завод, за твой трест, за нашу молодость, за людей, которых уже нет с нами...

– И за наше будущее, – оптимистично добавил я.

Что пришла весна, я догадался не по датам в календаре, а по ветвям деревьев, сочным, набухшим, усыпанным лопающимися почками. И по сладостному аромату, источаемому расцветающей жизнью, поборовавшей все зимние невзгоды.

Мою догадку подтвердили первый гром и необузданный, но короткий ливень. Конечно, это Май! Я иду вдоль Мойки домой, льда уже нет, он растворился в волнах Финского залива, а взамен появились утки-лодочки. Строй за строем плывут они по городским рекам, радостно покрякивая, приветствуя благодетелей, которые бросают им в воду маленькие кусочки хлеба. И все радуются встрече.

И нам, начальникам, есть чему порадоваться. Весной стало традицией заслушивать руководителей органов местного самоуправления и предприятий о ходе подготовки и праздновании очередной даты Дня Победы. Слушания проходят в здании бывшего Кировского Дома Советов, величественном, подражающем римским общественным форумам, построенном по проекту архитектора Н. Троцкого в 30-е годы прошлого века.

До начала заседания у меня оставалось немного времени, и я решил заглянуть к заместителю главы районной администрации. Хотел узнать его мнение о строительстве дома внутри одного из кварталов.

С парадной лестницы зашел в длинный коридор, где расположены кабинеты заместителей. Только открыл дверь, как навстречу – генеральный директор Кировского завода Петр Георгиевич Семененко. От радостной неожиданности мы оба остановились, обнялись.

– Сколько лет, сколько зим!

– Здравствуй, Петр Георгиевич. Не знаю, как насчет лет, но не виделись давно.

Мы еще раз крепко пожали друг другу руки.

– Что ты здесь делаешь? Помнится, Петр Георгиевич, ты и в советские времена редко райсовет жаловал, если только первый секретарь персонально не просил зайти.

– Был у главы Администрации. Дел накопилось много, совместные решения требуются. А как твои успехи, что в тресте?

– В двух словах не скажешь – роман можно писать.

– В приемной главы диван есть, пойдём, присядем, поговорим.

Мы так и сделали, удобно расположившись на помпезном дорогом диване.

– Я недавно проезжал по проспекту Стачек, вижу, с завода выезжает новая техника. Может, похвалишься?

– С удовольствием. Ещё при тебе мы начали разработку новой техники на базе трактора «Кировец». Сейчас экономика нас подтолкнула к выпуску дорожно-строительной техники. У машины очень хорошие параметры – мощный дви-

гатель, «ломающая» рама, трансмиссия, ведущие мосты. Мы начали с универсальной дорожной машины, на которую монтируются бульдозер и фронтальный шести тонный погрузчик. Реверсивная система управления, то есть водитель, может развернуться на сто восемьдесят градусов.

– Недавно я видел у субподрядчиков ваше новое чудо – виброкаток.

– Уже видел? Это уникальная машина, без нее невозможно качественно построить ни плотину, ни взлётно-посадочную полосу, ни дорогу. Мы единственные в России производители. К счастью, она оказалась очень популярной у дорожников и в добывающей промышленности, сейчас мы доводим её до ума.

– Ты спрашиваешь, как в тресте дела. Это у вас дела, а я по-прежнему кирпич к кирпичу приделываю.

– Да ладно прибедняться, Заслуженного строителя за просто так не дают...

– Вы и это знаете? – вырвалось у меня от смущения это непривычное в наших отношениях «Вы».

– Мы помним старых друзей.

– Слушай, Петр Георгиевич, когда я встречаю ребят с завода, они рассказывают, что предприятие стало выпускать технику для крайнего севера. Интересно. Фантастика!

– И так, и не совсем так. Я давно понял, что мы должны занять нишу по работе с газовиками и нефтяниками. Это огромный потребитель техники. Трубопроводы всегда про-

кладываются по бездорожью, там нужны машины высокой проходимости. Мы создали четырехместную гусенично-колесную машину, все четыре моста – приводные. Она может быть оборудована двумя гусеницами, а при необходимости ленты надеваются на оси попарно. Проходимость и маневренность у такой машины колоссальная.

– А для чего она предназначена?

– Не спеши, сейчас расскажу. На нее мы навешиваем десяти-тонный подъемник и набор ремонтного оборудования со сварочным агрегатом, а также экскаватор.

– Надо взглянуть, возможно, такая машина и мне понадобится.

– Взгляни, тебе быстро сделаем. По дружбе.

– А если по бартеру? Ты мне – машину, я тебе – приличную квартиру.

– Можно и так.

– Ловлю на слове.

– Другая машина грузоподъемностью сорок тонн. Уникальная особенность этой машины в том, что в ней учтены требования экологии. Север есть север, узик пройдет, а след от него на года останется. У нашей новой машины удельное давление гусениц до 300 граммов на квадратный сантиметр. Тебе как строителю это о чем-то говорит?

– Конечно, говорит.

– О чем?

– О том, что это давление – пушинка. Я измерял свое дав-

ление – ровно четыреста граммов на квадратный сантиметр.

– Видишь, какое чудо создали? Сорока тонная техника только травку придавливает.

– Покупают?

– Покупают, но всегда хочется, чтобы побольше брали, это ведь конвейерный материал.

– А про родной наш «Кировец» не забыли?

– Куда нам без «Кировца»? Он на вспашке делает пятьдесят гектаров в сутки, пятикратно превосходит конкурентов. На такое способен только «Кировец». Поля нужны большие, но Россия – огромная страна, она ведь северо-западным регионом не заканчивается. Ну ладно, ты всё меня пытаешь. А как трест поживает?

– Нормально, хотя скажу тебе по секрету, нашему тресту, как и вашему «Кировцу», побольше бы поле деятельности, а то пока всё по мелочам.

– Ну, и мелочи надо кому-то делать.

У Семененко зазвонил телефон.

– Извини, я сейчас отвечу, – сказал он мне.

Однако разговор с неизвестным собеседником затянулся. Я отошел в сторонку, затем, когда пришло время идти на совещание, подошел к Петру Георгиевичу. Он оторвался от телефонной трубки, молча пожал мне руку, кивком головы попрощавшись со мной. Как оказалось, навсегда...

«Жизнь не всегда права». Встречи с поэтом Борисом Орловым

*Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит Отчизны своей.*
Н. А. Некрасов

Начало

Известный русский петербургский поэт Борис Александрович Орлов, капитан 1-го ранга, родился 7 марта пятьдесят пятого года последнего века второго тысячелетия от рождества Христова в центре России, в деревне Живетьево Ярославской области. Имеет два высших образования. Окончил Ленинградское высшее военно-морское училище им. Ф. Э. Дзержинского и Московский литературный институт им. Максима Горького. Служил на Северном флоте на атомной подводной лодке. Участвовал в дальних походах.

Автор более двух десятков поэтических книг лауреат литературных премий им. Константина Симонова, им. Валентина Пикуля, Большой литературной премии России, второе десятилетие – Председатель Санкт Петербургского отделения Союза писателей России, секретарь Союза писателей России.

За выдающий вклад в развитие Культуры Указом Президента Российской Федерации награжден «Медалью Пушкина».

Действительный член Петровской академии наук и искусств.

Это далеко не полный список званий, наград, достижений Бориса Орлова. Но самое главное – он талантливый поэт. Обладая филологическим и техническим образованием, Борис Александрович относится к тем редким русским поэтам, которые, изучив физическую картину мира, могут отобразить его закономерности не только в математических формулах, но и в художественно философских категориях и образах. Читая стихи Бориса Орлова, удивляешься их правдивости, проникновенности, начинаешь понимать, что законы нравственности объективны и незыблемы, вместе с поэтом учишься достигать недостижимое, постигать в обыденном божественные смыслы. Стихи поэта такие же яркие, динамичные, запоминающиеся, как имя и фамилия нашего выдающегося современника.

Ваш покорный слуга на своем литературном поприще довольно часто встречался и встречается с Борисом Орловым. Эти встречи не ограничиваются приветствием и рукопожатием. Встретившись, мы всегда, даже когда мало времени, что-то обсудим, поделимся впечатлениями, поразмыслим над планами. Мы говорим о непреходящем значении, но периферийном месте книги в современном обществе, раз-

мышляем о возможном и необходимом развитии книжной отрасли, о нынешней поэзии и значении писателя в России и мире, о превратностях творческого пути, обмениваемся мнениями, радостно, как мальчишки, вздохнув, делимся воспоминаниями о своей малой родине.

Если бы записать наши разговоры, то получилась бы, наверное, интереснейшая книга, отражающая важный отрезок исторического времени. Нашего времени! Но... Поэтому сейчас, когда течение жизни с каждым годом убыстряется, я осознаю, как все хорошее мимолетно, как в текущей жизни надо замечать и ценить каждое слово, тем более, если это слово писателя. В старину люди передавали исторические факты, события, свои знания – устно. Но в наш переполненный информацией век ценность не то что устного – даже письменного слова нивелируется. И все же я решил по памяти сделать записи о героях моего времени, о своих самых дорогих встречах и беседах, о своих дорогих учителях и друзьях, среди которых Борис Орлов занимает одно из самых близких к моему сердцу мест.

Говоря о Борисе Орлове, я не собираюсь исследовать его творчество, о нем много написано литературно критических статей, эссе, отзывов. Но воспоминаний об Орлове как о личности, как о нашем современнике – не припомню. Непросто в воспоминаниях о нескольких встречах представить человека, который прошел трудный и славный профессиональный путь моряка-подводника, закаленного неумолимой морской

стихией, впоследствии ставшего редактором известной на всем Военно-морском флоте «Морской газеты» – еженедельника Краснознаменной Ленинградской военно-морской базы и Военно-морских учебных заведений Санкт-Петербурга. Во время работы Бориса Орлова в газете она сделалась популярнейшим изданием, где публиковались смелые исторические материалы, очерки о людях, принесших славу России, о которых Родина подчас забывала.

Сколько сил отдает Борис Александрович руководству нашей писательской организацией, известно только Господу Богу, самому Орлову и немного нам, его друзьям, находящимся рядом с нашим уважаемым мэтром. Я вижу, как много бесценного, оторванного от личного творчества времени Бориса Орлова уходит на мероприятия, способствующие проявлению незримого литературного процесса в нашем Отделении Союза писателей России, сколько сил отдает наш Председатель облегчению жизни писательского сообщества. Забывая о себе, Борис Орлов помогает другим, выступая и в роли просителя, и в роли попечителя для всех питерских писателей. Он прикрывает собой, своим авторитетом всех нас, прозаиков и поэтов, публицистов и критиков, всех, кто ныне делает великое дело – литературными средствами созидает историю России и российского народа.

Но, конечно, самое главное в жизни Орлова – личное творчество, возлюбленная поэзия.

Каждый день жизнь нам предлагает разные, неожиданные,

подчас невероятные ситуации. Но главное в жизни – любовь. Любовь к людям, к родной земле, к Родине. И все это есть в поэзии и жизни Бориса Александровича Орлова.

Встреча первая. «Научимся святость беречь»

Заседание Общественной палаты, проходившее в Световом зале Смольного, затянулось. Вместо регламентных двух часов оно продолжалось почти три с половиной. Из них – полчаса ждали губернатора, немалая часть времени ушла на традиционное награждение юбиляров, каждому из которых была предоставлена возможность выступить со словами благодарности. И только после этого перешли к повестке дня. Обсуждалась работа комиссий Палаты. Председатели комиссий отчитывались о проведенных мероприятиях, не забывая подобострастно и многословно поблагодарить Комитеты администрации, которые якобы с большим удовольствием участвовали и помогали членам Палаты.

Все это с самого начала приняло минорную тональность и усыпляющий ритм. Участников совещания было немного, что особенно замечалось в невольном сравнении нашего собрания с размерами огромного зала. Да и пришедшие не отличались заинтересованностью и внимательностью. Кто-то перелистывал свои деловые бумаги, кто-то беседовал с соседом, кто-то громко, на ширину плеч разворачивал шуршащую газету. Мне, страдающему от духоты, помогала отвлечься от затянувшегося собрания любимая книга.

Когда, наконец, все закончилось, я, одним из первых

спешно покинул зал и, оказавшись на воле, подумал, как же мало мы радуемся простым, обыденным жизненным дарам. Разве не чудо – эта сладкая, насыщенная ароматами зелени парка прохлада, которая сейчас мне казалась даром бесценным.

Солнце, покидая небосвод, уже махало питерцам теплыми ладошками своих последних лучиков-ручек, не торопясь забирать с собой за горизонт весь свет. Поэтому округа была ясной. Хотя с другой стороны неба на город начали наползать тяжелые ночные тучи. Казалось, они несут дождь, бурю, но по опыту жизни я понимал, что ночь только грозит непогодой. А как только она захватит все небо, разляжется от горизонта до горизонта и разнежится, то забудет про свои вечерние угрозы, и, позевывая, утихомирится вместе с городом до того утреннего часа, когда солнечные лучики-ручки отшлепают ее, тучную, неповоротливую, и прогонят обратно за горизонт.

Я как рыба, попавшая в привычный водный поток после того как она случайно побывала на засушливом берегу, глубоко вдыхал сладкий воздух, наполненный ароматами близких деревьев и молекулами невской влаги. Медленно спускаясь по огромным ступеням мраморной лестницы классического здания Смольного, боясь поскользнуться на них, отполированных до зеркального блеска, я вздрогнул от неожиданного сзади приветствия.

– Здравствуй, Михаил Константинович!

Голос Бориса Орлова я узнал сразу. Радостно обернулся.

– Здравствуй, Борис Александрович, – откликнулся я с легким удивлением. – Ну ладно мы, общественники прокаженные, протираем здесь штаны и подметки ботинок, а тебя-то какие ветры сюда занесли?

– Да нет, не ветры и не волны... Деньги! Помощь приходил выпрашивать.

– Какие в Смольном деньги, Борис?

– Самые настоящие. Правда, не в привычном виде, как у меня в кармане, – Орлов импульсивно похлопал себя по груди, – а «бесконтактные».

– Ты, председатель Правления Петербургского отделения Союза писателей России, просишь деньги в Смольном?

– Ну а где их еще просить? Только здесь и можно.

– Я не об этом, зачем они тебе?

– О, дорогой мой Михаил Константинович, тебе ли спрашивать, зачем деньги? Они нужны для самого главного в нашем деле – чтобы издавать книги писателей.

– И что, получилось выпросить?

– Расскажу потом, когда приду в себя, – отшутился от сложного разговора Борис Александрович. – А ты, Михаил Константинович, куда путь держишь?

– До метро хочу прогуляться. Машину специально отпустил. Хоть у меня работа хлопотная, а хожу мало, вот и решил пройтись по любимому городу.

– Мне тоже к метро, пошли потихоньку вместе. Хотя да-

лековато. Может, пару остановок на автобусе проедем?

Пройдя через площадь Пролетарской диктатуры, на углу Суворовского мы долго простояли на остановке. Но ни автобуса, ни троллейбуса не дождались. Как всегда – то ли авария, то ли пробка.

– Пошли дальше, Борис Александрович, тут уж не так много осталось до метро.

– Пошли, Михаил Константинович.

Свернув с Суворовского проспекта, мы направились по Кирочной. Пользуясь случаем, я старался расспросить нашего председателя об интересующих меня вопросах из писательской жизни. Он мало того что знал ее хорошо изнутри, так еще и свою оценку происходящему мог дать. Суждение Бориса Орлова всегда было интересно.

– Борис Александрович, – начал я с соответствующего ситуации вопроса, – ведь писатели прежде были самыми высокооплачиваемыми людьми. Что ж Вы сегодня, как руководитель одной из самых уважаемых в городе организаций, спрашиваете деньги на издание книг?

– Да, были времена, когда писатель за книгу получал гонорар свыше двадцати тысяч рублей, это когда машина «Жигули» стоила пять тысяч. Союз писателей в советские времена был богатой организацией. Один Литфонд имел мощнейшие средства. Традиция повелась из XIX века.

– Кстати, создание Литфонда не было оригинальной нашей идеей, писатели взяли в пример английское Общество

помощи писателям и расширили орбиту его деятельности в соответствии с названием «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым». А проект устава Общества получил Высочайшее утверждение.

– Да, Михаил Константинович, у исторического Литфонда есть чему поучиться. Хотя бы тому, из чего складывался его капитал. Ведь достаточно большой вклад вносило в виде ежегодных субсидий Министерство народного просвещения, были членские взносы, единовременные пожертвования. Вносили свой вклад в развитие русской литературы и науки и высочайшие особы, также поступали отчисления от публичных чтений, концертов, спектаклей, изданий.

И при советской власти многое сохранилось и приумножилось. Дома отдыха, поликлиника, детский сад, типография и много другого добра было у Литфонда на балансе.

– И куда это богатство исчезло?

– Мне трудно сказать, я ведь поэт, а не хозяйственник. Что-то пришло в негодность, так как имущество требует хозяйского глаза, что-то растащили «умные люди», которые всегда появляются там, где можно пожить. Ты же понимаешь, Михаил Константинович: что сегодня может заработать писатель? Что-то может, если вдруг произойдет чудо, и его заметит издательство. А для этого надо чтобы текст понравился прочитавшему его редактору, тогда издательство Вас пригласит на разговор, потом отредактирует так, что своего произведения не узнаешь. Хотя у нас цензуры нет,

русскую тему пытаются втихаря притоптать, припрятать, исказить в соответствии с либеральной идеологией. У нас по Конституции идеологии нет, а как будто бы и есть. Посмотрите, кто пользуется благами от культуры? Те, кто пропагандирует низменные пороки, смертные грехи, либеральные, то есть человеконенавистнические идеи. Назвал бы фамилии распропагандированных писателей, режиссеров, художников, да противно свои губы осквернять их мерзкими именами. Раньше было понятие «космополитизм», сейчас его заменили термином «толерантность» или «права человека». А какие это права? Права – крикливого меньшинства. Почему никто не говорит о моих правах, о том, что я хочу в России, в своей стране, отвоеванной моими предками для меня, быть русским не только в мыслях и мечтах, хочу свои патриотические стихи донести до молодежи, до народа? Ведь я хочу, чтобы люди стали лучше, умнее, свободнее. А свободу понимаю как волю Божию, то есть не как закон фарисейский, а как благодать Христову.

– Борис Александрович, но мы отвлеклись от темы, от процесса получения гонорара.

– Да, если Вы подчинитесь требованиям издательства, тогда только Вас напечатают. Автор получает десять процентов с общей прибыли от реализации тиража. При этом знаю по опыту, тираж будет больше, чем указан в выходных данных книги. Но Вы об этом вряд ли узнаете. Максимум, что Вам достанется, – пять рублей с проданного экземпляра книги.

И все тонкости про отпускную цену и продажную от Вашего понимания будут скрыты. Но тут поджидает еще одна уловка. Если Вы написали одну книгу, издатели с Вами разговаривать не захотят, нужно, чтобы было две, а то и три книги, чтобы Вас можно было «раскрутить». Итогом Вашей работы может стать двадцать или тридцать тысяч рублей. Хороший заработок?

– Да, по нашим временам, сущие копейки. Согласен, Борис Александрович, несоизмерима эта цена с напряженностью и интеллектуальными затратами писательского труда.

– Но я ведь сказал, что если произойдет чудо, и тебя «заметят», и издательство издаст твою книжку. Видите, СКОЛЬКО «если». Но таких чудес единицы. Поэтому я, как руководитель писательского сообщества, прошу у власти помощи. Какой? Да любой. Искренне радуюсь, что в высших эшелонах российской власти все-таки наступает понимание высокого значения русской литературы и писательского труда, – голос Бориса Александровича от волнения даже изменился по тембру, появились в нем жесткие, незнакомые мне обертона, диссонансные сочетания звуков. Но он продолжал:

– Да, сегодня власти регионов, в том числе и Санкт-Петербурга, за счет городского бюджета издают книги писателей, выплачивают стипендии, гранты. И, слава Богу, у нас появился свой Дом писателей на Звенигородской, 22. Появляются и укрепляются и другие формы сотрудничества государства с творческими людьми.

Но все равно – это крохи. Не ошибусь, если скажу, что девяносто процентов писателей не только ничего не получают за свой труд, но вынуждены еще и сами платить издательствам за выпуск своих книжек.

Борис Орлов резко остановился, повернулся грудью к ветру и подставил ему свое пылающее лицо. Ласковые струи, насыщенные не только вечерним благоуханием деревьев, но и сгустившимися парами отработанного бензина, немного успокоили кровь и пафос нашего капитана, примирили с действительностью, которая никогда не бывает идеальной. Ему ли, бывалому подводнику, этого не знать? Но такой уж наш Борис Орлов: стремится в жизни и в творчестве только к правде, к справедливости, к совершенству. К идеалу!

– А помнишь, Михаил Константинович, – уже мягче, спокойнее: продолжил мой спутник, – были в России в конце XX – начале XX века такие знаменитые издатели Суворин, Солдатенков, Сытин? Они думали о народе. Сытин, например, всю свою жизнь посвятил изданию книг для народа, вернее, для его просвещения. Он ведь и издание дешёвых книг наладил, и книготорговлю организовал в интересах простых людей, отдавая предпочтение книгам духовно-нравственного содержания, просветительским, фольклорным. Выпустил свой знаменитый «Букварь» для народа. Да, такие, как Сытин, не только народ просвещали, но сами славу Отечеству составляли.

– А разве современные поэты, прозаики своими стихами и

романами не создают славу Отечеству? Мир знает Россию по ее великой литературе, к сожалению, только прошлой. Наверное, в наше время уже не будет великих писателей, Борис Александрович?

– Если никого не печатать, то никого и не будет. Литературному произведению требуется укоренение в сердцах читателей, требуется оценка, только тогда то, что выходит из-под пера автора, становится литературой. А ведь большинство наших коллег пишут в стол, мы практически не допущены к средствам массовой информации, находящимся в руках барышников.

– Ну а как же в других странах? Посмотрю – все книжные прилавки завалены иностранной литературой в красивых обложках. Неужели заграничные писатели умнее и талантливее нас?

Борис Александрович задумался, вздохнул, замедлил шаг. Обвел рукой воображаемый купол.

– Посмотри, Михаил Константинович, какие красивые вокруг дома. Старинная архитектура классицизма, барокко, шедевры конструктивизма первых пятилеток. А там – заводские корпуса, тоже красивые сооружения, выверенные, целесообразные. Талантлив русский человек. Во всем талантлив. Такой красивый город создан трудом и волей наших соотечественников. Без их жертвенной веры в то, что на «топких берегах» можно создать великую столицу, никакие итальянцы ничего бы не отважились напридумывать. Это ведь

русский труженик, каменщик, камнерез Самсон Суханов давал Монферрану уверенность в том, что с Божией помощью все возможно: и колонны водрузить без фундамента, и столп поставить на века. Да, велик русский человек. И писателей у нас очень много талантливых. Только не организован их союз с читателем. То ли по злему умыслу властей, то ли по их недоразумению, то ли по лени.

– Но все-таки за границей жизнь у писателей легче, насыщеннее?

– Да, у них скоординирована система взаимоотношений с властью. Например, в Румынии принят Закон об обязательном пятипроцентном отчислении от стоимости всей ввозимой в страну и производимой внутри нее копировально-множительной и печатающей техники. Эти средства поступают на счет румынского Литературного фонда, таким образом у писателей появляется возможность издавать свои журналы, получать стипендии, гранты, премии и доплаты к пенсиям.

Кроме этого решаются многие другие проблемы.

В Китае и Северной Корее писательские союзы находятся на бюджете государства.

– У нас, Борис Александрович, стало почти нормой равенение на Соединенные Штаты. А как у них?

– У них тоже хорошо. Там для поддержки творческих людей учреждена должность «писатель при университете», благодаря которой американские мастера получают профессорские оклады и ведут за это во всех учебных заведениях Аме-

рики факультативные уроки по истории словесности, организуют литературные студии и мастер-классы. Данная работа обеспечивает достойное материальное существование писателям, освобождая их от необходимости зарабатывать деньги литературной поденщиной, и помогает сохранить высокий культурный уровень нации и вырастить новые писательские кадры.

– При нашем количестве университетов всем бы писателям места хватило.

– Конечно, хватило. Если бы мы не были расколоты.

– Это что за беда у нас такая? Что разъединяет писателей?

– Беда, большая беда! Сегодня писательский мир России разбит на несколько почти не контактирующих друг с другом лагерей, образовавшихся по идеологическим, стилевым, художественно-вкусовым и иным признакам, и группирующихся вокруг литературных журналов и различных объединений. Большинство этих объединений представляют узкие «межсобойные» тусовки, куда закрыт доступ писателям из других союзов. К добру это не приводит и приносит вред российской культуре.

– А что, у нас государство просто наблюдает за этим процессом?

– Ну а при чем здесь власть? Все объединения некоммерческие, общественные, и государство не вправе вмешиваться в их деятельность. Поэтому у нас на книжном рынке книг выпускается много, а почитать нечего. Ведь за почти трид-

цать лет не появилось ни одной песни, которую бы пел весь народ вне зависимости от возраста и социального статуса. Где кинофильмы, «как раньше», когда их показывали по телевизору, улицы пустыли? Где новые имена?

– Знаешь, я сейчас читаю Валентина Григорьевича Распутина, у него по этому поводу есть замечательные слова.

Я поспешно открыл портфель, достал скромный по оформлению, зачитанный томик любимого моего писателя.

– Послушай, Борис Александрович, вот его книга «Эти двадцать убийственных лет», я взял ее с собой, предполагая скрасить скуку заседания: «Издательства перестали выращивать, воспитывать автора, как было в пору моей молодости, когда такой селекционной и творческой работой занимались все издательства, не исключая и областные. Вот почему начиная с шестидесятых годов, до девяностых минувшего столетия оказались столь урожайными на новые имена. Сейчас государство умыло руки, а у рынка жестокие и нечистоплотные законы выгоды. Издается то, что расходуется. Расходуется то, что проталкивается, развлекательность, низкопробность, мишура, всяческая наживка на крючок, которая, куда ни пойдешь, постоянно перед носом. Идет непрерывная и масштабная на всю страну работа отупления человека, его развращения и озверения.

В неполноте своей, в своей национальной отверженности и духовной запущенности можем мы и с именем “русский” перестать ему соответствовать, после чего недолго нас и из

имени, как из полегчавшего мешка, вытряхнуть».

Я читал что-то еще, перечитывал особенно важные мысли нашего современника, оказавшегося классиком при жизни. Когда я закрыл книгу, оказалось, что мы уже давно сидим на лавке в Таврическом саду. Разговор об общей боли, понимание этой боли сблизили нас не только духовно, но фактически, с Борисом Орловым мы сидели плечом к плечу, голова к голове склонились над книгой нашего великого Валентина Распутина. Говорили долго, вспоминали Леонида Леонова, о котором большинство молодежи не ведает, ну а уж про Владимира Солоухина помнят только его ровесники или же те, кто жили во времена, когда его произведения звучали потрясающим душой набатом, созывающим людей на борьбу за русскую культуру, за русскую старину, являющуюся базисом будущего. Останови сегодня нескольких молодых людей, проходящих мимо, назови ряд имен русских писателей, спроси, что они знают о них. И в ответ услышишь или циничное хамство, воспитанное всякими смех панорамами, или жалобное мычание – мол, не трогайте, не казните трудными вопросами, ни к чему нам ваши писатели в век компьютерных технологий.

– Послушай, Борис Александрович, но ведь, действительно, современная эпоха, как нас убеждают с телеэкранов, не приспособлена для книг. Сейчас везде интернет, гаджеты, лайки. Возможно, мы преувеличиваем значение печатной продукции, пытаемся молодежь повернуть назад, в прошлые

времена и моды? А ведь научно-технический процесс – процесс объективный и непрерывный. И никуда не деться нам от идущей вперед жизни. Только следовать за ней нашей молодежи.

– Ладно тебе ссылаться на то, чего нет. Роль книги в приличном бумажном варианте действительно неуклонно снижается. Но книга жива, и, я думаю, проживет еще долго. Какие тому причины? Каждому человеку книга дорога тем, что, читая ее, он с ней сродняется, оставляет меж ее страниц свои сердечные переживания, мысли, молекулы кожи пальцев, перелистывающих страницы, и даже слезы. Книга ведь как учитель. Хорошего учителя не забывают всю жизнь.

– Но ведь есть любители аудиокниг, – продолжил я задавать Орлову простые вопросы. – У некоторых людей глубже слуховое восприятие. Да и зрительное восприятие в наше время может удовлетвориться чтением книги на планшете.

– Но зрительное восприятие живой книги и книги на планшете различно, – резко перебил меня Орлов. – Это как прекрасная, яркая картина и газетная черно-белая ее репродукция. При чтении на планшете восприятие поверхностно, впечатление недолговечно. Так называемое «клиповое мышление» создано лишь для кратковременного удовлетворения потребностей человека. А печатная книга, тем более в хорошем издании, запоминается как совокупное произведение искусства.

Борис Александрович, воодушевившись затронутой те-

мой, казалось, был готов прочитать мне лекцию. Поэтому я решил наш разговор перевести в оптимистичное русло.

– Однако я вижу, что сегодня книги начинают отвоевывать утраченные ранее позиции. Книга вновь стала хорошим подарком, даже в молодежной среде. Ты посмотри, сколько книжных магазинов. Если бы книги не покупали, что? открывались бы новые магазины?

– Так-то оно так, но иногда я слышу даже от депутатов Госдумы, что у нас в стране нет достойной современной литературы, нет талантливых русских писателей. А почему – нет? Потому что их не знают. А я со знанием ситуации заявляю, что есть у нас всё: и выдающаяся литература, и сильные писатели. Являясь заместителем Председателя приемной комиссии Союза писателей России, я хорошо знаю современную русскую литературу. Очень талантливые поэты, прозаики, драматурги есть у нас! Многие из провинции. Однако Федеральное агентство по печати их не знает и знать не желает. Откуда же этим писателям найти денег, чтобы издать свои книги, а надо еще и рекламу заказать. Нет у нас денег, чтобы эту рекламу в метро и по телевизору показать. Только у банкиров есть такая возможность – вот они и становятся самыми популярными писателями. А у наших – в потоке масскульта теряются мизерные тиражи, расходятся среди друзей и родных. До широкого читателя не доходят.

Писатели – великая сила, но их потенциал сегодня не востребован. Они могли бы оказать стране великую помощь в

воспитании молодежи, в создании достойного образа России на мировой арене, в решении многих насущных проблем. Взять, к примеру, дорожное хамство – сколько о нем говорят, ужесточают правила дорожного движения, увеличивают штрафы. Но это та сфера, где не законодательными мерами надо действовать, а воспитательными, нравственным примером. И книга могла бы здесь очень помочь. Или демографическая проблема. Образ женщины-матери, верной жены, красота материнства, раскрытые талантливым писателем, могут просветлять женские и облагораживать мужские сердца. А современные ужастики-детективы учат вседозволенности, развивают в людях тепло ладности, пропагандируют убийство как норму человеческого общества. Вот и учащаются случаи, когда мать выкидывает свое новорожденное дитя на помойку или отец терроризирует родную семью.

– Но ведь считается, что воспитательная функция книги сомнительна. Еще великий Николай Васильевич Гоголь пострадал от этой иллюзии.

– Не скажи, Михаил Константинович. Вряд ли было бы в нашей стране столько героев, если бы не было книг про «Молодую гвардию», про героическую оборону Севастополя, про блокаду Ленинграда, про подвиги русских миротворцев в Осетии.

Сумерки незаметно стискивали город в своих мягких объятиях. На центральной аллее Таврического сада зажглись фонари, похожие на банки, в которых законсервированы сгустки солнца. Было понятно, что метро к нам не приблизится, поэтому мы встали и пошли к подземке сами. Разговор иссяк.

Из выпренного Дворца бракосочетания, что на Фурштатской, выходила группа молодых людей, окружив молодоженов, весело шумела, пенились бокалы с шампанским. Мы остановились, полюбовались радостью молодости, неповторимой красотой юного счастья.

– Слушай, Борис Александрович, ты известный поэт, автор многих поэтических книг. Все они свидетельствуют о высоком твоём мастерстве.

– Ну и что?

– Я вот думаю, стоит ли тебе надрывать сердце, напрягать душу, отрывать от творчества время, чтобы быть просителем о других? Может, бросишь все эти походы? И писать, писать...

Борис Орлов ничего не ответил на мое предложение, бессмысленность которого я понял сразу. Поэт сделал вид, что не расслышал меня. Потом, то ли мне, то ли самому себе, он сказал:

– Ты знаешь, Михаил Константинович, лет сорок назад я прочел слова в одной книге. Сейчас не помню, кто автор и какое название той книги, но фраза запомнилась: «Выше литературы только богословие». Вот такая у нас высокая планка!

И без паузы, кивая головой в такт рифме, Борис Орлов подтвердил поэтически эту аксиому:

*Мы в сердце, молитвой согретом,
Научимся святость беречь.
Струится спасительным светом
Алтарная русская речь.
Так было когда-то... Так будет!
Ход крестный. Победный салют.
Красивые русские люди
В намоленном храме поют.
Царит мир, оплаканы войны.
Над храмом – Божественный свет.
Дышу и легко, и спокойно.
Есть вечность... Забвения нет!*

Не ожидая моей оценки его стихов, Орлов без паузы продолжил:

– Ну и что, что писательская профессия стала общественной нагрузкой, что гонорары литераторов не идут ни в какое сравнение с заработками других деятелей культуры. Ну и что, что за книгу, которая пишется годами, можно получать

гонорар, равный месячной пенсии. Все это второстепенно. Главное – что Бог дал талант, умение видеть, слышать, осознавать и разъяснять людям. Наши читатели – вот главное наше богатство.

– Подожди, Борис Александрович, как это – писательская работа стала общественной нагрузкой? Может, это метафора?

– К сожалению, нет. В списке профессий нашей страны профессии «писатель» нет.

– И что – у нас нет профессиональных писателей?

– Выходит, нет.

– А как же пенсия?

– Как у бомжей, самая минимальная, или иди, подработывай где-нибудь. Зарабатывай на свою пенсию, работая грузчиком, истопником, охранником. Это излюбленные профессии наших писателей.

– То есть писательство является неким хобби?

– Получается, что так.

– И власти этого не видят?

– Конечно, видят, потому и заговорили о патриотизме.

Но патриотизм – слишком общее, вернее, идеальное понятие, его нужно наполнять конкретным, даже личным содержанием. И к этому призваны мы, писатели. Только когда нас призовут на самом деле? Вот поэтому хожу и прошу денег на издание новых книг, чтобы наши писатели стали известны стране. И даст Бог, среди них появятся новые Распути-

ны, Твардовские, Дудины, может, даже Шолоховы и Толстые. Хотя, конечно, у каждого времени свои творцы и герои.

Встреча вторая. «Люблю из прошлого мотивы»

Май – из всех месяцев года месяц особенный, месяц праздник, месяц-победитель, как говорится, «праздник со слезами на глазах». Окружающий мир, воскресая, ликует! Окончились тяжелые великопостные испытания и ограничения. Именно в майские дни природа полностью освобождается от зимнего гнета, от последствий апрельских ледяных ветров, от неожиданных снежных нападков не сдающейся зимы – правительницы наших северных краев, которые смирились с ее почти полугодовой морозной беспрекословной властью.

Поэтому даже негромкое, только на солнечной стороне майское тепло воспринимается как блаженство необыкновенное. А майское небо?! Какие великие поэты и художники не воспевали его неповторимую красоту. А первая зелень трав и листьев?! Не надыхаться! Не налюбоваться!

Май – месяц мира! Месяц Победы! И слез на глазах – когда 9 мая метроном тяжело отсчитывает секунды скорбной «Минуты молчания». Когда, шествуя в тесном строю памяти, ощущаешь себя соучастником «Бессмертного полка», который по численности превышает не только максимальный уставной состав этого воинского формирования, но превосходит его многократно, приближаясь к порядкам, соизмери-

мым с численностью народонаселения России. А в духовном счислении приближается к величинам, близким к Вечности и Бесконечности.

Май – это месяц труда! В мае в нашей писательской организации, завершающей полугодовой творческий сезон, дел «выше головы». Секции проводят отчетные заседания, отмечают литературные удачи, выявляют организационные недочеты, намечают планы на «летние каникулы». Писатели встречаются с читателями в школах, библиотеках, домах отдыха, университетских аудиториях и воинских частях. Но главное событие – это Международный книжный салон, который с помощью питерской исполнительной власти каждый год проводится в Санкт-Петербурге в последнюю декаду мая. Невозможно в нескольких словах передать напряженность этой подготовки, заняты практически все члены нашего Отделения. Но главной организующей и координирующей силой является, конечно, Борис Александрович Орлов. В один из таких кипучих дней, согласовав в секции свой план участия в Салоне, я заглянул в кабинет нашего председателя.

– Здравствуй, Борис Александрович!

– Здравствуй, Константиныч, – нехотя оторвав взгляд от бумаг и переведя его на меня, устало произнес Орлов. Потом, потирая виски, он снял очки и вопросительно повернул голову ко мне.

– Может, пора домой? Если не против, довезу, – поспешил я оправдать цель своего прихода.

– Довезешь, говоришь? – взбодрился мой начальник по писательскому цеху. – Попробуй. Только дай пять минут на сборы.

– Хорошо, жду внизу.

Когда Борис Александрович уже сидел в моей машине, я его бодро спросил:

– В каком районе живешь? Куда едем?

– В Кронштадт, – невозмутимо ответил он.

– Куда? – уныло переспросил я, надеясь, что неправильно понял своего попутчика.

– В Кронштадт. Я там живу. Что, Михаил Константинович, ты уже передумал везти меня? – сказал Орлов и с хитрецей посмотрел на меня.

– Конечно, нет, хотя скажу честно, никак не ожидал, что ты так «близко» живешь. Интересно, как же ты там оказался?

Борис Александрович не ответил, видимо, ответ был бы неоднозначным и долгим. Потом задал логичный вопрос:

– А как проехать в Кронштадт, ты хоть знаешь, Михаил Константинович?

– Знаю, по дамбе. Не раз бывал там.

– Дамбу открыли недавно, до этого мы добирались на пароме, теплоходе. Когда «Метеоры» ходили, намного быстрее получалось. А сейчас, не нарадуюсь, можно доехать различными видами наземного транспорта: на автобусе, маршрутке, такси.

– А Вы-то как добираетесь? – обратился я к Орлову на «Вы», подчеркивая свое восхищение его каждодневным бытовым подвигом.

– По-разному. Чаще – на метро до станции «Старая Деревня», а дальше – на автобусе, это если из города. Из Кронштадта обычно еду на маршрутке до станции метро «Черная речка».

Разведывательная беседа была исчерпана, и мы замолчали. Но Борис Александрович долго молчать не мог и нашел благодатную тему для продолжения разговора.

– Как я попал в Кронштадт, спрашиваешь? – то ли ко мне, то ли к самому себе обратился мой спутник. – Для меня самый любимый город – Ленинград, мой Санкт-Петербург. Я всю жизнь мечтал здесь жить и работать. Но флотская служба не выбирает мест. Где нужен, там и служишь. А как только представилась возможность и появился выбор, Москва или Санкт-Петербург, я, конечно, выбрал морской город. О Кронштадте даже не мечтал. Но так сложилась судьба, за что ей очень благодарен.

Опять пауза. И я молчал, понимая, что перебивать уточняющими вопросами поэтический монолог моего товарища недопустимо. Это был даже не монолог, а восторженное признание в любви к своему городу и этой любви осмысление.

– Кронштадт ведь тоже Петербург, его неотъемлемая часть, его функциональный орган. Место особенное, подобных ему нет на свете. В свое время Кронштадтская кре-

пость была мощнейшей военно-морской крепостью Европы, ее форты и батареи ни разу не подпустили неприятеля к Санкт-Петербургу.

Она была заложена Петром Г. Из-за неиссякаемой угрозы войны со Швецией крепость содержалась в постоянной боевой готовности, ее вооружение модернизировалась в соответствии с требованием времени. На гербе Кронштадта изображен котел. Знаешь, почему? По версии историка Бестужева, шведы под натиском русских, освобождавших остров Котлин, так быстро ретировались с поля боя, что оставили даже котел с готовящейся кашей, дымящейся на горящем костре. Отсюда и появился этот символизирующий быструю победу знак.

С Кронштадтом меня связывают и родственные узы. Удивительно, но именно здесь в Первую мировую и в Гражданскую служили матросами два брата моей бабушки, Фаддей и Иван. Оба они участвовали в Кронштадтском мятеже.

– Борис Александрович, а как правильно называть: мятеж или восстание? Я интересовался историей этого трагического события и заметил, что в книгах везде по-разному называют этот исторический факт.

– Да, сейчас выступление называют восстанием, а в советской историографии события, которые происходили в 1921 г. в Кронштадте, именовались «Кронштадтский мятеж», «Кронштадтская авантюра», «бунт моряков Балтфлота», а его участников называли «мятежниками» и «врагами

революции». Понятно почему – чтобы принизить значение события, подчеркнуть якобы антинародную его сущность.

– Получается, что твои деды тоже пострадали. Там ведь расправа была жесточайшая, безжалостная, со всеми участниками. Большевики-ленинцы «свое» отстаивать умели.

– Пострадали. Но не так, как, скажем, офицеры или организаторы. Мои деды были рядовыми матросами. На них не очень обращали внимание, они все-таки были ближе к народно-революционной массе. Как и другие русские люди, сохраняли тесные связи с деревней, жили простыми мечтами и в пределах мировоззрения крестьян. Хотя недоумевали по поводу новой власти, когда получали удручающие вести из родного края: у того последнюю лошадь забрали, у соседа – посадили старика отца, у третьего весь посев реквизировали, корову увели, все носильные вещи прихватили представители большевиков. А на службе начальству было наплевать на матросов, комиссары-коммунисты увлечены были, как всегда, внутривластными проблемами. Им бы себя показать да соперника уличить. Каждый день речами «захлебывались».

После подавления восстания в качестве обвиняемых были привлечены более десяти тысяч человек, из них больше двух тысяч расстреляны, свыше шести тысяч человек отправлены в лагеря на принудительные работы или в трудовую армию, и только полторы тысячи были освобождены из-под стражи.

Лишь к пятилетию Октябрьской революции ВЦИК амнистировал значительную часть рядовых участников Крон-

штадтского восстания. В том числе были и мои родственники. Но как бы они ни относились к власти, они всегда оставались русскими людьми и осознанно служили Родине. Родина для них была понятием святым. Поздней осенью сорок первого года, отстаивая Ленинград от фашистов, будучи ополченцами, оба моих деда погибли. Такова тогда была участь миллионов русских людей. Моя тетьа Мария всю войну находилась в Кронштадте, работала на водозаборе.

– Где работала?

– На водозаборе. Сейчас поясню. Вокруг острова Котлин – Балтийское море, Финский залив. Однако основное течение морской воды преграждает пресная, более теплая вода Невы. Она-то и заполняет морской фарватер. Нева здесь настолько сильнее моря, что долгие годы пресную воду черпали прямо с берега. Перед самой войной на невской сбруе построили водозаборный канал и кронштадтские водопроводные сооружения.

– Зачем же их надо было строить, если вода и так хороша?

– Я не специалист по очистке воды, но думаю, что сооружения потому и называются очистными, что очищают воду от бытовой грязи, от продуктов жизнедеятельности человека. Для очистки добавляют наверняка химические добавки для обеззараживания. Сейчас вода из Финского залива очень редко подается населению.

Еще при советской власти, сразу после войны, по дну Финского залива на остров был проложен напорный участок

трубопровода или, как его называют специалисты, дюкер, и жители стали получать подземную воду из Ломоносовского района, она тоже вкусная и имеет отличные химико-биологические характеристики. Подземные источники находятся в экологически чистой местности, где нет промышленных предприятий и сброса сточных вод.

– Борис Александрович, вот Вы говорите, что Ваша тетька всю войну работала в Кронштадте, а разве там кто-то тогда из жителей оставался?

– Конечно! Кронштадт – город-Герой, наравне с Ленинградом, выстоявший 900 дней блокады, сокрушивший немецких захватчиков. Небольшая морская крепость, по примеру многих древних русских крепостей, сопротивлялась, не сдалась, была крепким орешком, который враг не смог раскусить. Кронштадт надежно прикрывал Ленинград от ударов противника с моря. Крепость систематически подвергалась жесточайшим бомбардировкам авиации противника. Через Кронштадт проходила «Малая Дорога жизни». Из Кронштадта в Лисий Нос и далее в Ленинград шли войска, грузы, эвакуировались люди по льду зимой, летом для этого использовались все маломерные суда вплоть до рыбацких лодок. В городе находились военные госпитали, поэтому говорить, что Кронштадт был безлюдным, нельзя.

Я внимательно слушал своего спутника, только иногда кивал головой в знак согласия.

– Уверен, в этот город меня привела воля Божия. Какое

великое счастье жить в таком священном для России месте! Больше двадцати лет я живу с семьей в Кронштадте, Бог даст, проживу больше.

Мы ехали по КАД к городу, который окружен со всех сторон водой. Поэтому моя ремарка была уместной:

– Но ведь, Борис Александрович, даже при дамбе, соединившей Кронштадт с двумя берегами «большой земли», твой город по-прежнему называют островом.

– Да, его положение и прошлая закрытость все еще сказываются. И сегодня, если у тебя нет колес, трудно попасть в театры или на другие мероприятия, оканчивающиеся поздно. Наверняка останешься ночевать в Питере. Зато автобусы ходят строго по расписанию и никогда не набиваются под завязку. Такое редко встретишь в Петербурге. Я уж не говорю об их современном техническом качестве, что тоже редко встречается в большом городе. Чистые, удобные, с низкой посадкой. Кронштадтцы, несмотря на кризис, строят планы развития города. Надеемся, что к нам переедет филиал киностудии «Ленфильм». Дирекция студии собирается реконструировать здание Мореходной школы, брошенной властями и закрытой в двухтысячные. Здесь, говорят, будет музей ленфильмовских костюмов, как часть филиала знаменитой, европейского уровня киностудии. А в старинном Петровском доке Адмиралтейство планирует разместить музей кораблекрушений.

– А не жалко док отдать под такое дело?

– Петровский док – сегодня это антиквариат. Самый первый сухой док, из которого вода не откачивалась в течение месяца насосами, а уходила само сливом в специальный бассейн, соединенный с доком сухим каналом. И устройство музея в таком месте – хорошая идея, сохраняет память о доке. Будет заинтересовывать посетителей побольше узнать об истории города, российского судостроения и мореплавания.

За разговором мы не заметили, что уже почти подъехали к Кронштадту, что находимся недалеко от туннеля, где трасса ныряет под морской фарватер. Вокруг нас слева и справа плавни, и сразу после туннеля, ближе к городу, вырастают из воды знаменитые таинственные форты. Борис Орлов попросил остановить машину, чтобы показать мне зловещий на вид форт Александра Г. Действительно, это сооружение вызывало много вопросов.

– Борис Александрович, а почему он такой закопченный? Горел, что ли?

– Он черен от пожара, его развели там специально, нужно было обеззаразить стены этого некогда оборонительного сооружения, в котором до 1917 г. находилась бактериологическая лаборатория. Поэтому этот форт имел прозвище «чумной».

На пронизывающем весеннем ветру, своенравном хозяине здешних мест, долго не поговоришь, историю не обсудишь и не осудишь, поэтому я поторопился завершить нашу маленькую экскурсию.

– Очень интересно. Борис Александрович, я обязательно специально приеду, чтобы посмотреть форты. Поможете мне?

– Конечно, с радостью. Писателю надо увидеть все это, окунуться в живую историю. Очень вдохновляет. Вот у меня появились здесь такие стихи:

Люблю из прошлого мотивы.

Груб на словах.

Душою нежен.

И волны Финского залива,

И волны трав на побережье.

Приятны белые барашки

У берегов, что дифирамбы.

Фонарь, как мина на растяжке,

Взорвет своим сияньем дамбу.

А я не жду ни с неба манны,

Ни мимолетную удачу.

И впереди Кронштадт туманом

Еще почти не обозначен.

Дорога нам благоволила, шелковая лента ухоженного асфальта плавно ложилась под колеса автомобиля, так что город, казалось, сам выплыл нам навстречу. Но целостное представление о Кронштадте трудно было составить сразу, глаза «разбегались», так много здесь необычных старинных зданий, диковинных промышленных сооружений непонятного назначения. Огромное окно во весь фасад дома в стиле

модерн возникло из-за поворота неожиданно и, как мне показалось, преградило дорогу. Так что я с трудом притормозил, мне показалось, что я лечу прямо в это окно.

– Что это за такое архитектурное великолепие! – взволнованно воскликнул я.

– Да, Михаил Константинович, Ваш восторг понимаю. Все поражаются красоте этого дома. А назначение его было рядовое. В середине девятнадцатого века на смену парусам пришли корабли с паровыми двигателями, потребовались специалисты трюмного и кочегарного дела. В этом здании открылась Школа кочегаров, через несколько лет ее преобразовали в Машинную школу Балтийского флота, позже был выстроен комплекс зданий – с учебными классами, с машинными залами и мастерскими. Одноэтажный корпус с громадным полукруглым окном, что удивил Вас, представлял в подлинном виде – кочегарку большого военного корабля с действующей моделью котла. Все было по-настоящему: пылали топки, гудели форсунки, летел уголь в огненную пасть.

Многие выдающиеся деятели Военно-морского флота начали свой путь отсюда. Здесь моряки получали основные навыки и приобретали необходимые знания.

После Великой Отечественной войны Машинная школа превратилась в Морской техникум. В том классе, где когда-то была модель парового котла корабля, сделали бассейн. В нем ученики Водолазной школы проходили водолазную практику. Часть помещений занимала Минная школа. Ну а

сейчас все для этого здания в прошлом. Нет ни учеников в морской форме, ни опытных учителей. Вокруг старинного прославленного комплекса тишина.

* * *

Борис Александрович выразительно и подчеркнуто глубоко вздохнул. Этот его вздох не был деланным, но выражал сущность моего товарища, который страдал от каждой исторической несправедливости, переживал за прошлое, настоящее и будущее России.

Но голос его явно дрожал, когда мы проезжали мимо Екатерининского парка, где когда-то находился знаменитый Андреевский собор, заложенный Петром I и посвященный святому апостолу Андрею Первозванному. С искренним огорчением он поведал о трагичной истории этого некогда великолепного храма, оваянного великими русскими морскими победами, просветленного молитвами самого знаменитого его настоятеля святого праведного Иоанна Кронштадтского. Сейчас от красивейшего храмового сооружения, уничтоженного богоборческой властью в 1932 для того, чтобы на его месте поставить памятник Ленину, не осталось ничего, кроме памятного камня.

Здесь мы вышли из машины и несколько секунд стояли молча. Склонив свои головы, мы поклонились истории и жизни, которая, как сказал в одном из своих стихотворений

Борис Орлов, «не всегда права».

– Не огорчайся, Михаил Константинович. Не все так печально, сейчас мы увидим доказательство тому, что Бог необорим, что пути Господни неисповедимы и русских людей никакая власть не отвернет от Господа. Наш великий Морской Никольский собор блистает в прежнем величии и неизбывной красоте. А чтобы убедиться в этом, приглашаю тебя в мое скромное жилище. Заодно и чайком согреемся.

Пятый этаж без лифта – тяжеловато. И вот мы уже сидим в небольшой квартирке Бориса Александровича. Из окон хорошо виден Морской Никольский собор. Один из самых красивых храмов Петербурга, если не сказать – России. Бело-снежный, с огромным ослепительно-золотым куполом, он не подавляет человека, а наоборот, возвышает, заставляет проникнуться верой в Господнее величие. А осознание того, что этот блистательный купол виден даже в Петербурге, заставляет сердце восхититься Божественной целесообразностью и наполниться гордостью за родную нашу землю, которой нет конца и края и которой под стать такие огромные, солнце подобные соборы.

Будто в продолжение моих мыслей Борис Александрович сказал, указывая на собор:

– Этому храму, как и всей стране, пришлось пережить нелегкие времена. Его закрывали, переоборудовали, безжалостно скололи большую часть декора, смыли позолоту с куполов, богоборцы выломали мраморный иконостас, безжа-

лостная рука какого-то художника-варвара закрасила мозаики и росписи. Чудовищные потери, возмутительное надругательство над Россией-Русью, которое произошло с попустительства самих же русских людей.

– Но, слава Богу, возразил я, – ведь собор воскрес в своем первоначальном величии и, как прежде, украшает город. Забудем геростратов.

– Нет, – сухо ответил Борис Александрович, выразительно покачав головой. – Такое забывать нельзя.

Но к предмету его любви – Кронштадту – разговор вернулся скоро.

– Знаешь, здесь у меня порой появляется такое чувство, что я продолжаю жить на корабле, – глядя в окно, по-детски радостно признался Борис Александрович. – Посмотри, как каналы рассекают твердь города, соединяя море и сушу, обильно питая влагой скверы и парки, расположившиеся вдоль водных артерий. А эти крепостные стены плотной каменной кладки! Толстыми массивными дугами они, как борта крейсера, обнимают город, защищая островные строения не только от неприятеля, но и от балтийских волн. Всюду проникает морская стихия, море бьется о дамбу, о рукотворные форты, плещется у крепостных стен города-корабля, клочки волн в ненастную погоду залетают даже вот в эти мои окна. Кронштадтское шоссе, улица Восстания, Якорная площадь, улица Советская, улица Аммермана и другие магистрали центральной части города-острова не жмутся к

домам, их широкие тротуары кажутся мне палубой военно-морского корабля.

– Красиво, поэтично Вы говорите, Борис Александрович. Хоть и чувствуются в Ваших словах метафоры и преувеличения, но с ними не поспоришь: чистота в городе идеальная, действительно, как на палубе авианосца.

– Это одна из особенностей нашего города, даже при том, что дожди у нас частые гости, грязи нет, обувь после прогулки можно не мыть, она всегда чистая.

Еще здесь раздолье для велосипедистов и любителей роликов. Они летят по широким тротуарам, никому не мешая, наслаждаясь свободой и своим мастерством. Но эти удобные тротуары предназначались не для них и не для нас, построены они не в теперешние времена и не в советские. Они были спроектированы как плацы, необходимые для марширующих матросов. Рота под барабаны размеренно шагала по тротуару, никому не мешая.

Кронштадт – идеальное место для жизни. Люди здесь пешком ходят на работу, дети в школу. Недавно после ремонта открылась детская библиотека. Оригинальный проект в морском стиле, новейшие компьютеры, большой выбор литературы.

А если к этому добавить спортшколу, теннисный клуб, газпромовский бассейн. Мечта любого горожанина!

– Борис Александрович, в Вас говорит любовь к городу. Вы «песню» ему поете, по вашим словам – здесь недостатков

нет. У меня на предприятии работают жители Кронштадта. Встают рано, возвращаются поздно, им не до тренировок в теннисном клубе и рекордов в бассейне. Не приведи Господь заболеть. Проблема здравоохранения общая для России, но с местными особенностями. В Петербурге мощные медицинские центры, прекрасное оборудование, хорошая диагностика, но чтобы любому кронштадтцу к этому добраться, нужно быть здоровым человеком. Если ребенка положили в клинику в Питере, а родители живут в Кронштадте, – возникает множество проблем, особенно с посещением ребенка. Другие сложности перечислять не хочу.

– И не перечисляй, у любого места, города, села найдется и хорошее, и плохое. Но мой Кронштадт – самый лучший, героический, великий город. Я тебе это докажу, Михаил Константинович, прямо сейчас. Вот послушай:

*Острым льдом зарастают дороги.
Превращается в айсберг Кронштадт.
Рядом с тральщиком парусник в доке.
Туча – словно дырявый штандарт.
В рундуках спят матросские ленты.
Тонут плацы в крылатом снегу.
Ее на мостиках – на постаментах
Адмиралы встречают пургу.
Маршируют учебные роты,
И труба над заливом поет...
Колыбель океанского флота —*

Этот город, растающий в лед.

– Да, Борис Александрович, Вашему городу повезло, что у него есть такой певец. Вы, говоря словами Жуковского, «певец во стане русских воинов». И «горе! горе, супостат! То грозный наш, Суворов!» – процитировал я классические строки. – Вы воспитаны на героической литературе в воинственную советскую эпоху.

– Да, первая моя публикация была в школьные годы. Меня безо всяких «связей» печатали всесоюзные издания. Него что сейчас! Молодежи негде печататься. А я просто посылал подборки, и они публиковались в известных на всю страну толстых журналах и в популярных газетах.

– Вам и сегодня грех жаловаться на невнимание к себе читателей.

– Мне действительно грех жаловаться, я вошел в литературу с теми, кто был меня старше, мудрее, опытнее. Ездил на выступления вместе с писателями-фронтовиками. У меня с ними сложились прекрасные взаимоотношения. Мои учителя и друзья – Михаил Дудин, Сергей Давыдов, Вадим Шефнер, Всеволод Азаров, Егор Исаев. Можно еще многих назвать. Без них не было бы меня, поэта Бориса Орлова. Михаил Дудин рекомендовал меня в Союз писателей. Помню, что в Союз писателей СССР от Ленинграда в год принимали всего пять-шесть человек. Состоять в союзе было престижно, но и уровень писательского мастерства члена был высо-

чайшим.

* * *

Мы пили чай за столом, залитым лучами заходящего солнца, прямыми и отражающимися от золотого купола собора. То, что время позднее, я понял, не увидев на улице ни одного человека. Якорная площадь безмолвствовала. И только было слышно, как волны бьются о крепостные стены.

Поторопившись, поблагодарив хозяев уютного жилища, Бориса Орлова и его заботливую жену Татьяну, я через несколько минут уже сидел за рулем своего комфортного автомобиля. Выезжая из Кронштадта, я почувствовал справедливость его названия – город-корабль. Окруженный со всех сторон бурливыми волнами, он уверенно шел курсом истории, строго соблюдая свое предназначение – быть водным замком, морским редутом, защищающим великое детище царей и простых русских тружеников, великих архитекторов и умелых оружейников – Санкт-Петербург. И еще подумалось мне, что Борис Александрович Орлов – тоже своего рода редут, мощное укрепление в бурном море литературы, которую он защищает от духовных разорителей и приспособленцев, от барышников, сутяжников и склочников, стремящихся подорвать, разорить литературный процесс, подстроить его под свою выгоду и амбиции. Дай Бог нашему Орлову здоровья и мудрых помощников в его героическом обще-

ственном служении, требующем воинской выдержки, силы духа, терпения и смирения. И, конечно, новых личных поэтических достижений. Дай Бог!

Встреча третья. «И бесконечной кажется прогулка»

В это летнее, благоуханное воскресенье мы с сожалением и неохотой уехали с дачи раньше обычного, поторопились, надеясь избежать изнуряющих автомобильных пробок, которые в воскресные вечера обычно закупоривают все шоссе, ведущие из дачной местности в Санкт-Петербург. Но все равно, даже в дневное время, дорога оказалась загазованной, тормозящей, нелетной. От дорожных тягот, год от года становившихся все тяжелее в результате нецелесообразного, хаотичного заселения Санкт-Петербурга и его области, я почувствовал изнуряющее недомогание. Дома лег на диван, но и через полчаса легче не стало. Вспомнил, что в таких случаях я прибегаю к простейшему и действенному лекарству – неспешная прогулка для меня лучший доктор. Жена посмотрела неодобрительно, но препятствовать не стала. И только сказала мне в след:

– Зайди в аптеку, Миша, купи себе таблетки!

Она сказала еще что-то заботливое, но я уже не слышал, по-мальчишески резво сбегая с последнего этажа по крутой лестнице старинного дома на Большой Морской, где была наша квартира.

Несмотря на то, что вышел я в самый центр, город оказался милосерднее, чем недавняя пригородная дорога. Улица

приласкала меня освежающим ветром, поддержала объемом блистательных зданий-дворцов, глядя на которые, я всегда воодушевляюсь, просветляюсь душой. Боясь расплескать захлестнувшее меня творческое, романтическое настроение, я пошел по теневой стороне, но почувствовав, что в тонкой куртке мне здесь холодно, перешел – на противоположную. Но и здесь пологие солнечные лучи только подразнили меня, но не согрели. Поэтому, размахивая руками, я прибавил шагу, стало действительно теплее.

Ближайшая на Гороховой улице аптека в выходной оказалась закрытой. Делать нечего, пошел в аптеку, что напротив Казанского собора, уж та точно открыта, так как работает круглые сутки, – со знанием дела решил я, повернув на Невский проспект.

Величайшая улица мира, средоточие деяний гениальных архитекторов, художников, меценатов, в этот вечер оказалась сплошной человеческой рекой. На пересечении ее с Мойкой, вблизи Строгановского дворца, расположились зазывалы на экскурсионные мероприятия. В основном это были непривлекательные представительницы женского пола неопределенного возраста. Конечно, о какой привлекательности можно было говорить, глядя на этих измученных, изношенных на непрерывный рекламный призыв женщин, которые не только зарабатывали себе на кусок хлеба, но делали большое благое дело, уговаривая и уговорив многих прохожих полюбоваться красотами Петербурга с палубы катерка

или из окна экскурсионного автобуса. А от любования и до любви недалеко. А любовь во всех ее проявлениях – смысл нашего бытия, которое только в любви и становится счастливым. Такс писательской мудростью я оправдывал этот навязчивый бизнес в центре города, оценивая его добрые стороны.

Задумавшись над смыслом жизни, я не заметил, что иду по тротуару Невского проспекта в плотном людском потоке. Удачно лавируя между участниками многолюдного воскресного променада, дошел до Малой Конюшенной. Вдруг мой слух насторожился, что-то знакомое показалось в тембре голоса и словах, доносившихся из мощных громкоговорителей, расположенных на стенах ближних зданий.

*Листва дурманит запахом земли,
Лишайник растекается на стенах.
Архангелами в небе журавли
Трубят о предстоящих переменах.
Тревожит сердце облачная рябь —
Печаль о невозвратном и любимом.
Как сигареты, раскурил сентябрь
Березы, наслаждаясь желтым дымом
Слепым дождем прибило в парке пыль,
Кольшиются аллеи в дымке зыбкой.
Парит над Петропавловкою шпиль —
Божественный смычок над красной скрипкой
И отраженья кораблей царя
Хранит Нева, прижавшись к парпетам.*

*Намыло листьев, словно янтаря,
На влажных берегах балтийским ветром.
Перемещалось все: и цвет, и звук
И бесконечной кажется прогулка.
Осенне-золотистый Петербург
Поет, как музыкальная шкатулка.*

В подтверждение своей неожиданной догадки я повернул на девяносто градусов и смело пошел поперек людского потока на этот обрадовавший меня звук. Конечно, это звучали известные мне строки стихотворения Бориса Орлова, которое читает сейчас он сам. Достигнув цели, я остановился, стараясь не пропустить ни единого слова поэта.

*В похмельных душах нету места Богу.
И суждено домам бесхозно гнить.
Нанизаны деревни на дорогу,
На ней асфальт, но некому ходить.
Одних в боях повыбило, а после
Других к себе сманили города.
Бог не поможет... Если землю бросят,
То, значит, жди – пожалует беда.
Так и случилось... Ничего нет горше,
Чем запах гнили в брошенных сенях.
В день Троицы людей увидишь большие
На кладбище, чем в русских деревнях.*

Я слушал, как зачарованный. Слова о вере и истории Оте-

чества, о морях и штормах, о любви и долге уводили меня от действительности, увлекали в иные миры. И таких, подчинившихся великой силе поэтической строки, было много. Проходя мимо нашего литературного собрания, люди замедляли шаг, кто-то останавливался, кто-то вовлекался в него, проталкиваясь поближе к поэту.

И я с трудом, шаг за шагом, словно прорастая к солнцу, пробился к небольшой сцене, что была устроена в глубине улицы, в самом начале традиционных для города «Книжных аллей». Бориса Александровича я увидел в плотном окружении любителей поэзии. Слушателей было много, здесь собрались почитатели и знатоки творчества прославленного петербургского автора, были и те, кто раньше не догадывался, что является любителем поэзии, и влюбился в нее здесь «с первого взгляда». Некоторые сидели на стульях, вынесенных из кафе, но большинство, как в церкви, стояли, поэзия – дело святое. Борис Орлов тоже стоял, он был в штатском, но по властным интонациям голоса и по темам стихов все понимали, что перед ними военный человек, капитан, ведущий свою поэтическую Россию между предательскими мелями и политическими рифами.

**Указ или приказ – как вражеский фугас:
Уходит флот ржаветь на мели и глубины.
Я список кораблей прочел десяток раз,
А раньше я не мог прочесть до середины.
Останки кораблей – вдоль русских берегов,**

**Но сраму ни они, ни моряки не имут...
Все тайные враги... а явных нет врагов,
И гибнут корабли трагичней, чем в Цусиму.
Заморские моря грустят без наших рей,
Но флаги на морях не нашего пошива.
О флотские сыны – романтики морей!
Здесь правит не любовь, а зависть и нажива.**

Слова просты, смыслы знакомы, так мы все теперь говорим и думаем, вспоминая недавние годы яростного сражения либералов с советами. Хотя, надо сказать, что Борис Орлов и в убийственные «перестроечные» времена не боялся называть высокопоставленного вора – вором, властного убийцу – преступником, не стеснялся покаяться в своих грехах и проступках. Но поэту по силам не только называть больные темы, но удается заставить – тебя, меня, нас – действовать, понять, что от поступков каждого любящего Россию человека зависит ее судьба и общая победа.

Мне было радостно осознавать свою причастность этому духовному событию, стоять вместе со всеми, слушать известные мне стихи поэта, понимая, что здесь творится история. Я понял также, что поэзии нужна живая, заинтересованная аудитория. Я читал много книг Бориса Александровича, но сила его слова увеличилась многократно в этом звучном, одухотворенном вниманием слушателей исполнении.

Народ долго не расходился, люди задавали вопросы, Борис Александрович подробно на них отвечал, спорил, сер-

дился, убеждал. Думаю, что его знаменитые четыре строчки «Черная подлодка. / Черная вода. / Черная пилотка. / Красная звезда», написанные на Северном флоте, после исполнения в центре Петербурга стали родными и для Балтийского флота, и для невских берегов.

* * *

Мне было так радостно, спокойно, благодатно, что я даже не огорчился, когда заметил, что день иссяк, сумерки захватывают город, а Солнце, прикрывшись серым облаком как щитом, отступает в сторону Красного села. Наступающая ночь усугубила прохладу, но я, немного озябший, не отказался, когда Борис Александрович предложил прогуляться до Невы. Разговаривая, мы шли по Невскому в сторону Дворцовой площади. Народу, правда, меньше не стало, и толкотня продолжалась, что заставляло нас, все время кого-то пропуская, отступать, ломать нашу маленькую шеренгу. И только на набережной Невы, у гранитного парапета, нам уже никто не мешал.

А может, и мешал, но мы этого не замечали, зачарованные созерцанием извечных невских волн. Кажется, что нового можно увидеть в них, знакомых мне смолоду? Но каждый раз я с восторгом наблюдаю их великую, вечную, как будто млеко питательную, материнскую заботу. И город, который воспринимался здесь, на берегу, в единой своей жи-

вой целостности, приникал к этому живительному потоку, как младенец. И казалось, что мы стоим на берегу Вечности, пред океаном Вселенной.

– Борис Александрович, – заговорил первым я, – а Вы родом из Петербурга?

Мы давно были на «ты», но сейчас я не столько понял, сколько почувствовал, что пред этой великой красотой, пронизанной поэзией, фамильярности недопустимы.

– И да, и нет. Моя малая родина – Ярославская земля.

– Ярославская?

– Да, да – она моя любимая и родная. В деревушке Живетьево Брейтовского района я и родился. Ну как тебе рассказать о ней? Только так, пожалуй:

*Рассвет. Калиток скрип. Собачий лай.
Над трубами – дым, свившийся в колечки.
Живетьево... Черемуховый край.
Деревня дремлет меж ручьем и речкой.
Пыль тихо гонят к пастбищу стада,
Пастуший кнут звучит раскатом грома.
Такой ее запомнил навсегда,
Когда в слезах простился с отчим домом.
Живетьево... Зарос и высох пруд.
Нет «пяточка», где наша юность пела.
Другие люди поселились тут,
Которым нет до прежней жизни дела.
Труд с совестью вошли в крутой раздрай,
Взошел бурьян непроходимой чащей.*

*Конюшин нет, капутника... Сарай,
Где лен хранился, сломан и растащен.
Живетьево... Жизнь не всегда права.
Не вырастили для крестьянства смену.
Черемухи спилили на дрова,
А в дождь в деревне грязи по колено.
Где удаль? Где отцов и дедов речь?
В полях растут осины да березы.
Но вспомню перед тем, как в землю лечь,
И белый цвет, и ягод черных слезы.*

– Это даже не район, а целый край, – не переводя дыхания, продолжил Борис Александрович, – его история уходит в глубины веков. Географическая особенность Брейтовского района – всегда быть «на рубеже», «на границе». Эта территория и называлась порубежной. Поэтому и монголо-татары в 1238 году начали свои завоевания Руси с нашего края. Ты, наверное, знаешь, Михаил Константинович, о знаменитой битве на реке Сить, где прежде непобедимые русичи не смогли задержать нежданного сильного завоевателя. Так вот эта битва была в моих родных землях. А еще потому порубежный край, что находится на путях, соединяющих Великий Новгород и Ростов Великий.

Мои земляки издревле славились ткачеством. Но во времена Петра I, можно сказать, эта земля своим производством породнилась с Санкт-Петербургом. Великий Царь задумал сделать Петербург морской столицей, а на землях, ныне вхо-

дящих в Брейтовский район, решил разместить вспомогательные ремесла, самодержец здесь лично заложил транспортное судостроительное дело. Так что моя малая родина исторически связана с важнейшими государственными видами деятельности.

– Борис Александрович, а какие знаменитые люди России жили на этих славных землях? – заинтересованно спросил я, чтобы по известным фамилиям лучше представить и запомнить историю неведомых мне краев.

– Да, жили, – сердечно произнес мой собеседник, как будто вспоминая кровную родню. – История края тесно связана с жизнью и деятельностью потомственных мологских дворян графов Мусиных-Пушкиных. Самым известным среди них был Алексей Иванович – государственный деятель, первооткрыватель великого «Слова о полку Игореве», историк, коллекционер и собиратель русских древностей.

Брейтовская земля всегда была на границе важных событий, культур и традиций. Знаешь, когда я смотрю на картину Васнецова «Витязь на распутье», представляю, что вещей камень с указанием путнику возможных путей находился в наших краях, ведь здесь проходила грань между свободной землей и покоренной монголо-татарами территорией. Я верю, что этот хитрый камень еще сохранился, прячется, наверное, в каких-нибудь чашобах, а когда понадобится народу, вновь этот безошибочный указатель окажется на своем месте.

Как я уже сказал, основанный Петром Великим Санкт-Петербург требовал огромного количества ресурсов. Грузы везли по воде. Делали мелкоосадочные суда и барки люди, жившие на землях нашего района. В районном центре театр уже полвека носит гордое звание «Народный». Больше ста двадцати лет библиотечной системе. В середине XX века землевладелец генерал Николай Зиновьев освободил крестьян от крепостной зависимости за несколько лет до всероссийской отмены крепостного права. В революционные годы здесь по-своему разграничили прошлое и будущее, впервые в России создали Брейтовскую советскую волостную республику. Когда я был маленький, моя мама с гордостью говорила о нашей земле. Я запомнил ее слова на всю жизнь. Тогда я ещё не знал модного ныне слова «патриотизм», я просто очень-очень любил свою землю, свою Родину, свою семью.

Борис Орлов был так вдохновлен своими личными и историческими воспоминаниями, что, казалось, он может еще несколько часов рассказывать об истории родного края. Но меня интересовали и другие вопросы.

– Послушайте, Борис Александрович, Ярославль – Это центральная часть Европейской России. Леса, холмы, поля и топи, откуда же у Вас появилось желание ходить по морям-океанам, да еще не просто моряком на надводном корабле стать, а подводником? Ведь с детства Вы не сиживали на берегу мощной реки и не мечтали о дальних плаваниях, вглядываясь в морскую даль.

– Плохо Вы географию знаете, уважаемый Михаил Константинович. А Рыбинское море?! Оно ведь всем морям море! – радостно воскликнул Борис Орлов.

– Но это же не море, а водохранилище, вернее, рукотворное море, – попытался я исправить свою оплошность.

– А какая разница! Когда плывешь по Рыбинке, не думаешь, что это рукотворное море. Море – ведь тоже сотворено, если не человеком, то Богом. А человек создан по образу и подобию Творца. Так что спорить здесь не о чем. По определению море – это часть Мирового океана, обособленная сушей или возвышениями подводного рельефа. И ничего в этом определении не говорится о том, кем оно сотворено. А у нас волны – больше двух метров. Ширь – берегов не видно. Сколько помню себя, во мне боролись два страстных желания: быть моряком, как мой отец, и поэтом. Оба с Божией помощью исполнились.

Помню наши походы с отцом по Рыбинке – счастливейшие события и лучшие дни моей жизни. Я и сейчас до мелочей, до золотых прибрежных песчинок, до радужных оттенков мелких рыбешек, снующих под водной гладью, помню красоту нашего моря.

Вот представь, на просторе уже волна, подгоняемая ночным ветром, а мы с отцом на стоянке, где-нибудь посередине «моря-океана», у необитаемого острова. Вот рассказываю тебе, а сам слышу неспешные разговоры взрослых. Прислушайся, и ты, Михаил Константинович, может, услы-

шишь жужжание комаров, призывные трели неведомой птицы. Приглядишься – видишь – рог месяца, изобильно рассыпающийся по небу спелые звезды. И волны своими мягкими губами тянутся к ним, лакомятся ночной сладостью звездного света.

– Прекрасно! В Вас сейчас говорит поэт. А я не люблю рукотворные моря. Одно такое огубило мою родную деревню, под водой остался дом, где я родился, покосы и луга, наши поляны, где мы мальчишками играли в войну, набирались жизненной мудрости. И кладбище. Ничего не осталось. Даже поклонится нечему. Думаю, если бы у Вас родной уголок был погребен под водой, как Помпеи под пеплом, другая бы картина рисовалась. И настроение было бы иное.

Орлов ничего не ответил, сочувственно вздохнул, но потом попытался возразить.

– Не хочу спорить, – сказал он, – у каждого человека свой взгляд на создание рукотворных морей. Знаю точно – без Рыбинской ГЭС не было бы развития областной промышленности, не работали бы крупные заводы. Кроме того, весенние паводки и летнее обмеление Волги составляли бы массу препятствий для судоходства. Ведь мощный Волго-Балтийский канал связан с Волгой благодаря Рыбинке.

– Сейчас ведь время другое, Борис Александрович, электроэнергии, как говорится, пруд пруди. Может, разобрать плотину и спустить воду?

– Да, Вы не первый, кто говорит об осушении водохрани-

лица. Но когда подсчитаешь расходы и предполагаемую выгоду, в основном эстетического плана, за голову схватишься. Я неоднократно беседовал с бывшими жителями затопленных территорий. Некоторые из них страдают от ностальгии по своей малой родине, это правда, вспоминают – какие были заливные луга! Причем это говорят даже те, кто был вывезен с тех территорий в глубоком младенчестве и лугов тех никогда не видел.

А другие резонно возражают:

– Из-за этих заливных лугов в крае постоянно свирепствовали кишечные инфекции. Дизентерия, брюшной тиф и паратиф косили людей сотнями. Во время сенокоса на заливных лугах расстройством желудка страдало большинство крестьян. Дети от глотка сырой воды могли заразиться кишечной инфекцией и умереть. Я уж не говорю о гепатите. И о сальмонеллезе, печеночном сосальщике и прочих коренных обитателях заливных лугов. Что мы получим при осушении водохранилища?

Мы получим огромную пустыню, устланную в основном песком, ведь мизерный плодородный слой давно размыт и унесен течением в Волгу. В эту пустыню будут вкраплены разных размеров лужи и болота, в большинстве мелкие, с застойной цветущей и зловонной водой. Мало того, получим благоприятные условия для массового выплода малярийного комара.

Весной снова будем получать заливные территории (не

луга!), просто мелкие водоемы, которые, может, и станут лугами, но через десятки лет. А может и не станут! Многолетние сбросы в водохранилище промышленных отходов предприятий города Череповца, сейчас покоящиеся на дне под толщей воды, выйдут на поверхность, потекут в Волгу, отравляя все водозаборы, находящиеся ниже водохранилища. Частично загрязнения останутся в почве осушенного водохранилища, делая весьма сомнительной возможность и целесообразность рекультивации территории. Да и какой может быть разговор о сумасшедших затратах на рекультивацию, если у нас все больше возделываемых земель изымаются из использования и зарастают кустарниками!

К условиям водоема давно уже «притерто», приспособлено огромное хозяйство: водозаборные и водоочистные сооружения Рыбинска, Тутаева, Ярославля.

А судоходство? Именно водохранилище обеспечивает прохождение судов река – море, грузовых и пассажирских, связь с Волго-Балтом, Беломорканалом. Все это хозяйство обеспечено причалами и навигационным оборудованием. Здесь и дешёвая электроэнергия, причем экологически чистая. Помогает решить проблему пиковых нагрузок. Кто все считал, кто оценивал?

– Да остановитесь Вы, Борис Александрович! Если Вас послушать, впору прыгать в Неву от ужасной перспективы. Убедил! Доказал! Но это уже размышления не поэта, а специалиста по обеспечению живучести корабля.

– Извини.

Борис Орлов замолчал, я даже подумал, что его командирский нрав утихомирила, умилостивила окружающая красота. Но через несколько минут он вновь продолжил спор с условным оппонентом, обращаясь ко мне.

– Вы знаете, Михаил Константинович, у нас в стране есть реформаторы, которым бы только выдумать и толкнуть идею покруче, себя показать такими гением преобразователем. Вообще реформаторство мне кажется психической болезнью. Помните наших горе младореформаторов? У них была: патологическая страсть все ломать, все перестраивать, доводить до абсурда. Весь этот нездоровый их запал ухудшает функционирование устоявшейся системы, причем часто это делается в чьи-то личные корыстные или «корпоративных» интересах. Под шумок можно много «бабок» срубить. Кто распознает, почему пересохли все колодцы в населенных пунктах, расположенных у моря? Кто озаботится экологическими нарушениями?

Я интересовался в деталях этой проблемой. Могу сказать, к прежнему состоянию возврата нет.

Вы поймите меня правильно. Идея осушения или снижения воды в Рыбинке опасна, экономически бессмысленна, экологически сомнительна.

– Да ладно Вам, я ведь к слову сказал о спуске воды, от чего Вы так разнервничались, Борис Александрович, как будто я собрался прямо сейчас открыть спусковой кран?

– При чем тут Вы? Не с Вами я веду спор и разговор, – не оценив моего юмора, парировал собеседник. – Общественная палата России с маниакальным упорством проводит одно за другим слушанья по осушению Рыбинки, при этом игнорирует мнение общественности города Рыбинска и Рыбинского района. Не прислушиваются ее члены к мнению местных экспертов, экологов. Позабыли и про общественность Тверской и Вологодской областей.

– А чего это они вдруг занялись этим вопросом? Что, больше заняться нечем? Все осушено, осталось только Рыбинское водохранилище известить? – вновь пошутил я.

– Вот, вот и я о том же. Кто же это так настойчиво, словно дятел, пробивает вопрос осушения? Не знаю. Может быть, хозяева дворцов, что стоят на берегах Истринского водохранилища, хотят обезопасить себя от высоких грунтовых вод?

– Так они нам об этом и скажут. А Вы сами, Борис Александрович, точно знаете, что будет, если спустить воду? Что произойдет с водохранилищем? Или это Ваши поэтические прозрения?

– О чем Вы говорите, любезный Михаил Константинович, Вы же строитель. Любому школьнику понятно, что вреда от осушения или понижения Рыбинки будет во сто крат больше, чем от сохранения его.

– Ну, если школьнику понятно, тогда будет еще долго Рыбинское море существовать в теперешнем виде. Почему? Сейчас это лучше всех понимают школьники, пока они под-

растут, пока хозяевами станут, вот тогда и решат, как быть. Много воды утечет.

– Ваши слова да Боту в уши.

– А Он нас слышит, Борис Александрович. Посмотрите на небо.

Мы оба одновременно запрокинули головы. Над нами мерцали мириады звезд. Там, вверху, был мир особый, правильный, гармоничный. Каждая звездочка, каждая планета веками, тысячелетиями оставались с нашей точки зрения постоянно на своих, заданных Богом местах. И эта неизбежность, бывшая сродни святости, помогала мятущейся человеческой душе поверить в ее Божественное предназначение.

Вода Невы, как будто услышав наш с Борисом разговор, тоже потемнела, нахмурилась. В этот вечер волны Невы были особенно густыми, глубокого стального оттенка, так что казалось, воздух был насыщен приторным запахом прокатного металла. И вся река напоминала огромный зеркальный прокатный лист, уносящий на себе отражения звезд, прибрежных петербургских красот и наши переживания в далекие моря.

От созерцания этой объективной сущности, подвластной Богу, от любования своевольной стихией, которая сама может за себя постоять, действительно становилось легче. Борис Александрович освободился от нахлынувших на него страхов и даже заулыбался, когда мы вышли на Дворцовую площадь. Красота утешает, возрождает, вразумляет наши

недоверчивые сердца, забывающие народную мудрость: «Человек предполагает, а Господь располагает». На Дворцовой площади лучше всего понимаешь, что такое Божий промысел: не иначе – Господь «расположил», чтобы Санкт-Петербург выстоял в страшных испытаниях, сохранился в великой архитектурной целостности. Невозможно представить, как во времена большевистских погромов и фашистской блокады сохранились эти символические сооружения – Исаакиевский собор, Зимний дворец, Александрийский столп с ангелом-хранителем! На все воля Божья, – подумал я и удивился, услышав от Орлова:

– Да, действительно, на все Божья воля.

По площади мы шли молча. Здесь как в храме, громко разговаривать было неприлично, тем более поздним вечером, который услышал нас, наши переживания и ответил, и подбодрил красноречивыми символами.

Под аркой Главного штаба Борис Орлов оглянулся назад и, указав рукой на Адмиралтейство, произнес гулким шепотом:

– Вот здесь моя альма-матер была.

– Почему была, Борис Александрович? – в полный голос спросил я.

– Сейчас Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского, в котором я учился, выслено из этих стен, а сюда переведен из Москвы Главный штаб Военно-морского флота России. Видите, над зданием развевается

Андреевский флаг, он символизирует присутствие высшего военно-морского командования.

– Жалеете?

– О чем?

– Что училище переехало.

– Да мне-то жалеть нечего. Я свое получил, учился здесь, в самом центре нашего славного города, напитался великой его историей и военно-морской традицией. Для современного учебного заведения это здание уже, конечно, не подходит. Это почти музей. И то, что сюда переехало руководство Военно-морским флотом из Москвы, считаю правильным. Символичным! Скажу по секрету, специальный факультет, который я окончил, остался пока в здании Адмиралтейства, и курсанты продолжают здесь учиться.

Как будто в подтверждение нашего возвышенного разговора неожиданно, словно из глубины небес, раздался пронзительный звук. Через равные промежутки времени он повторялся и повторялся, охватывая дали, проникая в наши сердца, наполняя их верой и надеждой.

– Наверно, это колокола Исаакиевского собора? – то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал я.

– Нет, этот колокола Казанского собора, – опять шепотом ответил Борис Александрович.

Перезвон нарастал, наполнялся новыми гармониками, становился многозвучным. Колокола весело перезванивались, как будто переговаривались, спорили, соглашались, по-

степенно их разные по тембру голоса сливались в единое симфоничное звучание, возвещающее время молитвы. Где-то вдалеке, на Екатерининском канале, заговорили колокола «Спаса на Крови». Они были от нас далеко, поэтому их колокольная симфония казалась глуше, смиреннее, трагичнее. Да это и объяснимо – ведь это были колокола храма «на крови».

Какая великая музыка! Действительно, хочется поднять к небу глаза и молиться. Борис Александрович перекрестился и блаженно вздохнул. Наверное, про себя прочитал молитву.

– А Вы, Борис Александрович, верующий человек? – поспешил я, находящийся на грани веры и неверия, задать ему этот значимый для меня вопрос. Как будто не слыша меня, Борис произнес:

*Возрождает Господь колокольные звоны,
Оживают и вера и святость в словах.*

Покаянная скорбь.

Горько плачут иконы,

Словно старые матери, в русских церквах.

Прозреваем и в белые храмы приходим,

Черный грех из души прогоняем крестом.

Горько плачут иконы о русском народе —

Блудном сыне, пришедшем в родительский дом.

Искушение народа – нет хуже напасти:

*Продается душа, чтобы тешилась плоть.
Квартиранты Кремля не управились с властью —
Православною Родиной правит Господь!*

Я молчал. Орлов продолжил:

– Кто-то мне сказал – «нет плохих звонов, есть плохие звонари, нет плохих колоколов, есть плохие литейщики». Все колокола освящены, они словно звучащие иконы.

– Борис Александрович, а Вы верите в Бога? – робко повторил я свой вопрос.

– Трудная тема. Если отвечать кратко – верю! Но по законам Православия я недостаточно воцерковленный человек. То есть недостаточно связанный с жизнью Церкви, которая требует от прихожанина регулярного участия в богослужениях, в насыщенной церковной жизни, требует от человека умения жить по христианским заповедям, поддерживать отношения с церковной общиной и так далее. Стремление к такой жизни у меня есть, а времени на нее нет.

– Прости, что пристаю с вопросом. Так получилось в моей жизни, что я всегда осознавал себя атеистом. Но сейчас, уже в преклонном возрасте, стал все чаще и чаще задумываться о Господе, о заповедях Божиих, о Божией справедливости и возмездии. О спасении. А как ты пришел к вере? К Богу?

Сейчас, по-братски, мне было привычнее обращаться к Борису Александровичу на «ты». Ведь говорят в храме – все мы братья и сестры.

– Вера в Бога – не только убежденность в том, что Он есть. Вера проявляется в доверии Богу, Божиему Промыслу, в осознании жизненного принципа: «Не как я хочу, но как Ты, Господи. Да будет воля твоя». Если человек умеет слышать Божию волю и подчиняться ей, то Сам Господь ему помогает. Мне повезло в жизни. Наша родственница, сестра моей бабушки, была монахиней в монастыре. Монастырь богоборцы разорили, осквернили, но веру отнять у русских людей не смогли. Бабушка вернулась в деревню, купила себе маленький домик и обустроила его подобно келье, стала вести тайную монашескую жизнь. Много, помню, было у нее икон. Тогда в нашем районе совсем не осталось церквей. Бабушка Елена проводила в своей избушке службы по случаю церковных праздников. Мы с сестрой помогали ей, коротали у нее все свободное время. В этой своей келье она нас с согласия наших отца и матери крестила. Уже будучи взрослым, я рассказал одному православному священнику, что был крещен монахиней, и спросил, не нужно ли провести новый обряд крещения. «Нет, не нужно, – был его ответ. – Таков о Вас Божий промысел. Ведь это все совершалось в лютые богоборческие времена, когда Церковь в руинах лежала. Хорошо, что Вы были хоть так крещены. И это для Вашей дальнейшей судьбы было благом и спасением».

Борис Орлов опять замолчал, губы его зашевелились, я был уверен, что он, молча, читал молитву. Наверное, на помин души бабушки Елены. Потом он продолжил.

– Да, бабушка Елена многому нас научила, часто нам говорила, что когда человек выполняет заповеди Божии, живет по совести, тогда и только тогда его можно назвать верующим. Вера – это не только безотчетное, всепоглощающее чувство, но состояние ума, воли, сердечных чувств человека. Большинство людей имеют неглубокое духовное зрение, не прозревают замысла Божия, не различают духов зла, доверяются им, ведь в наше апостасийное время их тьмы и тьмы. А Бог знает все. «Поэтому тем, кто на Него уповает, Он помогает, Он помогает воплотить истинно доброе и дает на это силы», – говорила мне бабушка Елена.

Борис Орлов опять задумался. Я его не торопил, и он продолжил свой рассказ: —

Я приблизительно пересказал слова, но эти заповеди бабы Лены хранимы моей душой всю жизнь. И я уверен, что Господь помогает мне. Например, послал таких прекрасных учителей, которыми были Анна Александровна и Николай Романович Бакины.

Это они терпеливо учили нас в деревенской школе арифметической премудрости, чистописанию, чтению по хрестоматии «Родная речь». Их рассказы о прошлом нашей страны, о природе, о реках, морях и океанах запомнились мне навсегда. Сейчас малыш-трехлетка знает, – а я тогда в первом классе только от них узнал, что у реки есть исток и устье, а также берег левый и правый.

Борис Александрович счастливо заулыбался. Было ра-

достно следить за его просветленным любовью лицом, одухотворенным взором. И я отчетливо представлял вместе с ним, как эти незнакомые мне люди, давно ушедшие в мир иной, переживают, заботятся о каждом своем ученике, волнуются об успехах своих маленьких учеников, тревожатся из-за их неудач, приходят на помощь своим подопечным.

– В этом состояла вся их жизнь, их предназначение на этой земле, их человеческий подвиг, – подытожил Орлов. – А мое поступление в военное училище – не чудо ли? Тогда был огромный конкурс. Девять человек на одно место. И я, деревенский паренек, побеждаю, а многие городские «хорошисты» сошли с дистанции.

А стихи – разве не Божий промысел? Я писал их с тех пор, как помню себя, как говорится, «отроду». Но поэту нужна оценка. Помню, как в восемнадцать лет со своими опусами я робко пришел в журнал «Нева» и первым человеком, которого я встретил, был великий Всеволод Рождественский. И он меня приветил, одобрил, похвалил. Эта его похвала стала моим поэтическим крещением. Конечно, эта встреча – случайность. Но на его месте мог в тот момент оказаться какой-нибудь заслуженный русофоб (и тогда их было предостаточно), и меня с моими духовными стихами о России могли бы выставить, унижить, отбить охоту к творчеству. Да, многие события можно назвать случайностью, но думаю, что это Господь помогал мне. И других хороших «случайностей» в моей жизни было немало.

Вскоре мы подошли к Екатерининскому каналу. От небесной колокольной симфонии, от разговора, убедившего меня в существовании помощи Божией, я был в приподнятом настроении. И почему-то здесь мы с Борисом Александровичем почти одновременно вспомнили, что в советские времена канал был переименован в честь великих современников и тезки Пушкина – поэта и офицера Александра Сергеевича Грибоедова. Это имя поныне символизирует высшие смыслы – героического служения, верности, любви. На берегу канала Грибоедова, у входа в метро, мы с Борисом Орловым попрощались. Глядя ему вслед, зная его нелегкую военную службу и тяжелейшее писательское служение, я подумал, что, без преувеличения, это достойнейший человек нашего времени. Его имя имеет право на долгую память. К сожалению, мы мало или совсем не ценим творчество и подвиги наших современников, тем более здравствующих. Дай Бог и этому славному сыну России, моему любимому поэту, моему доброму товарищу, человеку высокой нравственности, Борису Орлову с его поэзией, с благородным образом служения Отечеству, остаться высоким примером в веках.